

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 26 февраля 2019 г.

О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 “О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем”

В связи с изменением законодательства и возникшими в судебной практике вопросами Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет внести в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 “О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем” следующие изменения:

1) в преамбуле абзац второй изложить в следующей редакции:

“Международное сообщество, стремясь вырабатывать эффективные меры по предупреждению транснациональной легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем, приняло ряд документов, к которым относятся конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 года, против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года, против коррупции от 31 октября 2003 года, конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 года, об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и об отмыва-

нии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 года. Международным сообществом применяются стандарты в области противодействия отмыванию денег Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ).”;

2) в пункте 1:

а) в абзаце втором слова “безналичные и электронные денежные средства” заменить словами “безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства”;

б) дополнить абзацами третьим, четвертым и пятым следующего содержания:

“Исходя из положений статьи 1 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 года и с учетом Рекомендации 15 ФАТФ предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174¹ УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления.

Крупный или особо крупный размер деяния, предусмотренного статьями 174 и 174¹ УК РФ, определяется исходя из фактической стоимости имущества, составляющего предмет данных преступлений, на момент начала осуществления с ним финансовых операций или сделок, а в случае совершения нескольких финансовых операций или сделок — на момент начала осуществления первой из них. При отсутствии сведений о фактической стои-

мости имущества она может быть установлена на основании заключения специалиста или эксперта.

В том случае, если предметом преступления являются денежные средства в иностранной валюте, крупный или особо крупный размер деяния, предусмотренного статьями 174 и 174¹ УК РФ, определяется по официальному курсу соответствующей валюты, установленному Банком России на основании статьи 53 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” на момент начала осуществления с указанной валютой финансовых операций или сделок.”;

3) в пункте 4 абзац третий изложить в следующей редакции:

“постановлении органа предварительного расследования или суда о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) за совершение основного преступления в связи со смертью лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, в связи с недостижением лицом возраста уголовной ответственности, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в случаях, предусмотренных пунктом 6 части 1 статьи 24 УПК РФ, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием, а также по основаниям, предусмотренным статьей 25¹ или статьей 28¹ УПК РФ, если материалы уголовного дела содержат доказательства, свидетельствующие о наличии события и состава основного преступления, и органом предварительного расследования или судом дана им соответствующая оценка;”;

4) в пункте 10:

а) абзац первый изложить в следующей редакции:

“10. Исходя из положений пункта 1 статьи 6 Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и

конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 года и пункта 1 статьи 9 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 года под целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), как обязательным признаком составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174¹ УК РФ, следует понимать сокрытие преступного происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него. Данная цель может быть установлена на основании фактических обстоятельств дела, указывающих на характер совершенных финансовых операций или сделок, а также иных сопряженных с ними действий виновного лица и его соучастников, направленных на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности его свободного оборота. Такая цель может проявляться, в частности:”;

б) в абзаце восьмом слова “неперсонифицированных или персонифицированных, но” исключить;

5) в пункте 18 слова “один миллион пятьсот тысяч рублей (примечание к статье 169 УК РФ)” заменить словами “два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей (примечание к статье 170² УК РФ)”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Трехлетний срок исковой давности по договору займа, срок возврата которого договором не установлен, начинает течь после истечения 30 дней со дня предъявления требования о возврате займа (п. 1 ст. 810 ГК РФ)

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 17 апреля 2018 г. № 4-КГ18-8*

(Извлечение)

А. обратился с иском к С. о взыскании денежных средств по договору займа, а также процентов за пользование займом и процентов, предусмотренных ст. 395 ГК РФ, ссылаясь на то, что

ответчик уклонялся от выплаты образовавшейся задолженности.

В ходе рассмотрения заявленных требований судом было установлено следующее. 3 сентября 2008 г. между Кредитным потребительским кооперативом граждан “Р.” (далее — КПКГ “Р.”) и С. был заключен договор займа на сумму 300 000 руб. сроком на один месяц с уплатой компенсации на сумму займа в размере 6% в месяц. Погашение займа и выплата компенсации должны были производиться в конце срока действия договора (пп. 1.1, 2.3 договора займа).

Пунктом 2.5 договора займа при возвращении займа в рассрочку был определен следующий порядок расчетов: предусматривалась выплата процентов за фактический срок пользования займом до момента погашения основной суммы займа.

3 октября 2008 г. сторонами было заключено дополнительное соглашение о продлении срока действия договора до полного погашения займа на прежних условиях.

В период с 14 ноября 2008 г. по 13 января 2011 г. С. частично производил выплаты по договору займа, общая сумма платежей составила 222 000 руб.

2 августа 2013 г. между КПКГ “Р.” и А. был заключен договор уступки прав по указанному выше договору займа.

20 мая 2015 г. А. направил С. уведомление о возврате суммы займа и причитающейся компенсации по нему, которое было оставлено без ответа.

Решением суда первой инстанции требования А. были удовлетворены.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции сослался на пропуск истцом срока исковой давности, исходя из того, что последний платеж по договору займа от должника поступил 13 января 2011 г., в то время как за защитой нарушенного права истец обратился в 2015 году.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 17 апреля 2018 г., не согласившись с выводами суда апелляционной инстанции, определение отменила по следующим основаниям.

Согласно ст. 431 ГК РФ (здесь и далее правовые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Если правила, содержащиеся в ч. 1 этой статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон.

Учитывая названное положение Кодекса, пп. 1.1 и 2.5 договора займа, а также дополнительное соглашение о продлении срока действия договора до полного погашения займа на прежних условиях, суду в качестве юридически значимого обстоятельства следовало определить, в какой срок заем подлежал возврату.

Согласно ст. 810 ГК РФ в случаях, когда срок возврата договором не установлен или определен моментом востребования, сумма займа должна быть возвращена заемщиком в течение 30 дней со дня предъявления соответствующего требования, если иное не предусмотрено договором.

В соответствии с п. 1 ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 этого Кодекса.

В силу п. 2 ст. 200 ГК РФ по обязательствам с определенным сроком исполнения течение срока

исковой давности начинается по окончании срока исполнения.

По обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, срок исковой давности начинает течь со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства, а если должнику предоставляется срок для исполнения такого требования, исчисление срока исковой давности начинается по окончании срока, предоставляемого для исполнения такого требования. При этом срок исковой давности, во всяком случае, не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательства.

По смыслу указанных выше норм трехлетний срок исковой давности по договору займа, срок возврата которого договором не установлен, начинается течь после истечения 30 дней со дня предъявления требования о возврате займа.

20 мая 2015 г. истец, к которому перешли права кредитора в соответствии с заключенным им 2 августа 2013 г. с КПКГ “Р.” договором уступки прав, направил ответчику уведомление о возврате суммы займа и причитающейся компенсации по нему. Уведомление ответчиком не получено и было возвращено в связи с истечением срока хранения.

С иском в суд истец обратился 5 августа 2015 г.

Однако эти обстоятельства применительно к положениям п. 2 ст. 200 ГК РФ не получили оценки суда апелляционной инстанции по правилам ч. 4 ст. 198 ГПК РФ, в связи с чем отказ в удовлетворении заявленных требований по мотиву пропуска срока исковой давности нельзя было признать правильным.

Допущенные нарушения норм материального права явились существенными, непреодолимыми и не могли быть устранены без отмены судебного постановления.

В связи с изложенным Судебная коллегия отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Годичный срок на предъявление налога на добавленную стоимость к вычету в связи с возвратом сумм неотработанных авансовых платежей исчисляется с момента установления возврата авансовых платежей

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 25 июля 2018 г. № 308-КГ18-2949*

(Извлечение)

Налогоплательщиком в качестве подрядчика заключены договоры подряда с обществом, на основании которых общество перечислило налогоплательщику авансовые платежи для выполнения работ. При получении авансовых платежей налогоплательщик исчислил и уплатил в бюджет соответствующие суммы налога на добавленную стоимость (далее — НДС).

В 3 и 4 квартале 2014 г. общество направило налогоплательщику уведомления о зачете неотработанных авансовых платежей в счет встречных однородных требований по выплате гарантийного удержания по выполненным работам. В дальнейшем договоры подряда были расторгнуты.

В уточненной налоговой декларации по НДС за 4 квартал 2015 г. налогоплательщик заявил к вычету НДС с сумм неотработанных авансов, однако налоговый орган отказал в возмещении НДС по причине нарушения налогоплательщиком годичного срока вычета, установленного п. 4 ст. 172 НК РФ.

Посчитав свои права нарушенными, налогоплательщик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды исходили из того, что п. 4 ст. 172 НК РФ связывает начало исчисления срока вычета налога с моментом прекращения обязательства по возврату неотработанных авансовых платежей. Суды, руководствуясь ст.ст. 407, 410 ГК РФ и разъяснениями, содержащимися в Обзоре практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований (информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 декабря 2001 г.), указали, что в настоящем случае обязательства по возврату авансовых платежей прекратились с момента получения уведомлений общества. Следовательно, согласно выводу судов годичный срок на предъявление НДС к вычету пропущен налогоплательщиком, представившим уточненную налоговую декларацию лишь в 2016 году.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 25 июня 2018 г. отменила названные судебные акты и удовлетворила требование налогоплательщика по следующим основаниям.

Согласно абз. 2 п. 5 ст. 171 НК РФ вычетам, в частности, подлежат суммы налога, исчисленные продавцами и уплаченные ими в бюджет с сумм оплаты, частичной оплаты в счет предстоящих поставок товаров (выполнения работ, оказания услуг), реализуемых на территории Российской Федерации, в случае изменения условий либо расторжения соответствующего договора и возврата соответствующих сумм авансовых платежей.

Как указано в п. 4 ст. 172 НК РФ, вычеты производятся в полном объеме после отражения в учете соответствующих операций по корректировке в связи с возвратом товаров или отказом от товаров (работ, услуг), но не позднее одного года с момента возврата или отказа.

Таким образом, если авансовые платежи возвращены налогоплательщиком без выполнения соответствующего объема работ (неотработанный аванс), в целях приведения налоговой обязанности к действительному размеру ранее исчисленный к уплате в бюджет НДС подлежит корректировке посредством заявления сумм налога к вычету в течение одного года после отражения в учете соответствующих операций.

Вместе с тем налоговые обязательства являются прямым следствием деятельности налогоплательщика в экономической сфере и потому неразрывно с ней связаны. Исходя из п. 1 ст. 54 НК РФ, финансово-хозяйственные операции учитываются в целях налогообложения при условии их документального подтверждения, т.е. при отсутствии неопределенности в том, имеются ли в действительности соответствующие факты хозяйственной деятельности налогоплательщика, в данном случае — факт возврата (зачета) авансовых платежей.

Налогоплательщик не был согласен с направленными ему в одностороннем порядке уведомлениями общества о зачете авансовых платежей, оспаривал наличие оснований для таких действий общества.

Исчисление срока на принятие к вычету сумм НДС, ранее исчисленных при поступлении авансовых платежей, с момента получения вышеназванных уведомлений в такой ситуации не соответствовало бы действительной позиции налогоплательщика как участника гражданского оборота, не признававшего возврат авансовых платежей в качестве факта своей хозяйственной деятельности ввиду наличия об этом неурегулированных разногласий с контрагентом.

Определенность в отношениях между сторонами относительно факта возврата (зачета) авансовых платежей наступила в 4 квартале 2015 г., следовательно, с этого момента в силу п. 1 ст. 54 НК РФ налогоплательщик был вправе исходить из возникновения у него оснований для принятия к вычету НДС.

Принимая во внимание, что уточненная налоговая декларация за этот налоговый период представлена в 2016 году, т.е. в пределах одного года с момента возникновения права на вычет, у налогового органа отсутствовали законные основания для отказа в возмещении НДС.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Абзац 15 п. 1 приложения к письму Минстроя России от 2 сентября 2016 г. № 28483-АЧ/04 “Об отдельных вопросах, возникающих в связи с изменениями, внесенными в акты Правительства Российской Федерации постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2016 года № 603 “О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам предоставления коммунальных услуг” признан недействующим со дня вступления в законную силу решения суда

*Решение Верховного Суда РФ
от 15 июня 2018 г. № АКПИ18-367,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ в связи с поступлением многочисленных обращений о предо-

ставлении разъяснений изменений, внесенных в акты Правительства РФ, письмом за подписью заместителя Министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 2 сентября 2016 г. № 28483-АЧ/04 “Об отдельных вопросах, возникающих в связи с изменениями, внесенными в акты Правительства Российской Федерации постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2016 года № 603 “О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам предоставления коммунальных услуг” (далее — Письмо) направило высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации Информацию об отдельных вопросах, возникающих в связи с применением изменений, внесенных в акты Правительства Российской Федерации постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2016 года № 603 “О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам предоставления коммунальных услуг” (далее — приложение).

Постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 утверждены Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов (действующие в редакции постановления Правительства РФ от 27 марта 2018 г. № 331) (далее — Правила № 354).

В п. 1 приложения к Письму содержится следующее разъяснение:

“В соответствии с пунктом 42¹ и 43 Правил № 354, а также в соответствии с показателем площади помещений, используемым для определения размера платы за коммунальную услугу по отоплению в расчетных формулах приложения № 2 к Правилам № 354, размер платы за коммунальную услугу по отоплению подлежит определению в одинаковом установленном Правилами № 354 порядке (с применением соответствующих расчетных формул) во всех жилых и нежилых помещениях многоквартирного дома, вне зависимости от условий отопления отдельных помещений в многоквартирном доме, в том числе в отсутствии обогревающих элементов, установленных в помещении, присоединенных к централизованной внутридомовой инженерной системе отопления, при подключении многоквартирного дома к централизованной системе теплоснабжения”.

Гражданин К. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском с заявлением о признании недействующим Письма, ссылаясь на то, что оно имеет нормативный характер, содержит разъяснения, не соответствующие действительному смыслу разъясняемых положений нормативного правового акта, не соответствует ст.ст. 1, 544, 1102 ГК РФ, ст.ст. 1, 157 ЖК РФ в части разъяснения, согласно которому размер платы за коммунальную услугу по отоплению подлежит определению в одинаковом порядке во всех жилых и нежилых помещениях многоквартирного дома, вне зависимости от наличия или отсутствия в них обогревающих элементов, установленных в помещении, присоединенных к централизован-

ной внутридомовой инженерной системе отопления, при подключении многоквартирного дома к централизованной системе теплоснабжения.

Верховный Суд РФ 15 июня 2018 г. заявленные требования удовлетворил, указав следующее.

В оспариваемой части Письма Минстрой России дает разъяснение по применению правовых норм — пп. 42¹, 43 Правил № 354 и расчетных формул приложения № 2 к названным Правилам, суть которого сводится к тому, что размер платы за коммунальную услугу по отоплению подлежит определению в одинаковом, установленном Правилами № 354 порядке (с применением соответствующих расчетных формул) во всех жилых и нежилых помещениях многоквартирного дома, вне зависимости от условий отопления отдельных помещений в многоквартирном доме, в том числе в отсутствие обогревающих элементов, установленных в помещении, присоединенных к централизованной внутридомовой инженерной системе отопления, при подключении дома к централизованной системе отопления.

Раздел VI Правил № 354 устанавливает порядок расчета и внесения платы за коммунальные услуги.

Пункт 42¹ определяет способы оплаты коммунальной услуги по отоплению, а п. 43 — объем потребленной в нежилом помещении многоквартирного дома тепловой энергии.

Между тем из содержания пп. 42¹, 43 Правил № 354 не следует вывод о том, что размер платы за коммунальную услугу по отоплению подлежит определению в одинаковом установленном этими Правилами порядке во всех жилых и нежилых помещениях многоквартирного дома, вне зависимости от условий отопления отдельных помещений в многоквартирном доме, в том числе в отсутствие обогревающих элементов, установленных в помещении, присоединенных к централизованной внутридомовой инженерной системе отопления, при подключении многоквартирного дома к централизованной системе теплоснабжения. Правила № 354 устанавливают единый порядок расчета платы за отопление вне зависимости от условий отопления и предусматривают обязанность граждан по оплате коммунальной услуги отопления вне зависимости от наличия или отсутствия в жилых и нежилых помещениях обогревающих элементов, присоединенных к централизованной внутридомовой инженерной системе отопления, поскольку расчет размера платы, предусмотренный формулами 2, 2¹, 3, 3¹ приложения № 2 к Правилам № 354, учитывает только общую площадь жилого (нежилого) помещения.

Следовательно, Письмо в оспариваемой части фактически восполняет пробел в действующем нормативно-правовом регулировании, выходит за рамки адекватного толкования положений Правил № 354, регулирующих способ оплаты коммунальной услуги и порядок расчета платы за отопление — пп. 42¹, 43.

Письмо направлено высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации, обла-

дает нормативными свойствами, позволяющими применять его в качестве обязывающего предписания общего характера.

Согласно п. 1 ст. 217¹ КАС РФ по результатам рассмотрения административного дела об оспаривании акта, обладающего нормативными свойствами, суд принимает решение об удовлетворении заявленных требований полностью или в части, если оспариваемый акт полностью или в части не соответствует действительному смыслу разъясняемых им нормативных положений, устанавливает не предусмотренные разъясняемыми нормативными положениями общеобязательные правила, распространяющиеся на неопределенный круг лиц и рассчитанные на неоднократное применение.

Учитывая изложенное, Верховный Суд РФ решением от 15 июня 2018 г. административное исковое заявление удовлетворил, признал недействующим со дня вступления в законную силу решения суда абз. 15 п. 1 приложения к письму Минстроя России от 2 сентября 2016 г. № 28483-АЧ/04 “Об отдельных вопросах, возникающих в связи с изменениями, внесенными в акты Правительства Российской Федерации постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2016 года № 603 “О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам предоставления коммунальных услуг”.

2. Подпункт “г” п. 21 Правил выплаты единовременных пособий, ежемесячной денежной компенсации и порядка выплаты сумм возмещения имущественного ущерба сотруднику таможенного органа Российской Федерации в связи с выполнением служебных обязанностей, утвержденных приказом ФТС России от 6 августа 2013 г. № 1452, в части, не предусматривающей представление копии приказа об увольнении из таможенных органов по состоянию здоровья на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности сотрудника к службе в таможенных органах, подп. “е” указанного пункта в части, не предусматривающей представление копии заключения военно-врачебной комиссии о категории годности сотрудника к службе в формулировке “В — ограниченно годен к службе в таможенных органах”, признаны недействующими с 26 июля 2016 г.

*Решение Верховного Суда РФ
от 14 июня 2018 г. № АКПИ18-380,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Согласно п. 21 Правил выплаты единовременных пособий, ежемесячной денежной компенсации и порядка выплаты сумм возмещения имущественного ущерба сотруднику таможенного органа Российской Федерации в связи с выполнением служебных обязанностей (утвержденных приказом ФТС России от 6 августа 2013 г. № 1452, далее — Правила) для рассмотрения вопроса о назначении и выплате ежемесячной денежной компенсации

при установлении гражданину Российской Федерации, уволенному со службы в таможенных органах, инвалидности вследствие военной травмы, полученной в связи с выполнением своих служебных обязанностей и исключившей возможность дальнейшего прохождения службы в таможенных органах, представляются:

а) заявление о выплате ежемесячной денежной компенсации;

б) копия акта служебного расследования;

в) копии соответствующих приговоров, решений, определений и постановлений судов, следственных органов и органов предварительного расследования об установлении виновных лиц;

г) копия приказа об увольнении со службы в таможенных органах по болезни на основании заключения военно-врачебной комиссии о негодности сотрудника к службе в таможенных органах;

д) копия справки, подтверждающей факт установления инвалидности, с указанием группы, срока инвалидности и причины инвалидности в формулировке “военная травма”, выданной федеральным государственным учреждением медико-социальной экспертизы;

е) копия заключения ВВК о категории годности сотрудника к службе в формулировке “Д — не годен к службе в таможенных органах” в связи с установлением причинной связи увечья, иного повреждения здоровья в формулировке “военная травма”.

Гражданин Ш. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском о признании частично недействующими подп. “г”, “е” п. 21 Правил, ссылаясь на то, что оспариваемые положения нормативного правового акта не соответствуют ч. 5 ст. 12 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ “О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в части, возлагающей на сотрудника, обратившегося с заявлением о назначении и выплате ежемесячной денежной компенсации, обязанность представить копию приказа об увольнении со службы в таможенных органах по болезни на основании заключения ВВК о негодности сотрудника к службе в таможенных органах и копию заключения ВВК о категории годности сотрудника к службе в формулировке “Д — не годен к службе в таможенных органах” в связи с установлением причинной связи увечья, иного повреждения здоровья в формулировке “военная травма”.

Верховный Суд РФ 14 июня 2018 г. заявленные требования удовлетворил, указав следующее.

Правила изданы ФТС России в соответствии с ч. 10 ст. 12 Федерального закона “О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, ч. 12 ст. 323 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ “О таможенном регулировании в Российской Федерации” в целях обеспечения социальных гарантий сотрудникам таможенных органов Российской Федерации.

Приказом ФТС России от 26 июля 2016 г. № 1454, согласованным с Минфином России, в

Правила внесены изменения, в частности п. 21 Правил изложен в новой редакции.

Разделом IV Правил определен перечень документов, необходимых для рассмотрения вопроса о выплате единовременного пособия, о выплате ежемесячной денежной компенсации.

Согласно ч. 5 ст. 12 Федерального закона “О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” при установлении гражданину Российской Федерации, уволенному со службы в учреждениях и органах, инвалидности вследствие военной травмы, полученной в связи с выполнением своих служебных обязанностей и исключившей возможность дальнейшего прохождения службы в учреждениях и органах, ему в порядке, определяемом руководителем федерального органа исполнительной власти, в котором проходил службу сотрудник, выплачивается ежемесячная денежная компенсация с последующим взысканием выплаченных сумм указанной компенсации с виновных лиц в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Данная компенсация направлена на сохранение за сотрудниками утраченного вследствие причинения здоровью вреда при исполнении ими служебных обязанностей денежного довольствия и обеспечение защиты их интересов.

Согласно ст. 61 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” в целях установления причинной связи полученных гражданами, в том числе сотрудниками таможенных органов, увечий (ранений, травм, контузий), заболеваний с прохождением ими службы в органах проводится военно-врачебная экспертиза, деятельность которой регламентирована постановлением Правительства РФ от 4 июля 2013 г. № 565 “Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе”.

В п. 94 Положения о военно-врачебной экспертизе определено, что ВВК выносит заключение о причинной связи увечий, заболеваний с формулировкой “военная травма”, если они получены освидетельствуемым при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей). Заключение ВВК с формулировкой “военная травма” свидетельствует о наличии юридически значимой причинной связи увечья, заболевания с исполнением обязанностей военной службы или службы в иных органах.

Определяя порядок прохождения службы в таможенных органах, Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ “О службе в таможенных органах Российской Федерации” в п. 2 ст. 48 предусматривает основания для увольнения сотрудника таможенного органа со службы, в том числе по состоянию здоровья на основании заключения врачебной комиссии об ограниченной годности указанного сотрудника к службе в таможенных органах (подп. 8); по болезни на основании заключения врачебной комиссии о негодности указанного сотрудника к службе в таможенных органах (подп. 9).

Законодатель определил условия выплаты данной ежемесячной денежной компенсации сотрудникам, признанным инвалидами вследствие военной травмы, в зависимости от группы инвалидности, закрепив в ч. 5 ст. 12 Федерального закона “О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (в ред. Федерального закона от 1 мая 2016 г. № 125-ФЗ), что размер ежемесячной денежной компенсации исчисляется исходя из размера оклада месячного денежного содержания и размера ежемесячной надбавки к окладу месячного денежного содержания за стаж службы (выслугу лет), принимаемых для исчисления пенсий, с применением следующих коэффициентов:

- 1) в отношении инвалида I группы — 1;
- 2) в отношении инвалида II группы — 0,5;
- 3) в отношении инвалида III группы — 0,3.

Таким образом, предусмотренные подп. “г” п. 21 Правил требование о представлении копии приказа об увольнении со службы в таможенных органах по болезни на основании заключения ВВК о негодности сотрудника к службе в таможенных органах и подп. “е” п. 21 Правил требование о представлении копии заключения ВВК о категории годности сотрудника к службе в формулировке “Д — не годен к службе в таможенных органах” ограничивают права сотрудников таможенных органов на получение гарантий и компенсаций, установленных законодательством Российской Федерации, и являются неправомерными.

В силу п. 1 ч. 2 ст. 215 КАС РФ по результатам рассмотрения административного дела об оспаривании нормативного правового акта судом принимается решение об удовлетворении заявленных требований полностью или в части, если оспариваемый нормативный правовой акт полностью или в части признается не соответствующим иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу.

Учитывая, что в раздел IV Правил, определяющий перечень документов, необходимых для рассмотрения вопроса о выплатах, изменения были внесены приказом ФТС России от 26 июля 2016 г., с этой даты подлежат признанию недействующими подп. “г” п. 21 Правил выплаты единовременных пособий, ежемесячной денежной компенсации и порядка выплаты сумм возмещения имущественного ущерба сотруднику таможенного органа Российской Федерации в связи с выполнением служебных обязанностей, утвержденных приказом ФТС России от 6 августа 2013 г. № 1452, в части, не предусматривающей представление копии приказа об увольнении из таможенных органов по состоянию здоровья на основании заключения ВВК об ограниченной годности сотрудника к службе в таможенных органах, подп. “е” п. 21 названных Правил в части, не предусматривающей представление копии заключения ВВК о категории годности сотрудника к службе в формулировке “В — ограниченно годен к службе в таможенных органах”.

3. Приказ ФАС России от 29 ноября 2017 г. № 1606/17 “Об утверждении тарифов на услуги по транспортировке газа по газораспределительным сетям ООО “Омскгазсеть” на территории Омской области” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 3 апреля 2018 г. № АКПИ18-26, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26 июля 2018 г. № АПЛ18-255

4. Абзац 5 п. 5, п. 75 Правил перевозок грузов автомобильным транспортом, утвержденных постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2011 г. № 272 (в редакции постановления Правительства РФ от 12 декабря 2017 г. № 1529), признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. № АКПИ18-129, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 31 июля 2018 г. № АПЛ18-273

5. Пункт 8 цен на электрическую энергию и мощность, производимые с использованием генерирующего оборудования, отнесенного к генерирующим объектам, мощность которых поставляется в вынужденном режиме, в целях обеспечения надежного электроснабжения потребителей на 2018 год, утвержденных приказом ФАС России от 30 ноября 2017 г. № 1615/17, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 16 апреля 2018 г. № АКПИ18-67, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 31 июля 2018 г. № АПЛ18-270

6. Абзацы 1, 2 и 4 п. 2 Правил об очередных и дополнительных отпусках, утвержденных Народным Комиссариатом Труда СССР 30 апреля 1930 г. № 169, в той части, в которой они допускают удержание из заработной платы работника для погашения его задолженности работодателю за неотработанные дни отпуска при его увольнении по своей инициативе или по соглашению сторон до окончания того рабочего года, в счет которого он уже получил ежегодный оплачиваемый отпуск, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 20 февраля 2018 г. № АКПИ17-1068, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24 мая 2018 г. № АПЛ18-168

7. Пункт 2.1.2 Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденного приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2016 г. № 252, в части, предусматривающей создание личного кабинета на физическое лицо, которым подаются документы в электронном виде в суд, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 12 апреля 2018 г. № АКПИ18-108, вступившее в законную силу

8. Приказ ФСБ России от 19 июля 2016 г. № 432 “Об утверждении Порядка представления организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” в Федеральную службу безопасности Российской Федерации информации, необходимой для декодирования принимаемых, передаваемых, доставляемых и (или) обрабатываемых электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 20 марта 2018 г. № АКПИ17-1181, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 9 августа 2018 г. № АПЛ18-298

9. Оспариваемые частично пп. 5.1, 5.3 и подп. 5.1.1, 5.7.1 Порядка учета документов, входящих в состав библиотечного фонда, утвержденного приказом Минкультуры России от 8 октября 2012 г. № 1077, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 10 апреля 2018 г. № АКПИ18-38, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26 июля 2018 г. № АПЛ18-266

10. Подпункт “а” п. 7 Положения о лицензировании разработки, производства, испытания, установки, монтажа, технического обслуживания, ремонта, утилизации и реализации вооружения и военной техники, утвержденного постановлением Правительства РФ от 13 июня 2012 г. № 581, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2018 г. № АКПИ18-97, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26 июля 2018 г. № АПЛ18-271

11. Абзацы 2, 3, 4 п. 1 приказа Минтранса России, Государственного таможенного комитета РФ от 8 сентября 2003 г. № 187/970 “О перечне документов и порядке контроля целевого использования транспортных средств, временно ввозимых на таможенную территорию Российской Федерации” признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 16 марта 2018 г. № АКПИ17-1178,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 12 июля 2018 г. № АПЛ18-238*

12. Приложение № 2 к приказу ФНС России от 13 февраля 2017 г. № ММВ-7-8/179@ “Об утверждении форм документа о выявлении недоимки, требования об уплате налога, сбора, страховых взносов, пени, штрафа, процентов, а также документов, используемых налоговыми органами при применении обеспечительных мер и взыскании задолженности по указанным платежам” в той части, в которой содержащаяся в нем форма требования не предусматривает указание на налоговый период, за который подлежит уплате налог, признано не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 24 апреля 2018 г. № АКПИ18-127,
вступившее в законную силу*

13. Подпункт “г” п. 28 Правил осуществления выплат в целях возмещения вреда, причиненного в связи с выполнением служебных обязанностей, сотрудникам и работникам федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы или членам их семей, утвержденных приказом МЧС России от 23 апреля 2013 г. № 280, в части, предусматривающей для сотрудников представление в комиссию для решения вопроса о выплате единовременного пособия в случае повреждения здоровья сотрудника копии заключения ЦВВК ВЦЭРМ с установлением причинной связи увечья, иного повреждения здоровья в формулировке “военная травма”, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 20 апреля 2018 г. № АКПИ18-76,
вступившее в законную силу*

14. Пункт 12 Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, утвержденного постановлением Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 27 апреля 2018 г. № АКПИ18-141,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 9 августа 2018 г. № АПЛ18-285*

15. Подпункт “а” п. 12 Перечня медицинских противопоказаний для осуществления работ, непосредственно связанных с движением поездов и маневровой работой, утвержденного приказом Минздрава России от 19 декабря 2005 г. № 796, в части слов “ожирение с индексом массы тела более 40” признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 24 апреля 2018 г. № АКПИ18-180,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 23 августа 2018 г. № АПЛ18-315*

16. Пункты 2, 195 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442, подп. “а” п. 1 приложения № 3 к ним в части указания на п. 195 в абз. 1 и слов в абз. 6 данного подпункта “или количество часов в определенном в соответствии с пунктом 195 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии периоде времени, в течение которого осуществлялось безучетное потребление электрической энергии” признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 16 мая 2018 г. № АКПИ18-268,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 23 августа 2018 г. № АПЛ18-312*

17. Оспариваемый частично подп. 15.4 приложения № 1 к приказу МВД России, Минюста России, МЧС России, Минфина России, Минобороны России, ФСБ России, ФСКН России, ФСО России, СВР России, ФТС России, ФМС России, ГФС России, СК России, Генпрокуратуры России от 12 февраля 2014 г. № 89дсп/19дсп/73дсп/1адсп/113дсп/108дсп/75дсп/93дсп/19дсп/324дсп/133дсп/ 63дсп/14/95дсп “Об утверждении Наставления по ведению и использованию централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов, формируемых на базе органов внутренних дел Российской Федерации” признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 9 апреля 2018 г. № АКПИ18-45,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 17 июля 2018 г. № АПЛ18-253*

18. Письмо Минкультуры России от 3 августа 2017 г. № 236-01.1-39-ОР признано не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 6 марта 2018 г. № АКПИ17-1154,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 28 июня 2018 г. № АПЛ18-203*

19. Пункты 120, 123, 123¹, 123³, 123⁴ Правил холодного водоснабжения и водоотведения, утвержденных постановлением Правительства РФ от 29 июля 2013 г. № 644, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 4 апреля 2018 г. № АКПИ18-73, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 июля 2018 г. № АПЛ18-237

20. Постановление Правительства РФ от 4 августа 2017 г. № 937

“О внесении изменений в приложение № 2 к постановлению Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2015 г. № 99” признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 4 апреля 2018 г. № АКПИ18-77, вступившее в законную силу

21. Пункт 119 Правил холодного водоснабжения и водоотведения, утвержденных постановлением Правительства РФ от 29 июля 2013 г. № 644, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 11 апреля 2018 г. № АКПИ18-155, вступившее в законную силу

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Расходы обвиняемого, связанные с проведением медико-автотехнической экспертизы в негосударственном экспертном учреждении по его инициативе, относятся к иным расходам и возмещаются реабилитированному в порядке главы 18 УПК РФ

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 ноября 2017 г. № 35-УД17-19

(Извлечение)

По приговору Калининского районного суда Тверской области от 29 июня 2016 г. Г. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ, оправдан в связи с отсутствием в деянии состава преступления на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ с признанием за ним права на реабилитацию и возмещение имущественного вреда.

Г. обратился в суд с заявлением о возмещении причиненного ему уголовным преследованием имущественного вреда.

По постановлению Калининского районного суда Тверской области от 2 декабря 2016 г. (оставленному без изменения в указанной части судом апелляционной инстанции и судом кассационной инстанции) отказано в удовлетворении требований реабилитированного Г. в части возме-

щения причиненного ему имущественного вреда, связанного с расходами на оплату проведенной по уголовному делу по его инициативе экспертизы, в размере 95 000 руб. В остальной части его требования были частично удовлетворены.

В кассационной жалобе реабилитированный Г. оспаривал законность и обоснованность состоявшихся судебных решений об отказе в возмещении расходов на оплату проведенной по уголовному делу по его инициативе экспертизы, просил требования удовлетворить.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 7 ноября 2017 г. кассационную жалобу удовлетворила, мотивировав решение следующим.

Согласно ст. 135 УПК РФ возмещение реабилитированному имущественного вреда включает в себя возмещение в том числе иных расходов, понесенных лицом вследствие незаконного уголовного преследования, подтвержденных документально либо иными доказательствами.

При этом под иными расходами, возмещение которых реабилитированному предусмотрено п. 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ, следует понимать и расходы, понесенные им в целях устранения последствий незаконного уголовного преследования, включая затраты на возмещение убытков.

Эти требования закона не учтены судом при рассмотрении заявления Г. о возмещении понесенных им расходов, связанных с проведением медико-автотехнической экспертизы.

По инициативе Г. ООО “Тверской центр судебных экспертиз” была проведена комплексная медико-автотехническая экспертиза по факту дорожно-транспортного происшествия.

Как усматривается из договора возмездного оказания услуг, квитанции о приеме денежных средств и акта выполненных работ, стоимость услуги по проведению экспертизы составила 95 000 руб. и была оплачена заказчиком Г. в полном объеме.

Отказывая в удовлетворении требований Г. о возмещении расходов на оплату экспертизы, суд первой инстанции сослался на то обстоятельство, что экспертиза не имела доказательственного значения по делу и не учитывалась судом при назначении повторной комплексной медико-автотехнической экспертизы в государственном экспертном учреждении, между тем судом дана оценка заключению эксперта в приговоре.

Расходы на проведение экспертизы понесены Г. непосредственно в ходе уголовного преследования при реализации прав обвиняемого, предусмотренных ст. 47 УПК РФ, в частности права представлять доказательства.

Эти обстоятельства, подтверждающие понесенные Г. расходы в связи с его уголовным преследованием, не были учтены судом первой инстанции.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся судебные решения в части отказа в удовлетворении требований о возмещении расходов, связанных с проведением комплексной медико-автотехниче-

ской экспертизы в ООО “Тверской центр судебных экспертиз”, в размере 95 000 руб. и передала заявление Г. на новое судебное рассмотрение¹.

2. Приговор в части осуждения лица по ч. 2 ст. 210 УК РФ отменен, поскольку в последующем судебном решении в отношении соучастника преступления содержался противоположный вывод относительно установления факта существования одного и того же преступного сообщества

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 9 ноября 2017 г. № 83-УД17-7*

(Извлечение)

По приговору Советского районного суда г. Брянска от 14 октября 2015 г. (с учетом внесенных изменений) Т. осужден по ч. 2 ст. 210, ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ (восемь эпизодов) и другим статьям Уголовного кодекса РФ.

По постановлению президиума Брянского областного суда от 17 августа 2016 г. приговор изменен, снижено назначенное Т. наказание по ч. 2 ст. 210 УК РФ, в остальной части приговор оставлен без изменения.

Т. признан виновным в участии в преступном сообществе (преступной организации), в покушениях на незаконный сбыт наркотических средств и их аналогов, совершенных с использованием сети “Интернет”, организованной группой, в значительном и крупном размерах, и в других преступлениях.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного Т. просил изменить состоявшиеся судебные решения, поскольку в действиях Т. отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 210 УК РФ. Ссылаясь на то, что уголовное дело в отношении Т. было рассмотрено в порядке, предусмотренном главой 40¹ УПК РФ, тогда как при рассмотрении впоследствии уголовного дела в общем порядке в отношении лица, которому также инкриминировалось участие в преступном сообществе и его действия были аналогичны действиям Т., суд апелляционной инстанции отменил приговор в части его осуждения по ч. 2 ст. 210 УК РФ, производство по делу прекратил за отсутствием в деянии состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 9 ноября 2017 г. удовлетворила кассационную жалобу, указав следующее.

Уголовное дело в отношении Т. было рассмотрено в предусмотренном главой 40¹ УПК РФ порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

¹ По постановлению Калининского районного суда Тверской области от 26 декабря 2017 г. постановлено взыскать с Минфина России за счет казны Российской Федерации в порядке возмещения имущественного вреда реабилитированному Г. в связи с понесенными расходами на проведение комплексной медико-автотехнической экспертизы 105 165 руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Брянского областного суда 6 мая 2016 г., проверив законность и обоснованность приговора в отношении К. — лица, действия которого по участию в преступной группе и совершению в ее составе отдельных преступлений, направленных на организацию незаконного сбыта наркотических средств, являлись совместными с Т., совершены в один период, отменила постановленный по результатам проведения судебного разбирательства в общем порядке приговор Советского районного суда г. Брянска от 25 февраля 2016 г. в части осуждения его по ч. 2 ст. 210 УК РФ и в этой части прекратила производство по делу за отсутствием в деянии состава преступления.

Исходя из толкования норм, содержащихся в ч. 6 ст. 317⁷ и ч. 7 ст. 316 УПК РФ в их взаимосвязи, суд при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве постановляет обвинительный приговор, только если придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу.

При таких обстоятельствах, учитывая, что согласно решению суда апелляционной инстанции в отношении К. признано недоказанным существование преступного сообщества, за участие в деятельности которого осужден Т., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор в отношении Т. в части его осуждения по ч. 2 ст. 210 УК РФ, производство по делу прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Военнослужащий, отказавшийся от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, может быть досрочно уволен с военной службы в порядке аттестации в связи с невыполнением им условий контракта

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 12 апреля 2018 г. № 203-КГ18-2*

(Извлечение)

Решением Пензенского гарнизонного военного суда от 22 марта 2017 г., оставленным без изменения апелляционным определением Приволжского окружного военного суда от 23 мая 2017 г., удовлетворено административное исковое заявление старшего сержанта запаса К. о признании незаконным решения аттестационной комиссии в части ходатайства о его увольнении с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта и приказа командира воинской части о его увольнении с военной службы по названному основанию.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 12 апреля 2018 г., рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного ответчика, решения судов первой и апелляционной инстанций в связи с нарушениями норм материального права отменила, приведя в обоснование следующие доводы.

Из материалов дела следует, что К. в период прохождения военной службы по контракту 1 мая 2015 г. совершил административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ (невыполнение водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), что было установлено вступившим 30 сентября 2015 г. в законную силу постановлением Пензенского гарнизонного военного суда от 31 июля 2015 г.

Названным решением гарнизонного военного суда административный истец подвергнут административному штрафу в размере тридцати тысяч рублей с лишением права управления транспортными средствами на срок один год шесть месяцев.

После этого К. был представлен на аттестационную комиссию, по результатам заседания которой 15 февраля 2017 г. факт невыполнения требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения был расценен членами комиссии как невыполнение административным истцом условий контракта, в связи с чем комиссия, несмотря на положительные характеристики по военной службе и отсутствие дисциплинарных взысканий, пришла к выводу о целесообразности его досрочного увольнения с военной службы.

Приказом командира воинской части от 2 марта 2017 г. К. уволен с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и исключен из списков части.

Признавая названное решение аттестационной комиссии и приказ незаконными, суд первой инстанции указал в решении, что по службе административный истец в целом характеризовался положительно, неснятых дисциплинарных взысканий не имел, соответствовал занимаемой воинской должности. Суд также указал, что аттестационная комиссия, принимая решение о целесообразности увольнения К., руководствовалась лишь фактом привлечения его к административной ответственности и не привела данных о несоответствии его занимаемой должности и условиям контракта по своим нравственно-деловым качествам, а также отношению к своим непосредственным и общим обязанностям военнослужащего.

С выводами гарнизонного военного суда согласился суд апелляционной инстанции.

Однако такие выводы судов основаны на неправильном истолковании норм материального права.

Согласно ст. 26 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” к числу общих обязанностей военнослужащего относится строгое соблюдение Конституции Российской Федерации и законов Российской Федерации, требований общевоинских уставов, воинской дисциплины.

В соответствии с п. 3 ст. 32 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе” условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Таким образом, факт совершения К. административного правонарушения, выразившегося в отказе от выполнения законного требования сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования на предмет установления факта управления им автомобилем в состоянии опьянения, свидетельствует о нарушении административным истцом общих обязанностей военнослужащего, в том числе обязанности строго соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, соответствовать высоким нравственным требованиям, дорожить воинской честью, т.е. о невыполнении им условий контракта, что само по себе могло явиться основанием для досрочного увольнения с военной службы.

В суде установлено, что решение по вопросу невыполнения административным истцом условий контракта принято в рамках процедуры аттестации, аттестация К. проведена комиссией в надлежащем составе с участием административного истца, а в ходе заседания оценивался не только факт привлечения К. к административной ответственности, но и другие данные, характеризующие его служебную деятельность и личность, что следует из исследовавшихся в судебном заседании протокола заседания аттестационной комиссии, аттестационного листа и других письменных документов.

Выполнение аттестационной комиссией названных условий позволило обеспечить объективность заключения и прийти к обоснованному выводу о том, что характер совершенного К. проступка — несмотря на положительные характеристики и отсутствие дисциплинарных взысканий на момент решения вопроса о его увольнении с военной службы — свидетельствует о том, что он перестал удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

Срок, в течение которого заявитель считается подвергнутым административному наказанию, на момент издания приказа о его увольнении не истек.

При таких данных у судов не имелось оснований для вывода об отсутствии у аттестационной комиссии оснований для заключения о невыполнении К. условий контракта, а у командира воинской части — для досрочного увольнения административного истца с военной службы.

2. Ссылка суда в приговоре на показания свидетеля, не допрашивавшегося в судебном заседании, повлекла исключение из описательно-мотивировочной части приговора ссылки на эти показания

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 8 июня 2018 г. № 208-АПУ18-4С

(Извлечение)

По приговору Дальневосточного окружного военного суда от 26 февраля 2018 г. Х. и другие осуждены за совершение ряда преступлений к лишению свободы.

В приговоре суд сослался на показания свидетеля К., указав, что он допрашивался в судебном заседании.

Вместе с тем, как усматривается из протокола судебного заседания, К. в судебном заседании не допрашивался и его показания не оглашались.

Согласно ч. 3 ст. 240 УПК РФ приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании.

При таких данных суд не вправе был ссылаться в приговоре на показания этого свидетеля.

Рассмотрев уголовное дело по апелляционным жалобам осужденных и их защитников и приведя указанное обоснование, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 8 июня 2018 г. приговор в отношении Х.

и других изменила, исключила из описательно-мотивировочной части приговора ссылку на показания свидетеля К.

При этом Судебная коллегия в апелляционном определении указала, что исключение таких показаний само по себе не свидетельствует о незаконности и необоснованности приговора в целом, постановленного на достаточной совокупности иных доказательств по делу, отвечающих требованиям закона.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

1. При наличии ходатайства обвиняемого о применении особого порядка принятия судебного решения и отсутствии обстоятельств, препятствующих разбирательству уголовного дела в особом порядке, судья при назначении судебного заседания принимает решение о рассмотрении данного дела в особом порядке

*Постановление президиума
Саратовского областного суда
от 30 октября 2017 г.*

(Извлечение)

По приговору Ленинского районного суда г. Саратова от 19 ноября 2015 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Р. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Р. признан виновным в мошенничестве при получении выплат, т.е. хищении денежных средств при получении субсидий, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем предоставления заведомо ложных сведений, совершенном с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере.

В кассационной жалобе Р. просил приговор отменить, поскольку судом необоснованно, по его мнению, применен общий порядок судебного разбирательства, несмотря на заявленное им ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

По постановлению заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 29 сентября 2017 г. кассационная жалоба Р. вместе с уголовным делом переданы для рассмотрения в судебном заседании президиума Саратовского областного суда.

Президиум Саратовского областного суда 30 октября 2017 г. отменил судебные решения и передал уголовное дело на новое судебное рассмотрение¹ по следующим основаниям.

¹ По приговору Ленинского районного суда г. Саратова от 21 декабря 2017 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Р. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Приговор постановлен в общем порядке судопроизводства, поскольку в силу ч. 1 ст. 314 УПК РФ уголовное дело не может быть рассмотрено в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, при отсутствии согласия на это государственного обвинителя и потерпевшего.

При ознакомлении с материалами уголовного дела Р. было заявлено ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главой 40 УПК РФ, вину в инкриминируемых ему преступлениях Р. признавал в полном объеме.

Вместе с тем судьей назначено судебное заседание без проведения предварительного слушания в общем порядке судебного разбирательства со ссылкой на предъявленное Р. обвинение и позицию последнего к предъявленному обвинению.

В ходе рассмотрения уголовного дела в общем порядке судебного разбирательства Р. также признал свою вину в совершении преступления, обвинение было подтверждено исследованными доказательствами, фактические обстоятельства преступления, характер и размер вреда, причиненного деянием, несмотря на квалификацию содеянного как единого продолжаемого преступления, не изменились.

Исходя из разъяснений, содержащихся в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 “О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел”, в нормах главы 40 УПК РФ указаны условия постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, а не условия назначения уголовного дела к рассмотрению, поэтому при наличии ходатайства обвиняемого о применении особого порядка принятия судебного решения и отсутствии обстоятельств, препятствующих разбирательству уголовного дела в особом порядке, судья при назначении судебного заседания принимает решение о рассмотрении данного дела в особом порядке.

Глава 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, в частности, содеянное обвиняемым может быть переqualифицировано, если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются, на что обращено внимание в п. 12 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Приведенные обстоятельства не были учтены судом первой инстанции, кроме того, отказывая в удовлетворении ходатайства Р. о применении особого порядка судебного разбирательства, суд не учел, что свою вину в инкриминируемых преступлениях Р. признавал в полном объеме и ему предъявлено обвинение в совершении преступлений, наказание за которые не превышает десяти лет лишения свободы.

Изложенное свидетельствует о допущенных судом существенных нарушениях уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела.

2. При признании подсудимым своей вины формально и при последующем заявлении о совершении деяния по неосторожности обвинительный приговор не может быть постановлен в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ

*Постановление президиума
Московского городского суда
от 25 августа 2017 г.*

(Извлечение)

По приговору Черемушкинского районного суда г. Москвы от 30 июля 2015 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) П. осужден по ч. 1 ст. 242¹ УК РФ (в ред. Федерального закона от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ), пп. “а”, “г” ч. 2 ст. 242¹ УК РФ (35 эпизодов), по п. “г” ч. 2 ст. 242 УК РФ (6 эпизодов) и п. “б” ч. 3 ст. 242 УК РФ (2 эпизода). На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено три года шесть месяцев лишения свободы.

Приговор постановлен в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов П. просил отменить состоявшиеся судебные решения как незаконные, поскольку непризнание П. своей вины в судебном заседании исключало возможность рассмотрения дела в особом порядке.

По постановлению заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 14 июля 2017 г. кассационная жалоба адвоката в защиту интересов П. вместе с уголовным делом переданы для рассмотрения в судебном заседании президиума Московского городского суда.

Президиум Московского городского суда 25 августа 2017 г. отменил приговор и апелляционное определение и передал уголовное дело на новое рассмотрение¹, указав в обоснование следующее.

¹ По приговору Черемушкинского районного суда г. Москвы от 22 декабря 2017 г. П. оправдан по предъявленному обвинению в совершении указанных преступлений в связи с отсутствием в деянии состава преступления на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ.

Согласно чч. 2 и 3 ст. 314 УПК РФ суд вправе постановить приговор без проведения судебного разбирательства, если удостоверится, что обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства и такое ходатайство было заявлено им добровольно и после проведения консультаций с защитником.

В силу ч. 7 ст. 316 УПК РФ суд постановляет обвинительный приговор в особом порядке судебного разбирательства в том случае, если придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу.

Приведенные выше положения закона определяют обязанность суда в рамках главы 40 УПК РФ убедиться в обоснованности предъявленного лицу обвинения, проверить его на предмет соответствия добытым в ходе предварительного расследования доказательствам, требованиям ст.ст. 74 и 75 УПК РФ.

Если суд установит, что условия, при которых заявлено ходатайство, не соблюдены, а также при возникновении сомнений в обоснованности предъявленного обвинения, в том числе признаков преступления, либо достоверности и допустимости собранных по делу доказательств, суд выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке.

Несмотря на то что П. формально согласился с предъявленным ему обвинением и поддержал ходатайство о постановлении в отношении его приговора без проведения судебного разбирательства, в ходе предварительного следствия он вину в совершении преступления фактически не признавал.

Как усматривается из протокола судебного заседания, П. полностью признал вину и поддержал ранее заявленное ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке. Затем впоследствии на вопрос государственного обвинителя, почему он совершил преступление, в котором обвиняется, пояснил, что не хотел его совершать, что это произошло случайно в связи с его компьютерной неграмотностью, он не собирался ничего скачивать и хранить на компьютере, тем более распространять. Если бы он знал, что программа скачивается и остается в компьютере, а затем распространяется, он бы ее удалил.

В ходе предварительного следствия П. давал аналогичные показания, вину в совершении инкриминируемых ему преступлений фактически не признавал, приводил свою версию имевших место событий, в том числе ссылаясь на свою компьютерную неграмотность.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что ходатайство П. об особом порядке рассмотрения дела и признание вины носило формальный характер, поскольку фактически он не признавал свою вину в совершении преступлений, ссылаясь на неосторожный характер своих действий.

Между тем субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст.ст. 242 и 242¹ УК РФ, характеризуется наличием прямого умысла, т.е. в силу ст. 25 УК РФ виновный должен осознавать общественную опасность своих действий (бездействия), предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желать их наступления.

При таких обстоятельствах с учетом позиции П. в ходе предварительного расследования и в судебном заседании у суда имелись основания для рассмотрения дела в общем порядке, исследования и проверки в судебном заседании доказательств на предмет выяснения и установления имеющих существенное значение для правильного разрешения дела обстоятельств, которые бы подтверждали не только наличие у П. желания именно с целью распространения приобретать и хранить материалы с порнографическими изображениями, в том числе несовершеннолетних, но и сами факты их распространения, что из материалов дела не усматривается, поскольку только наличие у П. компьютерной программы, позволяющей скачивать и раздавать файлы другим пользователям в автоматическом режиме, не свидетельствует о его прямом умысле на совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 242 и 242¹ УК РФ.

Изложенное свидетельствует о допущенных судом существенных нарушениях уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела.

3. При избрании меры пресечения судом были predeterminedены выводы, которые должны быть сделаны судом по результатам рассмотрения уголовного дела

*Постановление президиума
Верховного Суда Республики Башкортостан
от 17 января 2018 г.*

(Извлечение)

По приговору Салаватского районного суда Республики Башкортостан от 27 апреля 2015 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции в части квалификации действий осужденного) Х. осужден по ч. 3 ст. 162 УК РФ.

Х. в кассационной жалобе просил отменить состоявшиеся судебные решения, поскольку, по его мнению, приговор постановлен незаконным составом суда.

По постановлению заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 28 ноября 2017 г. кассационная жалоба Х. вместе с уголовным делом переданы для рассмотрения в судебном заседании президиума Верховного Суда Республики Башкортостан.

Президиум Верховного Суда Республики Башкортостан 17 января 2018 г. кассационную жалобу удовлетворил, указав в обоснование следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных решений в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

По настоящему уголовному делу такие нарушения были допущены.

Конституционный характер права каждого на рассмотрение его дела справедливым и беспристрастным судом был подтвержден Конституционным Судом РФ, в том числе в Постановлениях от 2 июля 1998 г. № 20-П и от 23 марта 1999 г. № 5-П, Определении от 1 ноября 2007 г. № 800-О-О, где Конституционный Суд РФ, указав на необходимость обеспечения беспристрастности и независимости судей при рассмотрении ими уголовных дел, признал недопустимым принятие как ими самими, так и вышестоящими судебными инстанциями решений, предопределяющих в той или иной мере выводы, которые должны быть сделаны судом по результатам рассмотрения находящегося в его производстве уголовного дела. При этом Конституционный Суд РФ подчеркнул, что высказанная судьей в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела позиция относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности вывода о виновности в его совершении обвиняемого, достаточности собранных доказательств определенным образом ограничивала бы его свободу и независимость при дальнейшем производстве по делу и постановлении приговора или иного итогового решения.

В силу приведенной правовой позиции судья в таких случаях не должен участвовать в дальнейшем рассмотрении уголовного дела, с тем чтобы не ставить под сомнение законность и обоснованность решения, которое будет принято по этому делу в конечном счете.

Как усматривается из материалов уголовного дела, разрешая ходатайство следователя об избрании Х. меры пресечения в виде заключения под стражу, суд указал, что “ходатайство подлежит удовлетворению, поскольку Х. обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, преступление совершил в период отбывания условного наказания, тяжесть и последствия совершенного им особо тяжкого преступления в соучастии с другими участниками по данному уголовному делу до конца не осознал”, т.е. допустил формулировки, которые могут свидетельствовать о виновности лица, в отношении которого разрешалось ходатайство.

Этот же суд в том же составе постановил в отношении Х. обвинительный приговор.

При таких обстоятельствах президиум Верховного Суда Республики Башкортостан отменил приговор и апелляционное определение в отношении Х. и уголовное дело передал на новое судебное рассмотрение.

**ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ
С НАЗНАЧЕНИЕМ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ КОНФИСКАЦИИ,
А ТАКЖЕ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ИЗЪЯТИЯ ИЗ НЕЗАКОННОГО ВЛАДЕНИЯ ЛИЦА,
СОВЕРШИВШЕГО АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ, ВЕЩЕЙ
И ИНОГО ИМУЩЕСТВА В СФЕРЕ ОБОРОТА ЭТИЛОВОГО СПИРТА, АЛКОГОЛЬНОЙ
И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ, ЯВИВШИХСЯ ОРУДИЕМ СОВЕРШЕНИЯ
ИЛИ ПРЕДМЕТОМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ**

Верховным Судом РФ проведено изучение практики рассмотрения судами общей юрисдикции и арбитражными судами в 2015—2017 годах дел об административных правонарушениях, связанных с назначением административного наказания в виде конфискации и с осуществлением изъятия из незаконного владения лица, совершившего административное правонарушение, этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также сырья, полуфабрикатов, производственной, транспортной, потребительской тары (упаковки), этикеток, средств укупорки потребительской тары, федеральных специальных марок и акцизных марок (в том числе поддельных), основного технологического оборудования для производства этилового спирта, которое подлежит государственной регистрации, автомобильного транспорта, явившихся орудием совершения или предметом административного правонарушения.

В ходе изучения судебной практики были проанализированы основные вопросы, связанные с назначением указанного административного наказания по делам об административных правонарушениях в сфере производства, оборота и потребления алкогольной и спиртосодержащей продукции, рассмотренным судами с 2015 по 2017 год.

Согласно данным судебной статистики, полученным в Судебном департаменте при Верховном Суде РФ, судьями судов общей юрисдикции и арбитражными судами в изучаемом периоде было рассмотрено более 386 тыс. дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 14.2, 14.16, 14.17, 14.18, 15.12 КоАП РФ. При этом суды общей юрисдикции рассмотрели более 255 тыс. дел, арбитражные суды — более 131 тыс. дел. В 2015 году было рассмотрено 117 654 дела, в 2016 году — 128 648 дел, в 2017 году — 140 218 дел.

Приведенные показатели демонстрируют последовательное ежегодное увеличение количества рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел указанной категории.

Как следует из п. 4 ч. 1 ст. 3.2 КоАП РФ, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения является одним из видов административного наказания, назначаемого за совершение административного правонарушения.

Согласно ч. 1 ст. 3.7 КоАП РФ конфискацией орудия совершения или предмета административного правонарушения является принудительное безвозмездное обращение в федеральную собственность или в собственность субъекта Российской Федерации не изъятых из оборота вещей. Конфискация назначается судьей.

Этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция являются самостоятельным (особым) предметом государственного контроля. Правовые основы производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции в Российской Федерации определены Федеральным законом от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции” (далее — Закон № 171-ФЗ).

За невыполнение сформулированных в Законе № 171-ФЗ требований к осуществлению производства

и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также к потреблению (распитию) алкогольной продукции ст.ст. 14.16, 14.17, 14.17¹, 14.17², 14.18, 14.19, чч. 3 и 4 ст. 15.12, ст.ст. 15.13, 20.20, 20.22 КоАП РФ прямо предусмотрена административная ответственность физических лиц, должностных и юридических лиц.

Кроме того, в случае нарушения положений Закона № 171-ФЗ указанные лица могут быть привлечены к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.1, ст. 14.2, чч. 1 и 2 ст. 14.43 КоАП РФ.

Конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения установлена в качестве санкции за совершение всех административных правонарушений, предусмотренных указанными статьями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, за исключением ст. 15.13 КоАП РФ.

Помимо конфискации этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также сырья, полуфабрикатов, производственной, транспортной, потребительской тары (упаковки), этикеток, средств укупорки потребительской тары, федеральных специальных марок и акцизных марок (в том числе поддельных), основного технологического оборудования, автомобильного транспорта, являющихся орудием совершения или предметом административного правонарушения, по указанным делам суды осуществляют изъятие названных вещей и иного имущества, связанного с производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции из незаконного владения лица, совершившего административное правонарушение на основании ч. 3 ст. 3.7 КоАП РФ.

При этом указанные в п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, а также сырье, полуфабрикаты, производственная, транспортная, потребительская тара (упаковка), этикетки, средства укупорки потребительской тары, федеральные специальные марки и акцизные марки (в том числе поддельные), основное технологическое оборудование, автомобильный транспорт находятся в незаконном обороте и подлежат изъятию.

Применение судом конфискации как вида административного наказания и изъятия из незаконного владения лица, совершившего административное правонарушение, имеет различные правовые последствия.

Согласно ч. 1 ст. 3.7 КоАП РФ в случае применения судом конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения они передаются в федеральную собственность или в собственность субъекта Российской Федерации.

При осуществлении судом изъятия из незаконного владения лица, совершившего административное правонарушение, вещи, изъятые из оборота, подлежат передаче в соответствующие организации или уничтожению, вещи, не изъятые из оборота, подлежат возвращению собственнику, законному владельцу, а при неустановлении его передаются в собственность государства в соответствии с законодательством Российской Федерации (ч. 3 ст. 3.7, пп. 1, 2, 2¹ ч. 3 ст. 29.10 КоАП РФ).

Суды общей юрисдикции при рассмотрении указанных дел применяют процессуальные нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Арбитражные суды на основании ч. 1 ст. 202 АПК РФ рассматривают дела об административных правонарушениях, связанных с нарушением требований Закона № 171-ФЗ, по общим правилам искового производства, предусмотренным главой 25 АПК РФ и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Срок рассмотрения судьей суда общей юрисдикции и арбитражным судом первой инстанции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением требований Закона № 171-ФЗ, составляет два месяца со дня получения судьей суда общей юрисдикции, правомочным рассматривать дело, протокола об административном правонарушении и других материалов дела, со дня поступления в арбитражный суд заявления о привлечении к административной ответственности (ч. 1^а ст. 29.6 КоАП РФ, ч. 1 ст. 205 АПК РФ).

Жалоба на постановление суда общей юрисдикции по делу об административном правонарушении, связанном с нарушением требований Закона № 171-ФЗ, может быть подана в течение десяти суток со дня вручения или получения копии постановления, жалоба на решение арбитражного суда о привлечении к указанной административной ответственности — в течение десяти дней со дня его принятия (ч. 1 ст. 30.3 КоАП РФ, абз. 1 ч. 4 ст. 206 АПК РФ).

Срок рассмотрения судьей суда общей юрисдикции и арбитражным судом апелляционной инстанции жалобы на постановление, решение по делу об административных правонарушениях, связанных с нарушением требований Закона № 171-ФЗ, составляет два месяца со дня ее поступления со всеми материалами дела в суд общей юрисдикции, правомочный рассматривать жалобу, со дня поступления апелляционной жалобы вместе с делом в арбитражный суд апелляционной инстанции, включая срок на подготовку дела к судебному разбирательству и на принятие судебного акта (ч. 1^а ст. 30.5 КоАП РФ, ч. 1 ст. 267 АПК РФ).

В целях обеспечения единообразных подходов к рассмотрению судами дел об административных правонарушениях, связанных с назначением административного наказания в виде конфискации, а также с осуществлением изъятия из незаконного владения лица, совершившего административное правонарушение, этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также сырья, полуфабрикатов, производственной, транспортной, потребительской тары (упаковки), этикеток, средств укупорки потребительской тары, федеральных специальных марок и акцизных марок (в том числе поддельных), основного технологического оборудования для производства этилового спирта, которое подлежит государственной регистрации, автомобильного транспорта, явившихся орудием совершения или предметом административного правонарушения, по результатам изучения и обобщения судебной практики Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» определены следующие правовые позиции.

1. Указанные в п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция находятся в незаконном обороте и подлежат изъятию, а не конфискации.

Постановлением судьи районного суда, оставленным без изменения решением судьи областного суда и постановлением заместителя председателя областного суда, директор общества П. признан виновным в совершении административного правонарушения, пре-

дусмотренного ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа с конфискацией арестованной в соответствии с протоколом ареста алкогольной продукции.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, П. просил изменить состоявшиеся по делу судебные акты, исключив указание на назначение ему административного наказания в виде конфискации алкогольной продукции.

Судья Верховного Суда РФ постановление судьи районного суда, решение судьи областного суда и постановление заместителя председателя областного суда изменил, заменив указание на конфискацию арестованной в соответствии с протоколом ареста алкогольной продукции указанием на изъятие данной продукции с ее последующим уничтожением в установленном порядке по следующим основаниям.

В ходе проведенной должностными лицами Межрегионального управления Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка (далее также — административный орган) проверки деятельности общества, занимающегося розничной продажей алкогольной продукции, было установлено, что имеющаяся алкогольная продукция не имеет надлежащей маркировки. Сертификаты соответствия и товарно-сопроводительные документы на эту продукцию представлены не были. Данные обстоятельства отражены в протоколе осмотра принадлежащих юридическому лицу помещений, территорий и находящихся там вещей и документов.

По результатам административного расследования было также установлено, что общество осуществляет свою деятельность без лицензии.

Таким образом, совершенное директором общества П. деяние образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ.

Вместе с тем при назначении П. административного наказания в виде конфискации алкогольной продукции судья районного суда не учел положения ч. 3 ст. 3.7 КоАП РФ и п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ.

При таких обстоятельствах постановление судьи районного суда, решение судьи областного суда и постановление заместителя председателя областного суда были изменены путем замены указания на конфискацию арестованной в соответствии с протоколом ареста алкогольной продукции указанием на изъятие данной алкогольной продукции с ее последующим уничтожением в установленном порядке.

(По материалам судебной практики Верховного Суда РФ)

По другому делу, рассмотренному арбитражным судом, по результатам проверки административный орган составил протокол о совершении обществом административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.17 КоАП РФ, а также об аресте спиртосодержащей продукции за ее хранение за пределами срока действия лицензии на производство, хранение и поставку данной продукции.

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к указанной административной ответственности.

Решением арбитражного суда первой инстанции требования удовлетворены, общество привлечено к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.17 КоАП РФ с назначением административного наказания в виде штрафа с конфискацией спиртосодержащей продукции, арестованной по протоколу.

Суд установил, что по истечении установленных п. 5 ст. 20 Закона № 171-ФЗ двух месяцев с момента прекращения действия лицензии общество в нарушение п. 2 ст. 20, п. 1 ст. 26 Закона № 171-ФЗ хранило остатки спиртосодержащей продукции. На этом основании суд сделал вывод о наличии в действиях общества

состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.17 КоАП РФ.

Применив к обществу помимо штрафа административное наказание в виде конфискации, арбитражный суд исходил из того, что общество является собственником спиртосодержащей продукции.

Арбитражный суд апелляционной инстанции изменил решение арбитражного суда первой инстанции в части применения к обществу наказания в виде конфискации спиртосодержащей продукции, указав на ее изъятие. При этом арбитражный суд апелляционной инстанции руководствовался следующим.

В соответствии с ч. 3 ст. 3.7 КоАП РФ изъятие из незаконного владения лица, совершившего административное правонарушение, орудия совершения или предмета административного правонарушения, изъятых из оборота либо находившихся в противоправном владении лица, совершившего административное правонарушение, по иным причинам и на этом основании подлежащих обращению в собственность государства или уничтожению, не является конфискацией.

Из положений п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ следует, что названные в нем этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция признаются находящимися в незаконном обороте.

Общество хранило спиртосодержащую продукцию в отсутствие лицензии, поэтому на основании абз. 2 подп. 1 п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ такая продукция находится в незаконном обороте и в силу указанной нормы и ч. 3 ст. 3.7 КоАП РФ подлежит изъятию, а не конфискации.

Следовательно, арбитражный суд первой инстанции в данном случае неправомерно применил конфискацию в качестве меры наказания.

Постановлением арбитражного суда округа судебные акты оставлены без изменения.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Республики Дагестан)

2. Конфискация как альтернативное (обязательное) дополнительное наказание, предусмотренное за совершение административного правонарушения, не может быть применена в отношении орудий совершения и предметов административных правонарушений, признаваемых на основании п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ находящимися в незаконном обороте.

По результатам проверки административный орган составил протокол о совершении обществом административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.16 КоАП РФ, а также протокол об изъятии вещей и документов, в частности алкогольной продукции в связи с ее хранением без определенных федеральным законом сопроводительных документов, удостоверяющих легальность ее производства и оборота.

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности и применении в качестве санкций административного штрафа и конфискации предмета административного правонарушения.

Решением арбитражного суда первой инстанции требования удовлетворены, общество привлечено к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.16 КоАП РФ с назначением административного наказания в виде штрафа с конфискацией арестованной спиртосодержащей продукции.

Применив к обществу помимо штрафа административное наказание в виде конфискации, арбитражный суд исходил из того, что санкцией указанной статьи Кодекса предусмотрено обязательное (альтернативное) назначение дополнительного наказания в виде конфискации алкогольной продукции. Суд счел, что неприменение обязательного дополнительного наказания в виде конфискации будет означать назначение административного наказания ниже низшего пре-

дела, в то время как подобные действия допускаются действующим законодательством исключительно в отношении административных штрафов (чч. 2² и 3² ст. 4.1 КоАП РФ).

Арбитражный суд апелляционной инстанции изменил решение арбитражного суда первой инстанции в части назначения обществу наказания в виде конфискации спиртосодержащей продукции и указал в данной части на ее изъятие, руководствуясь следующим.

Из положений ч. 3 ст. 3.3 КоАП РФ следует, что, если санкция статьи Кодекса предусматривает обязательное назначение дополнительного административного наказания наряду с основным, но при этом дополнительное наказание не может быть назначено лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, судья вправе назначить лишь основное наказание.

Применительно к категории дел об административных правонарушениях, совершенных в сфере оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, такое основание (исключение) предусмотрено ч. 3 ст. 3.7 КоАП РФ, а также Законом № 171-ФЗ, согласно которому в указанных в п. 1 ст. 25 названного Закона случаях этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, а также сырье, полуфабрикаты, производственная, транспортная, потребительская тара (упаковка), этикетки, средства упаковки потребительской тары, федеральные специальные марки и акцизные марки (в том числе поддельные), основное технологическое оборудование, автомобильный транспорт признаются находящимися в незаконном обороте, поэтому подлежат изъятию.

Следовательно, конфискация орудий совершения и (или) предметов административных правонарушений, находящихся в незаконном обороте, не подлежит применению даже в том случае, когда она предусмотрена санкцией соответствующей статьи в качестве альтернативного (обязательного) дополнительного административного наказания.

Общество в нарушение подп. 12 п. 2 ст. 16, абз. 6 п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ осуществляло розничную продажу алкогольной продукции без сопроводительных документов, подтверждающих легальность ее производства и оборота.

За совершение данного деяния ч. 2 ст. 14.16 КоАП РФ для юридических лиц предусмотрена административная ответственность в виде наложения административного штрафа от двухсот до трехсот тысяч рублей с конфискацией этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Однако с учетом изложенного конфискация как альтернативное (обязательное) дополнительное наказание, установленное за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.16 КоАП РФ, в отношении орудий совершения и предметов административных правонарушений, которые признаются находящимися в незаконном обороте, не может быть применена к обществу.

Постановлением арбитражного суда округа судебные акты оставлены без изменения.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Нижегородской области)

3. Этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, находящиеся в незаконном обороте и изъятые административным органом в рамках применения им мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, не изымаются судом повторно.

Определяя дальнейшие действия с названным имуществом, суд в резолютивной части судебного акта указывает на то, что оно подлежит уничтожению.

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении индивидуального

предпринимателя к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.17¹ КоАП РФ.

Решением арбитражного суда первой инстанции заявление удовлетворено, индивидуальный предприниматель признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.17¹ КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Суд указал, что изъятая на основании протокола изъятия вещей и документов алкогольная продукция подлежит направлению на уничтожение.

Арбитражный апелляционный суд решение суда первой инстанции отменил, изложив резолютивную часть постановления в иной редакции, указав на изъятие алкогольной продукции и направление ее на уничтожение.

Арбитражный суд округа постановление суда апелляционной инстанции отменил, решение арбитражного суда первой инстанции оставил без изменения. Суд руководствовался следующим.

Реализуемая индивидуальным предпринимателем в отсутствие лицензии алкогольная продукция на основании абз. 2 подп. 1 п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ находится в незаконном обороте и в силу указанной нормы, а также ч. 3 ст. 3.7 КоАП РФ подлежит изъятию.

На основании ч. 3 ст. 29.10 КоАП РФ арбитражный суд в резолютивной части решения должен решить вопрос об изъятых вещах, а также о вещах, на которые наложен арест, если в отношении их не применено или не может быть применено административное наказание в виде конфискации.

Следовательно, если в ходе судебного разбирательства с очевидностью установлено, что вещи, явившиеся орудием совершения или предметом административного правонарушения и изъятые в рамках принятия мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, изъятые из оборота или находились в незаконном обороте (этиловый спирт, алкогольная или спиртосодержащая продукция, о которых упоминается в ст. 25 Закона № 171-ФЗ, контрафактная продукция), то в резолютивной части решения суда указывается, что соответствующие вещи возврату не подлежат, а также определяются дальнейшие действия с такими вещами (например, в отношении этилового спирта, алкогольной или спиртосодержащей продукции — в соответствии с Законом № 171-ФЗ). Этот вывод нашел отражение в п. 15¹ постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 июня 2004 г. № 10 “О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях”.

В данном случае арбитражный суд, определяя дальнейшие действия с находящейся на основании абз. 2 подп. 1 п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ в незаконном обороте алкогольной продукцией и учитывая также положения п. 2 ч. 3 ст. 29.10 КоАП РФ и абз. 2 п. 2 ст. 25 Закона № 171-ФЗ, в резолютивной части судебного акта должен был указать на то, что такая алкогольная продукция подлежит уничтожению.

Следовательно, указание в резолютивной части решения арбитражного суда первой инстанции на направление изъятой административным органом алкогольной продукции на уничтожение является достаточным.

Иные вопросы, связанные с порядком уничтожения изъятых из оборота продукции, решаются в рамках процедуры исполнения судебных актов.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Приморского края)

4. Установление судом факта принадлежности определенному лицу предусмотренной п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ алкогольной продукции для решения вопроса о ее изъятии правового значения не имеет.

На основании проведенной проверки административным органом установлено, что предприятие осуще-

ствляло хранение алкогольной продукции без соответствующей лицензии. На основании протокола изъятия вещей и документов указанная продукция была изъята у предприятия.

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении предприятия к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.17 КоАП РФ, а также о направлении на уничтожение алкогольной продукции.

Решением арбитражного суда первой инстанции предприятие привлечено к административной ответственности, ему назначен административный штраф, поскольку факт осуществления предприятием хранения алкогольной продукции без соответствующей лицензии подтверждался материалами дела.

Постановлением арбитражного апелляционного суда решение арбитражного суда первой инстанции изменено. Суд возвратил предприятию алкогольную продукцию, изъятую на основании протокола изъятия вещей и документов.

Суд исходил из того, что вопрос о судьбе изъятых алкогольной продукции на основании ч. 3 ст. 29.10 КоАП РФ должен быть разрешен путем ее возврата предприятию как собственнику.

В кассационной жалобе административный орган просил отменить судебный акт апелляционной инстанции в части разрешения вопроса о судьбе алкогольной продукции, поскольку алкогольная продукция, находящаяся в нелегальном обороте, не подлежит возвращению собственнику.

Арбитражный суд округа пришел к выводу о том, что постановление арбитражного апелляционного суда подлежит отмене в части возврата алкогольной продукции предприятию, данная продукция подлежит изъятию и направлению на уничтожение.

Суд руководствовался следующим.

В нарушение п. 1 ст. 26 Закона № 171-ФЗ общество хранило спиртосодержащую продукцию в отсутствие лицензии. Указанная продукция находится в незаконном обороте и подлежит изъятию (ч. 3 ст. 3.7 КоАП РФ, абз. 2 п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ, п. 15.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 июня 2004 г. № 10).

При этом установление факта принадлежности алкогольной продукции определенному лицу правового значения не имеет (п. 1 ст. 2, п. 1 ст. 129 ГК РФ).

В связи с этим вывод арбитражного суда апелляционной инстанции о возврате указанной алкогольной продукции предприятию неправилен.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда г. Москвы)

5. То обстоятельство, что алкогольная продукция реализована обществом по адресу, не указанному в лицензии, само по себе не влечет признание данной продукции находящейся в незаконном обороте.

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.17 КоАП РФ, и назначении наказания в виде административного штрафа с конфискацией у него алкогольной продукции за реализацию на розничном рынке алкогольной продукции по адресу, не указанному в лицензии.

Решением арбитражного суда первой инстанции общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.17 КоАП РФ, с назначением наказания только в виде административного штрафа. Изъятая административным органом на основании ст. 27.10 КоАП РФ по протоколу изъятия вещей и документов алкогольная продукция возвращена обществу ввиду следующего.

У общества имелась лицензия на производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодер-

жащей продукции. Следовательно, основания, предусмотренные п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ, для признания изъятой у общества алкогольной продукции находящейся в незаконном обороте (ч. 3 ст. 3.7 КоАП РФ, п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ) отсутствовали, алкогольная продукция не подлежала изъятию.

Отклоняя довод административного органа о необходимости конфисковать алкогольную продукцию у общества, арбитражный суд первой инстанции указал, что конфискация этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, оборудования, сырья, полуфабрикатов, транспортных средств или иных предметов, использованных для производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, является дополнительным наказанием за совершение административного правонарушения по ч. 1 ст. 14.17 КоАП РФ и применяется по усмотрению суда.

Учитывая принципы дифференцированности, соразмерности и справедливости наказания, исходя из конкретных обстоятельств дела, судебные инстанции ограничились назначением обществу административного штрафа.

Не применяя к обществу дополнительное наказание в виде конфискации изъятой по протоколу изъятия вещей и документов алкогольной продукции, арбитражные суды исходили из того, что легальность спорной алкогольной продукции обществом в установленном порядке посредством представления товаросопроводительных документов подтверждена, а общество на момент рассмотрения судом дела об административном правонарушении имело действующую лицензию на осуществление розничной продажи алкогольной продукции.

Арбитражные суды апелляционной и кассационной инстанций оставили решение арбитражного суда первой инстанции без изменения.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Хабаровского края)

6. Конфискация подлежит только та алкогольная продукция, которая являлась предметом административного правонарушения.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением заместителя председателя областного суда, директор общества С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа с конфискацией алкогольной и спиртосодержащей продукции, изъятой в ходе осмотра помещений.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, С. просил отменить постановление мирового судьи, решение судьи районного суда и постановление заместителя председателя областного суда, вынесенные в отношении его, считая их незаконными.

Верховный Суд РФ постановлением мирового судьи, вынесенное в отношении директора общества С. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ, изменил путем исключения из него указания на назначение С. административного наказания в виде конфискации алкогольной продукции, перечисленной в резолютивной части данного постановления; постановление заместителя председателя областного суда изменил путем исключения из его резолютивной части абзаца: "Изъятую алкогольную продукцию — пиво "<...>" бутылочное, объемом 0,5 л — 19 штук, пиво "<...>" бутылочное, объемом 0,5 л — 10 штук, пиво "<...>" бутылочное, объемом 0,5 л — 11 штук, пиво "<...>" бутылочное, объемом 0,5 л — 2 штуки уничтожить". В остальной части постановление мирового судьи, решение судьи районного суда и постановление заместителя пред-

седателя областного суда, состоявшиеся по делу, оставлены без изменения с учетом следующего.

В нарушение требования п. 5 ст. 16 Закона № 171-ФЗ в период с 23 до 8 часов общество в магазине осуществило реализацию алкогольной продукции в количестве двух бутылок.

В отношении директора общества С. составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ.

Алкогольная продукция была реализована продавцом покупателю Ф. в период с 23 до 8 часов на вынос в закрытом виде.

Согласно материалам дела в ходе осмотра помещения, арендуемого обществом, была изъята алкогольная продукция, перечисленная в протоколе изъятия. Данная продукция находилась в холодильниках магазина, при совершении противоправных действий не использовалась и предметом административного правонарушения не являлась.

Вместе с тем реализованная обществом с нарушением п. 5 ст. 16 Закона № 171-ФЗ алкогольная продукция в ходе проведения осмотра не изымалась, сведения о ней в протоколе изъятия отсутствовали.

Следовательно, назначение судами С. дополнительного административного наказания в виде конфискации алкогольной продукции не соответствует требованиям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Кроме того, реализованная обществом с нарушением п. 5 ст. 16 Закона № 171-ФЗ алкогольная продукция в незаконном обороте не находилась и изъятию судом не подлежала (п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ, ст. 29.10 КоАП РФ).

(По материалам судебной практики Верховного Суда РФ)

7. Конфискация алкогольной продукции может быть применена судом только в том случае, если она предусмотрена санкцией подлежащей применению статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением заместителя председателя краевого суда, К. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2¹ ст. 14.16 КоАП РФ, за осуществление розничной продажи несовершеннолетнему алкогольной продукции и подвергнута административному наказанию в виде административного штрафа с конфискацией алкогольной продукции — бутылки пива.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, К. просила отменить постановления по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2¹ ст. 14.16 КоАП РФ, считая их незаконными.

Верховный Суд РФ состоявшиеся по делу судебные акты изменил путем исключения из них указания на назначение К. административного наказания в виде конфискации алкогольной продукции — бутылки пива ввиду следующего.

В ходе проверки торгового павильона установлено, что К. осуществила розничную продажу несовершеннолетней Б. одной бутылки пива, чем нарушила требования ч. 2¹ ст. 16 Закона № 171-ФЗ.

В связи с выявленным нарушением должностным лицом Управления МВД России в отношении К. составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2¹ ст. 14.16 КоАП РФ.

Действия К. квалифицированы в соответствии с установленными обстоятельствами и требованиями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Вместе с тем при назначении К. административного наказания в виде административно-

го штрафа с конфискацией алкогольной продукции мировым судьей не было учтено следующее.

В соответствии с общими правилами назначения административного наказания административное наказание за совершение административного правонарушения назначается в пределах, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение, в соответствии с ч. 1 ст. 4.1 КоАП РФ.

При решении вопроса о назначении вида и размера административного наказания судье необходимо учитывать, что названный Кодекс допускает возможность назначения административного наказания лишь в пределах санкций, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение с учетом характера совершенного правонарушения, личности виновного, имущественного положения правонарушителя — физического лица (индивидуального предпринимателя), финансового положения юридического лица, привлекаемого к административной ответственности, обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность (ст.ст. 4.1—4.5 КоАП РФ).

Санкцией ч. 2¹ ст. 14.16 КоАП РФ установлено наказание, в том числе и для граждан, только в виде административного штрафа.

Однако, назначая К. административное наказание в виде административного штрафа с конфискацией алкогольной продукции, мировой судья не учел приведенные выше положения Кодекса и назначил ей административное наказание, не предусмотренное санкцией ч. 2¹ ст. 14.16 КоАП РФ.

(По материалам судебной практики Верховного Суда РФ)

8. Отказ арбитражного суда в удовлетворении требования о привлечении индивидуального предпринимателя к административной ответственности в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности сам по себе не влечет возврата такому лицу изъятой у него алкогольной продукции, находившейся в незаконном обороте.

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении индивидуального предпринимателя к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.17¹ КоАП РФ, за осуществление деятельности по розничной реализации алкогольной продукции без лицензии.

Решением арбитражного суда первой инстанции в удовлетворении требования отказано. Суд обязал административный орган изъять из незаконного оборота и направить на уничтожение алкогольную продукцию, указанную в протоколе осмотра места происшествия.

Арбитражный суд первой инстанции исходил из следующего.

При проведении административным органом проверки установлен факт реализации предпринимателем в торговом павильоне алкогольной продукции при отсутствии лицензии на право осуществления деятельности по розничной продаже алкогольной продукции. Алкогольная продукция изъята административным органом на основании протокола об административном правонарушении.

Срок давности привлечения к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.17¹ КоАП РФ, в отношении индивидуального предпринимателя истек, поэтому заявление административного органа не подлежало удовлетворению.

В то же время в соответствии с ч. 3 ст. 29.10 КоАП РФ в постановлении по делу об административном правонарушении должны быть решены вопросы об изъятых вещах и документах, а также о вещах, на которые наложен арест, если в отношении их не применено

или не может быть применено административное наказание в виде конфискации.

В нарушение абз. 2 подп. 1 п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ индивидуальный предприниматель осуществлял розничную реализацию алкогольной продукции без лицензии.

В связи с этим в силу указанной нормы, а также ч. 3 ст. 3.7 КоАП РФ названная алкогольная продукция находилась в незаконном обороте и должна была быть изъята независимо от того, истек ли срок давности привлечения к административной ответственности. Данный вывод также сформулирован в п. 15.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 июня 2004 г. № 10.

Постановлениями арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанций решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Свердловской области)

9. Отказ арбитражного суда в удовлетворении требования о привлечении общества к административной ответственности в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности влечет возврат законному владельцу изъятого у него и направленного на утилизацию технологического оборудования, не находящегося в незаконном обороте.

Административным органом в отношении общества проведена плановая выездная проверка, в ходе которой обнаружено, что в трех емкостях, не заявленных в качестве основного технологического оборудования, хранится прозрачная жидкость с характерным запахом этилового спирта.

При этом емкости, используемые обществом для хранения спирта, отсутствуют в перечне основного технологического оборудования, оборудования для производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, утвержденном распоряжением Правительства РФ от 13 января 2006 г. № 17-р (далее — перечень основного технологического оборудования).

Согласно протоколу ареста товаров и иных вещей на три емкости и на указанную жидкость наложен арест, изъяты пробы и образцы.

На основании заключения экспертов установлено, что жидкость в шести стеклянных бутылках, изъятых в ходе производства по делу об административном правонарушении, является этиловым спиртом.

По факту промышленного производства и оборота этилового спирта, ректификованного из пищевого сырья с нарушением условий, предусмотренных лицензией, выразившимся в использовании в целях хранения этилового спирта емкостного оборудования как основного технологического, сведения о котором не представлены в лицензирующий орган, в отношении общества составлен протокол об административном правонарушении по ч. 4 ст. 14.17 КоАП РФ (в редакции, действовавшей на момент совершения вмененного обществу административного правонарушения).

Решением арбитражного суда первой инстанции отказано в удовлетворении требования административного органа о привлечении общества к административной ответственности по ч. 4 ст. 14.17 КоАП РФ и об изъятии орудия совершения административного правонарушения ввиду истечения срока давности привлечения к административной ответственности.

Постановлением арбитражного апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение арбитражного суда отменено в части отказа в изъятии орудия совершения административного правонарушения; у общества изъято арестованное по протоколу ареста технологическое оборудование и направлено на утилизацию.

В жалобе, поступившей в Верховный Суд РФ, генеральный директор общества просил отменить постановление арбитражного апелляционного суда и постановление арбитражного суда округа в части изъятия арестованного по протоколу ареста технологического оборудования и передачи его на утилизацию.

Судья Верховного Суда РФ жалобу удовлетворил, постановление арбитражного апелляционного суда и постановление арбитражного суда округа изменил: исключил из них указание на отмену решения арбитражного суда в части отказа в изъятии орудия совершения административного правонарушения, а также указание на изъятие у общества арестованного по протоколу ареста технологического оборудования и передачу его на утилизацию, учитывая следующее.

В соответствии с подп. 5 п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ в целях пресечения незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также незаконного использования основного технологического оборудования для производства этилового спирта, которое подлежит государственной регистрации, изъятию из незаконного оборота на основании решений уполномоченных в соответствии с законодательством Российской Федерации органов и должностных лиц подлежит основное технологическое оборудование для производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в случае, если оно обнаружено в складских, производственных помещениях организации, а также на иных объектах, принадлежащих организации или используемых ею при осуществлении деятельности, подлежащей лицензированию в соответствии с п. 2 ст. 18 Закона № 171-ФЗ, при отсутствии лицензии на осуществление соответствующего вида деятельности.

В перечень основного технологического оборудования входят в том числе емкости для хранения этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Однако общество имеет лицензию на производство, хранение и поставки этилового спирта, ректифицированного из пищевого сырья, в том числе головной фракции этилового спирта, спирта-сырца, выданную Федеральной службой по регулированию алкогольного рынка.

Следовательно, под случаи, перечисленные в п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ, изъятое и направленное на утилизацию у общества технологическое оборудование не подпадает.

(По материалам судебной практики Верховного Суда РФ)

10. Алкогольная продукция, не соответствующая государственным стандартам и техническим условиям, подлежит изъятию независимо от установления факта наличия либо отсутствия вины лица в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ.

При проведении административным органом проверки установлен факт хранения обществом алкогольной продукции, имеющей посторонние включения, недопустимый осадок.

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ за хранение алкогольной и спиртосодержащей продукции, не соответствующей государственным стандартам и техническим условиям, санитарным правилам и гигиеническим нормативам.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, административному органу отказано в привлечении общества к административной ответственности. Алкогольная продукция, изъятая в соответствии с протоколом, возвращена обществу.

Арбитражные суды пришли к выводу об отсутствии вины в действиях общества, поскольку оно представило суду копии сопроводительных документов на продукцию, подтверждающих ее соответствие требованиям технических регламентов, и осуществляло только хранение алкогольной продукции.

Арбитражный суд кассационной инстанции счел судебные акты судов первой и апелляционной инстанций подлежащими отмене в части разрешения вопроса о судьбе изъятых алкогольной продукции в связи со следующим.

Согласно экспертному заключению представленный на испытание образец алкогольной продукции не соответствовал государственным стандартам и техническим условиям, санитарным правилам и гигиеническим нормативам, соблюдение которых направлено на охрану здоровья, благополучия населения, в том числе на защиту прав потребителей, создавал угрозу причинения вреда жизни или здоровью граждан.

Следовательно, хранимая обществом алкогольная продукция по основаниям, предусмотренным абз. 4 подп. 1 п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ, п. 2 ст. 3 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ “О качестве и безопасности пищевых продуктов”, находится в незаконном обороте и подлежит изъятию и направлению на уничтожение независимо от установления факта наличия либо отсутствия вины лица в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Московской области)

11. Прекращение производства по делу об административном правонарушении в связи с тем, что событие вменяемого директору общества административного правонарушения не установлено, не влечет возврата общества изъятых у него алкогольной продукции, находящейся в незаконном обороте.

Проверочными мероприятиями, проведенными в магазине, принадлежащем обществу, установлен факт реализации обществом одной бутылки винного напитка, маркированной поддельными федеральными специальными марками.

По данному факту должностным лицом административного органа составлен протокол об административном правонарушении.

Постановлением судьи районного суда, оставленным без изменения решением судьи областного суда и постановлением исполняющего обязанности председателя областного суда, директор общества Ж. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 15.12 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа, предмет административного правонарушения — одна бутылка винного напитка — изъят у общества и направлен на уничтожение.

В поданной в Верховный Суд РФ жалобе Ж. просил отменить названные судебные акты, вынесенные в отношении его по данному делу об административном правонарушении.

Верховный Суд РФ жалобу Ж. удовлетворил частично, постановление судьи районного суда, решение судьи областного суда и постановление исполняющего обязанности председателя областного суда отменил в части наложения штрафа, производство по данному делу об административном правонарушении прекратил на основании п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

Из протокола осмотра принадлежащих юридическому лицу помещений, территорий и находящихся там вещей и документов усматривалось, что в магазине общества выявлен факт реализации алкогольной продукции — одной бутылки винного напитка с содержанием этилового спирта 18% объема готовой продукции. Указания на данную алкогольную продукцию отражены

также в протоколе о взятии проб и образцов по делу об административном правонарушении, определении о назначении экспертизы, заключении эксперта, содержащем, в частности, выводы о том, что на федеральной специальной марке представленного на исследование изделия все элементы изображения, элементы защиты и бумага являются фальсифицированными.

В то же время согласно приобщенному в материалы дела видеофайлу, являющемуся приложением к указанному протоколу осмотра, в ходе осмотра магазина общества обозревалась иная алкогольная продукция — винный напиток с содержанием этилового спирта 14—15% объема готовой продукции. Аналогичные сведения содержала и карточка данной алкогольной продукции.

Изложенное в совокупности свидетельствовало о наличии неустраимых сомнений в том, что событие вменяемого Ж. административного правонарушения в рассматриваемом случае являлось установленным, что, в свою очередь, не позволило ни подтвердить, ни опровергнуть доводы указанного лица о том, что вменяемое ему административное правонарушение он не совершал.

Обстоятельства, относящиеся к событию административного правонарушения, в ходе рассмотрения дела должным образом не исследованы, указанные выше противоречия в представленных в материалы дела доказательствах, касающиеся установления и описания предмета административного правонарушения, судебными инстанциями оставлены без внимания.

Таким образом, дело об административном правонарушении в отношении Ж. рассмотрено с нарушением требований ст.ст. 24.1, 26.1 КоАП РФ, что явилось основанием для прекращения производства по делу.

Вместе с тем изъятая и направленная на уничтожение районным судом алкогольная продукция обществу не возвращена, поскольку находилась в незаконном обороте на основании ч. 3 ст. 3.7, ст. 29.10 КоАП РФ и пп. 1 и 2 ст. 25 Закона № 171-ФЗ.

(По материалам судебной практики Верховного Суда РФ)

12. Автотранспортное средство, использованное при осуществлении незаконного оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в качестве орудия совершения административного правонарушения, подлежит изъятию у субъекта такого правонарушения.

Постановлением судьи районного суда должностное лицо А. признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.16 КоАП РФ, с назначением ему административного наказания в виде административного штрафа. Предмет административного правонарушения — цистерна с бесцветной жидкостью, имеющей характерный запах спирта, находящаяся в полуприцепе, — конфискован.

Решением судьи областного суда постановление судьи районного суда изменено, названный судебный акт дополнен указанием на то, что автотранспортное средство с полуприцепом изъято из незаконного оборота. В остальной части постановление судьи районного суда оставлено без изменения.

Постановлением председателя областного суда указанные судебные акты оставлены без изменения.

В поданной в Верховный Суд РФ жалобе А. просил отменить состоявшиеся судебные акты, вынесенные по делу об административном правонарушении, как незаконные.

Верховный Суд РФ постановление судьи районного суда, решение судьи областного суда и постановление председателя областного суда, вынесенные в отношении А. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 14.16 КоАП РФ, оставил без изменения, жалобу — без удовлетворения в связи со следующим.

Из материалов дела усматривалось, что в ходе проведенного на федеральной автомобильной дороге осмотра указанного автотранспортного средства с полуприцепом под управлением А. был выявлен факт перевозки без сопроводительных документов в цистерне, установленной в кузове полуприцепа, бесцветной жидкости с характерным запахом спирта. На автотранспортное средство с полуприцепом и цистерну с бесцветной жидкостью наложен арест.

По результатам проведенной экспертизы изъятых проб и образцов данной жидкости было установлено, что представленный образец пробы прозрачной жидкости с характерным запахом спирта является спиртосодержащей жидкостью.

Судебными инстанциями установлено, что должностное лицо А. в нарушение ст.ст. 2, 10², 16, 26 Закона № 171-ФЗ осуществлял оборот алкогольной продукции в отсутствие сопроводительных документов. Действия А. квалифицированы судами по ч. 2 ст. 14.16 КоАП РФ.

При этом суды обоснованно отклонили доводы жалобы о неправомерном изъятии транспортного средства, руководствуясь положениями ст. 3.7 КоАП РФ, подп. 6 п. 1, п. 4 ст. 25 Закона № 171-ФЗ и разъяснениями, содержащимися в пп. 23², 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 “О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”, и установив, что указанный автомобиль с полуприцепом использовался для незаконного оборота этилового спирта.

(По материалам судебной практики Верховного Суда РФ)

По делу арбитражного суда по результатам проверки административный орган составил протокол о совершении обществом административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.17 КоАП РФ, в связи с осуществлением перевозки грузовым тягачом седельным с полуприцепом цистерны со спиртосодержащей жидкостью без лицензии. Орудие совершения административного правонарушения изъято административным органом у общества на основании протокола изъятия вещей и документов.

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к указанной административной ответственности.

Арбитражный суд первой инстанции квалифицировал действия общества по ч. 3 ст. 14.17 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за производство или оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии, и назначил обществу наказание в виде административного штрафа. Автотранспортное средство возвращено собственнику, поскольку суд счел, что изъятие данного имущества у лица, владеющего им на праве аренды, не соответствует положениям ч. 3 ст. 3.7 КоАП РФ.

Арбитражный суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части возврата собственнику транспортного средства и указал на его изъятие по следующим основаниям.

Этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, указанные в п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ, признаются находящимися в незаконном обороте, поэтому в силу названной нормы, а также ч. 3 ст. 3.7 КоАП РФ подлежат изъятию.

При этом необходимо учитывать, что изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения в случае, если это имущество в соответствии с законом изъято из оборота либо находится в противоправном владении лица по иным причинам и на этом основании подлежит обращению в собственность государства или уничтожению, не является конфискацией, т.е. видом административного наказания,

и предполагает лишение лица имущества, только если последний владеет им незаконно, а также не находится в прямой зависимости от факта привлечения к административной ответственности.

Согласно подп. 6 п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ автомобильный транспорт, используемый для перевозок этилового спирта (в том числе денатурата) и нефасованной спиртосодержащей продукции с содержанием этилового спирта более 25% объема готовой продукции при отсутствии лицензии на осуществление соответствующего вида деятельности, а также используемый для перевозки этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, находящихся в незаконном обороте, подлежит изъятию из незаконного оборота на основании решений уполномоченных в соответствии с законодательством Российской Федерации органов и должностных лиц.

В связи с этим, а также с учетом того, что автотранспортное средство было использовано обществом в качестве орудия совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.17 КоАП РФ, данное автотранспортное средство находилось в незаконном обороте и подлежало изъятию у общества. Возврат автотранспортного средства собственнику судом первой инстанции неправомерен.

Постановлением арбитражного суда округа постановление арбитражного суда апелляционной инстанции оставлено без изменения.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Ростовской области и Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области)

13. Этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, находящиеся в незаконном обороте, направляются судом на уничтожение при отсутствии у него сведений об исполнении иного судебного акта об изъятии и уничтожении названного имущества по иному, в том числе уголовному, делу.

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.16 КоАП РФ.

Решением арбитражного суда первой инстанции в удовлетворении заявленного требования отказано. Суд пришел к выводу о недоказанности наличия в действиях общества состава вмененного ему административного правонарушения.

Арбитражный суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменил, дополнив резолютивную часть указанием на направление на уничтожение находящейся в незаконном обороте алкогольной продукции, изъятной административным органом на основании протоколов ареста товаров и иных вещей, исходя из следующего.

Судом установлен факт хранения обществом алкогольной продукции в отсутствие документов, подтверждающих легальность ее производства и оборота. Однако срок давности привлечения к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.16 КоАП РФ на момент принятия судом решения истек. Следовательно, у суда апелляционной инстанции отсутствовали правовые основания для привлечения общества к административной ответственности за оборот (хранение) алкогольной продукции без документов, подтверждающих легальность ее производства и оборота.

Алкогольная продукция, реализованная без товаросопроводительных документов, в силу одного лишь этого обстоятельства в соответствии с абз. 4 подп. 1 п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ находилась в незаконном обороте, на основании ч. 3 ст. 3.7 КоАП РФ должна была быть изъята и по правилам п. 2 ч. 3 ст. 29.10 КоАП РФ, абз. 2 п. 2 ст. 25 Закона № 171-ФЗ подлежала направлению на уничтожение.

Кроме того, судом апелляционной инстанции установлено, что изъятая административным органом алко-

гольная продукция одновременно являлась вещественным доказательством по уголовному делу, в отношении данной алкогольной продукции районным судом принято решение об уничтожении вещественных доказательств на основании постановления районного суда.

Однако сведения об исполнении судебного акта по уголовному делу об изъятии и уничтожении данной продукции в деле арбитражного суда об административном правонарушении отсутствовали.

Действующим законодательством (Правила уничтожения по решению суда изъятых или конфискованных этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, указанных в подпунктах 1—3 и 8 пункта 1 статьи 25 Федерального закона “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции”, а также сырья, полуфабрикатов, производственной, транспортной, потребительской тары (упаковки), этикеток, средств укупорки потребительской тары, используемых для производства этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, федеральных специальных марок и акционных марок (в том числе поддельных) для маркировки алкогольной продукции, указанных в подпункте 4 пункта 1 статьи 25 Федерального закона, утвержденные постановлением Правительства РФ от 28 сентября 2015 г. № 1027 “О реализации мер по пресечению незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции”) предусмотрен единый порядок уничтожения алкогольной продукции, находящейся в незаконном обороте, вне зависимости от того, арестована (изъята) такая продукция в рамках дела об административном правонарушении или является вещественным доказательством по уголовному делу, а приказом Минфина России от 9 марта 2017 г. № 34н предусмотрены одни и те же способы уничтожения такой алкогольной продукции.

В связи с этим разрешение вопросов о порядке исполнения нескольких судебных актов, предусматривающих изъятие и уничтожение одной и той же алкогольной продукции, осуществляется в рамках исполнительного производства.

Таким образом, при отсутствии у суда сведений об исполнении иного судебного акта об изъятии и уничтожении этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, находящейся в незаконном обороте, по иному, в том числе уголовному, делу данное имущество направляется судом на уничтожение независимо от того, была ли изъята данная продукция по другому делу.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Иркутской области)

14. Отказ уполномоченного органа в продлении срока хранения и реализации остатков алкогольной продукции на восемь месяцев (с учетом проведения повторных торгов и продажи имущества посредством публичного предложения) либо до даты их фактической реализации в рамках процедуры банкротства неправомерен.

Включенные в конкурсную массу остатки алкогольной и спиртосодержащей продукции по истечении предусмотренных п. 5 ст. 20 Закона № 171-ФЗ двух месяцев изъятию на основании п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ не подлежат.

Решением арбитражного суда первой инстанции завод признан несостоятельным (банкротом), в отношении его открыто конкурсное производство, утвержден конкурсный управляющий.

В ходе проведенной конкурсным управляющим инвентаризации имущества должника выявлены остатки алкогольной продукции, которая находится в залоге у банков. Алкогольная продукция, находящаяся в остатках, включена конкурсным управляющим в конкурсную массу.

Выданная заводу лицензия на производство, хранение и поставку произведенных спиртных напитков прекратила действие.

Административный орган отказал конкурсному управляющему заводом в продлении срока хранения и реализации остатков алкогольной продукции на восемь месяцев либо до даты их фактической реализации (с учетом проведения повторных торгов и продажи имущества посредством публичного предложения) в связи с тем, что действующее законодательство Российской Федерации не предусматривает такого процессуального действия.

Полагая отказ незаконным, завод в лице конкурсного управляющего оспорил его в арбитражном суде.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды сочли, что для разрешения настоящего спора приоритетное значение имеют положения Закона № 171-ФЗ как специально регулирующие и конкретизирующие порядок реализации такого ограниченного в обороте имущества должника, как алкогольная продукция.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции ввиду следующего.

Реализуя алкогольную продукцию, включенную в конкурсную массу, конкурсный управляющий действовал в соответствии с положениями Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В силу специфики правового регулирования деятельности должника-банкрота оказалось невозможным соблюсти до окончания срока действия лицензии двухмесячный срок, предусмотренный п. 5 ст. 20 Закона № 171-ФЗ.

В соответствии с п. 5 ст. 20 Закона № 171-ФЗ (в редакции, действовавшей в спорный период) в течение двух месяцев с момента аннулирования лицензии или прекращения действия лицензии, за исключением лицензии на розничную продажу алкогольной продук-

ции, организация имеет право на хранение остатков этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, на возврат их поставщику, на поставку остатков алкогольной и спиртосодержащей продукции организации, которые осуществляются под контролем лицензирующего органа, за исключением случаев, если такая продукция подлежит изъятию в соответствии с п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ.

Однако в данном случае при оценке судом решения уполномоченного органа требуется совокупное толкование норм Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и Закона № 171-ФЗ в их нормативном единстве, которое позволяет принять судебный акт, отвечающий целям законодательства, положенным как в основу регулирования оборота алкогольной продукции, так и в основу норм о банкротстве.

Иное толкование фактически исключит применение к организации — производителю алкогольной и спиртосодержащей продукции норм законодательства о несостоятельности (банкротстве), ограничивая тем самым правоспособность общества и препятствуя ему как удовлетворить требования кредиторов, так и исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

В связи с этим отказ уполномоченного органа конкурсному управляющему заводом в продлении срока хранения и реализации остатков алкогольной продукции на восемь месяцев (с учетом проведения повторных торгов и продажи имущества посредством публичного предложения) либо до даты фактической реализации в рамках процедуры банкротства завода неправомерен.

Включенные в конкурсную массу остатки алкогольной и спиртосодержащей продукции по истечении предусмотренных п. 5 ст. 20 Закона № 171-ФЗ двух месяцев изъятию на основании п. 1 ст. 25 этого Закона не подлежат.

(По материалам судебной практики Верховного Суда РФ)

(Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 сентября 2018 г.)

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 2 (2018)¹

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

36. Преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 327 УК РФ, считается оконченным с момента прекращения возможности использования подложного документа.

Установлено, что 4 февраля 2013 г. К., не имея высшего профессионального образования, с целью трудоустройства на должность главы администрации района представил членам конкурсной комиссии в числе прочих документов ранее незаконно приобретенный им заведомо подложный документ об образовании — диплом, выполненный предприятием «Гознак», с внесенными в него не соответствующими действительности данными об окончании им в 1990 году полного курса Института инженеров транспорта по специальности «Механизация сельского хозяйства» и о присвоении ему квалификации «инженер-механик». На основании представленных документов 22 февраля 2013 г. К. был назначен на должность главы администрации района, которую занимал до 31 декабря 2015 г.

29 декабря 2015 г. по запросу межрайонного прокурора, проводившего проверку соблюдения законодательства о муниципальной службе в администрации района, К. представил в прокуратуру тот же подложный документ, свидетельствующий о наличии у него высшего профессионального образования.

По приговору мирового судьи от 11 ноября 2016 г. (с учетом внесенных изменений) К. осужден по ч. 3 ст. 327 УК РФ к штрафу в размере 50 тыс. рублей.

В кассационной жалобе осужденный К. просил приговор и последующие судебные решения отменить и уголовное дело по ч. 3 ст. 327 УК РФ прекратить на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, полагая, что преступление было окончено в 2013 году, когда он был назначен на должность главы администрации района.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, доводы жалобы без удовлетворения по следующим основаниям.

Как следует из приговора, К. признан виновным в совершении преступления, относящегося к категории небольшой тяжести.

В соответствии со ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня

¹Окончание. Начало в № 3, 2019 г.

совершения преступления небольшой тяжести истекло два года, при этом сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора в законную силу.

Согласно фактическим обстоятельствам, установленным судом, 4 февраля 2013 г. К. при решении вопроса о назначении его на должность главы администрации района был представлен заведомо подложный документ об образовании (диплом), наличие которого позволило ему участвовать в конкурсе на замещение данной должности, быть назначенным на нее и занимать ее вплоть до установления факта подложности представленного им диплома, выявленного прокуратурой в ходе проверки соблюдения законодательства о муниципальной службе в администрации района.

Признать, что данное преступление является оконченным в день предъявления осужденным подложного диплома о высшем образовании в конкурсную комиссию для замещения должности главы администрации района (4 февраля 2013 г.) или в день принятия решения о назначении на должность и заключения с ним контракта (22 и 25 февраля 2013 г. соответственно), нельзя.

По смыслу уголовного закона длящиеся преступление начинается с момента совершения преступного действия и оканчивается вследствие действия самого виновного, направленного на прекращение преступления, или наступления событий, препятствующих дальнейшему совершению преступления.

Фактические обстоятельства совершенного осужденным преступления свидетельствуют о том, что использование К. заведомо подложного диплома об образовании осуществлялось на протяжении всего периода нахождения его на должности главы администрации района, поскольку отсутствие такового делало бы невозможным занятие им указанной должности.

Исходя из установленных судом обстоятельств, преступление, совершенное К., является длящимся и считается оконченным в момент его пресечения в результате проведенной прокуратурой проверки лишь 29 декабря 2015 г.

Таким образом, ни на момент постановления приговора мировым судьей 11 ноября 2016 г., ни на день вступления его в законную силу 18 января 2017 г., установленные ч. 1 ст. 78 УК РФ сроки давности привлечения к уголовной ответственности не истекли.

Определение № 13-УД17-8

Назначение наказания

37. Согласно положениям ч. 4 ст. 78 УК РФ решение вопроса о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, относится к исключительной компетенции суда.

Постановлением суда от 20 декабря 2017 г. уголовное дело в отношении Н., обвиняемой в том числе в совершении преступления, предусмотренного п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, прекращено на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по апелляционному представлению, отменила постановление по следующим основаниям.

Согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 “О применении судами законодательства, регламенти-

рующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности”, исходя из положений ч. 4 ст. 78 УК РФ вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы, разрешается только судом и в отношении всех субъектов независимо от того, может ли это наказание быть назначено лицу с учетом правил ч. 2 ст. 57, чч. 2 и 2¹ ст. 59, ч. 4 ст. 62 и ч. 4 ст. 66 УК РФ.

Исходя из изложенного, положения ч. 4 ст. 78 УК РФ предусматривают возможность распространения содержащегося в ней требования на преступление, наказуемое пожизненным лишением свободы или смертной казнью, если оно совершено лицом, в отношении которого применение указанных видов наказания невозможно.

Однако суд, принимая решение о прекращении уголовного дела в отношении Н. по п. “з” ч. 3 ст. 105 УК РФ на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, сослался на общее правило, предусмотренное п. “г” ч. 1 ст. 78 УК РФ, содержащее требование об освобождении лица от уголовной ответственности в случае, если истек 15-летний срок со дня совершения им особо тяжкого преступления.

Между тем из смысла разъяснений ч. 4 ст. 78 УК РФ, даваемых Пленумом Верховного Суда РФ, следует, что предусмотренное в ч. 1 ст. 78 УК РФ требование об освобождении от уголовной ответственности в случае истечения сроков давности распространяется на все преступления, за исключением тех, за которые санкцией статьи предусмотрено наказание в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы. Поскольку совершение лицом такого преступления свидетельствует о его высокой общественной опасности, в отношении его применяются иные правила, специально предусмотренные уголовным законом, содержащиеся в ч. 4 ст. 78 УК РФ.

В силу ч. 4 ст. 78 УК РФ решение вопроса о применении сроков давности уголовного преследования в отношении лица, совершившего такое преступление, относится к исключительной компетенции суда. Из этого следует, что лицо, совершившее преступление, за которое предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, привлекается к уголовной ответственности независимо от времени, прошедшего после совершения преступления. При этом в течение 15 лет, которые установлены законом для этой категории преступления, уголовная ответственность является обязательной, а по истечении данного срока вопрос о прекращении уголовного преследования отнесен к компетенции суда. В случае если суд не сочтет возможным освободить такое лицо от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности, то смертная казнь и пожизненное лишение свободы к нему не применяются, а наказание назначается в соответствии с положениями ст.ст. 43, 60 УК РФ.

Поскольку допущенное судом нарушение уголовного закона не может быть устранено при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, Судебная коллегия отменила постановление суда в части прекращения уголовного дела в отношении Н. по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а уголовное дело в этой части передала на новое судебное рассмотрение со стадии предварительного слушания.

Определение № 4-АПУ18-3

Процессуальные вопросы

38. Подсудность дел о применении принудительных мер медицинского характера определяется по общим правилам подсудности уголовных дел, установленным ст. 31 УПК РФ.

Постановлением Свердловского областного суда от 15 февраля 2018 г. Д. освобожден от уголовной ответственности за совершение в состоянии невменяемости запрещенного уголовным законом деяния, предусмотренного п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ, с применением принудительной меры медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа.

В апелляционном представлении государственной обвинитель просил отменить постановление и направить дело на новое судебное рассмотрение в Первоуральский городской суд в связи с нарушением п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила постановление без изменения по следующим основаниям.

В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 “О практике применения судами принудительных мер медицинского характера” подсудность дел о применении принудительных мер медицинского характера определяется по общим правилам подсудности дел, установленным ст. 31 УПК РФ.

Согласно общим правилам подсудности, предусмотренным п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, рассмотрение уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, отнесено к подсудности областного суда.

Доводы представления о том, что Д., как лицу, совершившему общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, не может быть назначено наказание, в том числе и пожизненное лишение свободы, не отменяют общие правила подсудности.

Таким образом, по мнению Судебной коллегии, дело о применении принудительной меры медицинского характера в отношении Д. рассмотрено Свердловским областным судом с соблюдением правил подсудности.

Определение № 45-АПУ18-7

39. Принятие судьей решения о возвращении уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ исключает его участие в рассмотрении данного дела в суде первой инстанции.

Из материалов уголовного дела следует, что постановлением судьи Ставропольского краевого суда уголовное дело в отношении М. по обвинению по ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 162, п. “д” ч. 2 ст. 161, п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ было возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом.

В обоснование данного решения в постановлении суд указал, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжких преступлений, и предложил органам предварительного расследования дать надлежащую правовую оценку действиям обвиняемого.

Впоследствии этот же судья рассмотрел по существу уголовное дело и постановил приговор, по которому М. осужден по п. “з” ч. 2 ст. 105 и п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по апелляци-

онной жалобе осужденного, отменила приговор, а уголовное дело передала на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе суда по следующим основаниям.

В силу положений ст. 63 УПК РФ в их конституционно-правовом толковании, данном в Определении Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2007 г. № 799-О, повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела, если оно было связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу, является недопустимым. Данные требования о недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела действуют на всех этапах судебного разбирательства.

По данному уголовному делу допущено такое нарушение уголовно-процессуального закона.

При возвращении уголовного дела прокурору по основаниям, предусмотренным п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, суд обязан указать обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления. При этом суд не вправе указывать статью Особенной части УК РФ, по которой деяние подлежит новой квалификации, а также делать выводы об оценке доказательств и о виновности обвиняемого.

Вместе с тем при возвращении уголовного дела прокурору требование суда об устранении указанных им препятствий рассмотрения уголовного дела, связанных с наличием оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления, представляет собой выраженную позицию суда как органа правосудия, признанного беспристрастно, самостоятельно и независимо от сторон обвинения и защиты разрешить уголовное дело и вынести правосудное решение.

Несмотря на то, что на данной стадии суд не разрешает вопросы, составляющие предмет доказывания в судебном разбирательстве, и не исследует представленные сторонами обвинения и защиты обвинительные и оправдательные доказательства, однако осуществление проверки наличия препятствий рассмотрению уголовного дела по существу при условии, указанном в п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, связано с оценкой судом фактических обстоятельств, изложенных в обвинительном заключении, и, таким образом, свидетельствует о возникновении в данных условиях обоснованных сомнений в объективности и беспристрастности судьи при разрешении дела по существу и является препятствием для участия судьи в рассмотрении данного дела.

Определение № 19-АПУ18-5

40. Пример исключен (постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20 марта 2019 г.)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

41. При отсутствии в исполнительном документе требований имущественного характера, а также при отсутствии судебного акта о наложении ареста на имущество должника у судебного пристава-исполнителя отсутствуют правовые основания для наложения ареста на это имущество.

Б. обратился в суд с административным иском заявлением об оспаривании действий судебного пристава-исполнителя.

В обоснование заявленных требований указал, что является должником по исполнительному производству о возложении на него обязанно-

сти прекратить деятельность по осуществлению регулярных перевозок на территории города.

В рамках данного исполнительного производства судебный пристав-исполнитель наложил арест на принадлежащий Б. на праве собственности автобус, однако указанные действия являются незаконными и противоречат Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве”, поскольку арест может налагаться только по требованиям об имущественных взысканиях или при наличии судебного акта об аресте имущества, но не по требованиям неимущественного характера. Кроме того, наложение ареста создает препятствия для осуществления права собственности в отношении указанного имущества.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

При этом суд исходил из того, что законодательство об исполнительном производстве не содержит запрета на арест имущества должника с целью прекращения осуществления им определенной деятельности при условии длительного неисполнения решения суда. Кроме того, применение ареста при исполнении требований неимущественного характера соответствует целям исполнительного производства и направлено на обеспечение невозможности дальнейшего совершения должником действий по осуществлению пассажирских перевозок.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила указанные судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

Статьей 4 Федерального закона “Об исполнительном производстве” определены принципы исполнительного производства, одним из которых является соотносимость объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения.

Согласно ч. 1 ст. 64 этого Закона исполнительными действиями являются совершаемые судебным приставом-исполнителем в соответствии с названным Законом действия, направленные на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе. В целях обеспечения исполнения исполнительного документа судебный пристав-исполнитель вправе накладывать арест на имущество, в том числе денежные средства и ценные бумаги, изымать указанное имущество, передавать арестованное и изъятое имущество на хранение (п. 7 ч. 1 данной статьи).

В ч. 1 ст. 80 Закона закреплено, что судебный пристав-исполнитель в целях обеспечения исполнения исполнительного документа, содержащего требования об имущественных взысканиях, вправе, в том числе и в течение срока, установленного для добровольного исполнения должником содержащихся в исполнительном документе требований, наложить арест на имущество должника.

В силу ч. 3 ст. 80 указанного Закона арест на имущество должника применяется: для обеспечения сохранности имущества, которое подлежит передаче взыскателю или реализации (п. 1); при исполнении судебного акта о конфискации имущества (п. 2); при исполнении судебного акта

о наложении ареста на имущество, принадлежащее должнику и находящееся у него или у третьих лиц (п. 3).

В свою очередь, в ст. 68 названного Закона установлено, что мерами принудительного исполнения являются действия, указанные в исполнительном документе, или действия, совершаемые судебным приставом-исполнителем в целях получения с должника имущества, в том числе денежных средств, подлежащего взысканию по исполнительному документу (ч. 1). Одной из мер принудительного исполнения является наложение ареста на имущество должника, находящееся у должника или у третьих лиц, во исполнение судебного акта об аресте имущества (п. 5 ч. 3 названной статьи).

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 “О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства”, арест в качестве исполнительного действия может быть наложен судебным приставом-исполнителем в целях обеспечения исполнения исполнительного документа, содержащего требования об имущественных взысканиях (п. 7 ч. 1 ст. 64, ч. 1 ст. 80 Федерального закона “Об исполнительном производстве”).

В качестве меры принудительного исполнения арест налагается при исполнении судебного акта о наложении ареста на имущество ответчика, административного ответчика, находящееся у него или у третьих лиц (ч. 1, п. 5 ч. 3 ст. 68 названного Закона). Во исполнение судебного акта о наложении ареста на имущество ответчика судебный пристав-исполнитель производит арест и устанавливает только те ограничения и только в отношении того имущества, которые указаны в судебном акте.

Поскольку в данном случае в исполнительном листе, выданном в отношении Б., отсутствовали требования имущественного характера, а в материалах дела не имелось доказательств принятия судебного акта о наложении ареста на имущество должника, в том числе на принадлежащий ему на праве собственности автобус, у судебного пристава-исполнителя отсутствовали предусмотренные законом основания для наложения ареста на указанное транспортное средство.

Кроме того, в исполнительном документе отсутствовало указание на запрет совершения должником определенных действий с использованием именно этого транспортного средства.

Таким образом, наложение ареста на принадлежащий Б. автобус необоснованно ограничивает право должника владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом иными способами.

В этой связи действия судебного пристава-исполнителя не могут быть признаны законными.

Определение № 57-КГ18-1

42. Решение, являющееся основанием для ограничения доступа к сайту в сети “Интернет”, содержащее информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, принимается судом общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства.

При этом администратор (владелец) доменного имени, а также владелец сайта, заявляющий о нарушении своих прав, признается лицом, чьи права, свободы и законные интересы затрагиваются указанным решением суда.

Прокурор, действующий в защиту интересов неопределенного круга лиц, обратился в суд с заявлением о признании информации, размещенной на одном из сайтов в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, информацией, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено.

В обоснование требований указал, что в ходе проведенной проверки исполнения положений законодательства Российской Федерации в сфере противодействия распространению в сети “Интернет” информации, содержащей сведения, распространение которых на территории Российской Федерации запрещено, установлено, что на одном из сайтов в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” размещены сведения о криптовалюте, представляющей собой виртуальное средство платежа и накопления. Указанная криптовалюта не обеспечена реальной стоимостью и не содержит информации о ее держателях. Процесс выпуска и обращения названной валюты полностью децентрализован и отсутствует возможность его регулирования, в том числе со стороны государства, что противоречит Федеральным законам от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ “О Центральном банке Российской Федерации”, от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, требования прокурора удовлетворены.

Т. обратился в суд с апелляционной жалобой на указанное решение суда, указав, что является администратором доменного имени, а также владельцем сайта, в отношении которого принято это решение, в связи с чем оно затрагивает его права и законные интересы, однако к участию в деле он привлечен не был.

Судом апелляционной инстанции апелляционная жалоба Т. была оставлена без рассмотрения по существу.

При этом суд исходил из того, что обжалуемым решением не разрешался вопрос о правах и обязанностях Т., в связи с чем апелляционная жалоба подана лицом, не обладающим правом апелляционного обжалования.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ не согласилась с определением суда апелляционной инстанции об оставлении апелляционной жалобы без рассмотрения по существу, указав следующее.

Пунктом 17 ст. 2 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” (далее — Закон о защите информации) определено, что владелец сайта в сети “Интернет” — это лицо, самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта в сети “Интернет”, в том числе порядок размещения информации на таком сайте.

Согласно ч. 1 ст. 15¹ Закона о защите информации в целях ограничения доступа к сайтам в сети “Интернет”, содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, создается единая автоматизированная информационная система “Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети “Интернет” и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети “Интернет”, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено” (далее — Реестр).

Согласно п. 2 ч. 5 ст. 15¹ Закона о защите информации основанием для включения в Реестр является вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети “Интернет”, информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

В течение суток с момента получения от оператора Реестра уведомления о включении доменного имени и (или) указателя страницы сайта в сети “Интернет” в Реестр провайдер хостинга обязан проинформировать об этом обслуживаемого им владельца сайта в сети “Интернет” и уведомить его о необходимости незамедлительного удаления интернет-страницы, содержащей информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (ч. 7 ст. 15¹ Закона).

Частью 8 ст. 15¹ Закона о защите информации установлено, что в течение суток с момента получения от провайдера хостинга уведомления о включении доменного имени и (или) указателя страницы сайта в сети “Интернет” в Реестр владелец сайта в сети “Интернет” обязан удалить интернет-страницу, содержащую информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. В случае отказа или бездействия владельца сайта в сети “Интернет” провайдер хостинга обязан ограничить доступ к такому сайту в сети “Интернет” в течение суток.

Таким образом, судебное решение о признании информации, размещенной на сайте в сети “Интернет”, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, не только устанавливает правовое состояние такой информации и ограничивает владельца сайта в осуществлении права на свободное распространение информации любым законным способом, но и порождает для владельца сайта обязанность удалить эту информацию.

При таких обстоятельствах, учитывая доводы Т. о том, что он является владельцем сайта, в отношении которого принято обжалуемое решение суда, а также имеющиеся в материалах дела сведения о том, что Т. является администратором соответствующего доменного имени, имеются основания полагать, что указанное выше решение затрагивает права и законные интересы Т. и возлагает на него определенные обязанности.

В этой связи оставление апелляционной жалобы Т. без рассмотрения по существу не может рассматриваться иначе как лишение права на обжалование не вступившего в законную силу решения суда.

Кроме того, следует учесть, что решения, являющиеся основаниями для ограничения доступа к сайтам в сети “Интернет”, содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, принимаются согласно ч. 3 ст. 1 КАС РФ судами общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства в рамках осуществления обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям.

Производство по таким делам осуществляется по общим правилам административного искового производства.

Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных техноло-

гий и связи, подлежит привлечению к участию в рассмотрении соответствующих административных дел в качестве административного ответчика.

Административное исковое заявление, как следует из норм ст.ст. 19, 22 КАС РФ, подается в районный суд по месту нахождения названного федерального органа исполнительной власти или его территориального органа, если административное дело не отнесено к подсудности Московского городского суда (ч. 2 ст. 20 КАС РФ).

В ходе подготовки административного дела к судебному разбирательству судья определяет иных лиц, права и законные интересы которых может затронуть судебное решение (в том числе владельцев сайтов в сети “Интернет”, авторов размещенной на них информации). В случае выявления таких лиц, установления их места нахождения (места жительства) суд привлекает их к участию в деле, извещает о времени и месте судебного заседания.

Определение № 78-КГ17-101

43. Административное исковое заявление о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке может быть удовлетворено судом лишь в случае, если будет установлено, что гражданин совершает действия, дающие основания предполагать наличие у него тяжелого психического расстройства, которое обуславливает его беспомощность, т.е. неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, или существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи.

Также обстоятельством, имеющим значение для правильного разрешения дела, является наличие факта отказа или уклонения гражданина от психиатрического освидетельствования в добровольном порядке.

Врач-психиатр обратился в суд с административным иском о психиатрическом освидетельствовании К. в недобровольном порядке, ссылаясь на то, что у данного гражданина имеются признаки тяжелого психического расстройства.

Основанием для таких выводов послужила информация, согласно которой К. неоднократно в письменной форме негативно высказывался о деятельности должностных лиц органов государственной власти субъекта Российской Федерации. Кроме того, К. имеет склонность к совершению суицидальных действий, в связи с чем нуждается в проведении психиатрического освидетельствования в недобровольном порядке.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление удовлетворено.

При этом суд исходил из того, что требования врача-психиатра являются обоснованными, поскольку соответствуют положениям Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании”, предусматривающим возможность проведения психиатрического освидетельствования лица без его согласия на основании заключения врача-психиатра с санкции судьи. При этом судом сделан вывод о том, что имеющиеся в отношении К. сведения позволяют сделать предположение о наличии у него тяжелого психического расстройства.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила указанные судебные акты и приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

В силу ч. 4 ст. 23 Закона РФ “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании” психиатрическое освидетельствование лица может быть проведено без его согласия или без согласия его законного представителя в случаях, когда по имеющимся данным обследуемый совершает действия, дающие основания предполагать наличие у него тяжелого психического расстройства, которое обуславливает: его беспомощность, т.е. неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности (п. “б”), или существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи (п. “в”).

В случаях, предусмотренных пп. “б” и “в” ч. 4 ст. 23 названного Закона, решение о психиатрическом освидетельствовании лица без его согласия или без согласия его законного представителя принимается врачом-психиатром с санкции судьи (ч. 2 ст. 24 Закона).

Согласно ч. 5 ст. 25 указанного Закона при отсутствии непосредственной опасности лица для себя или окружающих заявление о психиатрическом освидетельствовании должно быть письменным, содержать подробные сведения, обосновывающие необходимость такого освидетельствования, и указание на отказ лица либо его законного представителя от обращения к врачу-психиатру. Врач-психиатр вправе запросить дополнительные сведения, необходимые для принятия решения. Установив, что в заявлении отсутствуют данные, свидетельствующие о наличии обстоятельств, предусмотренных пп. “б” и “в” ч. 4 ст. 23 данного Закона, врач-психиатр в письменном виде, мотивированно отказывает в психиатрическом освидетельствовании.

Особенности производства по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке установлены главой 30 КАС РФ.

Согласно ст. 280 названного Кодекса административное исковое заявление о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке подается в суд врачом-психиатром, оказывающим психиатрическую помощь (ч. 1); к административному исковому заявлению о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке прилагаются мотивированное заключение врача-психиатра о необходимости такого освидетельствования и другие материалы, на основании которых врачом-психиатром составлено заключение, а также документы, предусмотренные п. 1 ч. 1 ст. 126 Кодекса (ч. 2).

В силу пп. 1—3 ч. 6 ст. 280 КАС РФ при рассмотрении административного дела о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке суду необходимо выяснить: имеются ли сведения о совершении гражданином действий, которые дают основания предполагать наличие у него тяжелого психического расстройства; влечет ли тяжелое психическое расстройство последствия в виде беспомощности гражданина и (или) возможности причинения существенного вреда его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если гражданин будет оставлен без психиатрической

помощи; наличие факта отказа или уклонения гражданина от психиатрического освидетельствования в добровольном порядке.

В соответствии с ч. 7 ст. 280 Кодекса суд принимает решение об удовлетворении административного иска о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке, если признает его обоснованным. При отсутствии оснований для направления гражданина на психиатрическое освидетельствование в недобровольном порядке суд отказывает в удовлетворении административного иска и в психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке.

Вместе с тем из материалов административного дела следует, что к административному исковому заявлению, поданному участковым врачом-психиатром, не приложен документ, подтверждающий право указанного лица на подачу такого заявления, равно как не представлен этот документ и при рассмотрении административного дела в суде первой инстанции.

Также в материалах административного дела отсутствуют сведения о совершении К. действий, свидетельствующих о наличии у него тяжелого психического расстройства.

При рассмотрении административного дела учтена лишь информация о направлении К. различных обращений в органы государственной власти, а также содержание этих обращений.

Однако указанные сведения не свидетельствуют о беспомощности, т.е. неспособности К. самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, или о наличии обстоятельств, которые могут повлечь существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если он будет оставлен без психиатрической помощи.

Таким образом, только при наличии вышеуказанных обстоятельств, предусмотренных пп. “б” и “в” ч. 4 ст. 23 Закона РФ “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании”, суд вправе удовлетворить заявленные требования, тогда как по настоящему делу такие обстоятельства установлены не были.

Кроме того, Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда РФ установлены факт ненадлежащего извещения К. о времени и месте рассмотрения административного дела, а также отсутствие сведений о направлении, вручении либо попытке такого вручения административному ответчику копий административного искового заявления и приложенных к нему документов, позволяющих суду убедиться в получении адресатом указанных документов.

Частью 4 ст. 54 КАС РФ установлено, что в случае, если у административного ответчика, в отношении которого решается вопрос о психиатрическом освидетельствовании в недобровольном порядке, нет представителя, суд назначает в качестве представителя адвоката.

Таким образом, по данной категории административных дел предусмотрено обязательное участие представителя в судебном процессе, что обуславливает обязанность суда обеспечить такое участие.

Указанные требования закона судом также соблюдены не были.

Определение № 22-КГ17-21

44. Заготовка гражданами древесины для собственных нужд имеет характер льготы и предполагает социальную поддержку соответствующих категорий граждан, в связи с чем стоимость объема древесины, пред-

назначенного для собственных нужд граждан, не может быть равной стоимости этого же объема древесины, заготавливаемого в целях осуществления предпринимательской деятельности.

Постановлением правительства Челябинской области от 20 декабря 2016 г. № 709-П внесены изменения в ставки платы по договорам купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан на территории Челябинской области, утвержденные постановлением правительства Челябинской области от 27 января 2015 г. № 22-П “О ставках платы по договорам купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан на территории Челябинской области”.

Данное постановление опубликовано в установленном законом порядке и вступило в силу с 1 января 2017 г.

Б. и Р., проживающие на территории города, где согласно сведениям его администрации в настоящее время не предусмотрена прокладка газопровода, в связи с чем жители данного населенного пункта осуществляют использование лесов в целях заготовки древесины для собственных нужд, в том числе для отопления, ремонта и строительства жилых домов, обратились в суд с административным иском о признании недействительным названного постановления правительства Челябинской области.

В обоснование заявленных требований они указали, что ими в установленном законом порядке были оформлены документы, предоставляющие право на заключение договоров купли-продажи лесных насаждений в целях заготовки деловой древесины для строительства индивидуального жилого дома, а также ремонта и отопления жилья, расположенного в районе, где отсутствуют центральное отопление и газоснабжение.

Вместе с тем оспариваемый нормативный правовой акт по сравнению с ранее действовавшим предусматривает значительный рост ставок за 1 куб.м по лесу в среднем на 200 и более процентов, однако такое повышение ставок не имеет никакого экономического обоснования, нарушает принцип единства экономического пространства, поскольку в других близлежащих регионах ставки на ту же древесину значительно ниже.

По мнению административных истцов, введение в действие оспариваемого постановления привело к тому, что покупка лесных насаждений для собственных нужд граждан в целях заготовки деловой древесины стала для них экономически невыгодной, а для некоторых категорий граждан и финансово недоступной.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ указанное решение суда оставила без изменения, указав следующее.

Удовлетворяя заявленные требования административных истцов, суд первой инстанции, проанализировав положения ст.ст. 29 и 30 Лесного кодекса РФ (далее — ЛК РФ), предусматривающих два вида заготовок древесины — в форме предпринимательской деятельности и для собственных нужд, ч. 4 ст. 30 ЛК РФ, которой установлен запрет на отчуждение древесины, заготовленной гражданами для собственных нужд, а также положения Закона Челябинской области от 27 сентября 2007 г. № 204-ЗО “О порядке и нормах заготовки гражданами древесины для

собственных нужд”, пришел к правильному выводу о том, что заготовка гражданами древесины для собственных нужд имеет характер льготы и предполагает социальную поддержку соответствующих категорий граждан, в связи с чем стоимость объема древесины, предназначенного для собственных нужд граждан, не может быть равной стоимости этого же объема древесины, заготавливаемого в целях предпринимательской деятельности.

Кроме того, оспариваемый нормативный правовой акт, которым внесены изменения в ранее утвержденные ставки платы по договорам купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан на территории Челябинской области, не соответствует также положениям ст. 76 ЛК РФ.

В ч. 1 названной статьи ЛК РФ предусмотрено, что плата по договору купли-продажи лесных насаждений, за исключением платы по договору купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд, определяется на основе минимального размера платы, устанавливаемого в соответствии с чч. 2 и 3 данной статьи. Согласно чч. 2 и 3 указанной статьи минимальный размер платы по договору купли-продажи лесных насаждений определяется как произведение ставки платы за единицу объема древесины и объема подлежащей заготовке древесины, а ставки платы за единицу объема древесины, заготавливаемой на землях, находящихся в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной собственности, устанавливаются соответственно Правительством РФ, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления.

При этом в силу ч. 5 ст. 76 ЛК РФ плата по договору купли-продажи лесных насаждений, заключаемому с субъектами малого и среднего предпринимательства в соответствии с ч. 4 ст. 29 названного Кодекса, устанавливается на основе начальной цены заготавливаемой древесины, определяемой как произведение минимального размера платы по договору купли-продажи лесных насаждений и коэффициента, устанавливаемого органами государственной власти субъектов Российской Федерации для определения расходов на обеспечение проведения мероприятий по охране, защите, воспроизводству лесов.

Часть 4 ст. 29 ЛК РФ, в свою очередь, предусматривает возможность осуществления заготовки древесины юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, относящимися в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” к субъектам малого и среднего предпринимательства, в лесничествах, лесопарках, расположенных на землях лесного фонда, на основании договоров купли-продажи лесных насаждений.

Методика расчета коэффициента для определения расходов на обеспечение проведения мероприятий по охране, защите, воспроизводству лесов в силу положений ч. 6 ст. 76 ЛК РФ утверждается Правительством РФ.

Такая методика утверждена постановлением Правительства РФ от 4 декабря 2015 г. № 1320.

Признавая незаконным применение по аналогии при определении ставки платы по договору купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан в числе других показателей коэффициента, установленного названной выше

методикой, утвержденной постановлением Правительства РФ для определения расходов на обеспечение проведения мероприятий по охране, защите, воспроизводству лесов, суд правомерно указал, что данный коэффициент подлежит применению в отношении платы по договору купли-продажи лесных насаждений, заключаемому с субъектами малого и среднего предпринимательства.

Нормы о возможности применения такого расчета для установления платы при заготовке гражданами древесины для собственных нужд Лесной кодекс РФ или какой-либо иной нормативный правовой акт не содержат.

Напротив, ч. 4 ст. 76 ЛК РФ предписывает органам государственной власти субъектов Российской Федерации установить для этих целей отдельные ставки.

При этом ч. 5 ст. 1 Закона Челябинской области “О порядке и нормативах заготовки гражданами древесины для собственных нужд” предусмотрены специальные условия заготовки древесины для отопления, которая производится в том числе в порядке очистки лесных насаждений от захламленности, уборки ветровальных, буреломных, усыхающих, сухостойных, поврежденных болезнями и тому подобных насаждений, тогда как при заготовке древесины в порядке предпринимательской деятельности такие условия не предусмотрены.

Таким образом, приравнение заготовки древесины для собственных нужд граждан к заготовке древесины в целях предпринимательской деятельности повлекло необоснованное завышение ставок платы по договорам купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан.

Изменение установленных ранее ставок платы по договорам купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан в отсутствие какого-либо экономического обоснования повлекло значительный рост названных ставок, что не отвечает принципам правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в лице его уполномоченных органов на основе внимательного и ответственного подхода к оценке фактических обстоятельств, стабильности предоставления социальной поддержки соответствующих категорий граждан.

Определение № 48-АПГ18-1

45. Органы местного самоуправления вправе создавать особо охраняемые природные территории местного значения лишь на земельных участках, находящихся в собственности соответствующего муниципального образования.

29 сентября 2016 г. районный Совет депутатов муниципального района “Нюрбинский район” Республики Саха (Якутия) принял решение № 3 РРС 32-4, которым образована особо охраняемая природная территория местного значения ресурсный резерват (Эркээйи Сир) “Марха” площадью 1 418 386 гектаров и утверждено Положение о ресурсном резервате (Эркээйи Сир) местного значения “Марха” в Нюрбинском районе Республики Саха (Якутия).

Первый заместитель прокурора Республики Саха (Якутия) обратился в суд с административным иском о признании указанного решения недействующим, ссылаясь на то, что особо охраняемая природная территория местного значения ресурсный резерват (Эркээйи Сир) “Марха” создана на лесных участках в составе зе-

мель лесного фонда, находящихся в федеральной собственности, в связи с чем у районного Совета депутатов муниципального района “Нюрбинский район” Республики Саха (Якутия) отсутствовали полномочия для осуществления такого правового регулирования.

Решением Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 21 сентября 2017 г. административное исковое заявление удовлетворено, оспариваемое решение признано недействующим со дня вступления решения суда в законную силу.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ указанное решение суда оставила без изменения, указав следующее.

Отношения в области организации, охраны и использования особо охраняемых природных территорий в целях сохранения уникальных и типичных природных комплексов и объектов, достопримечательных природных образований, объектов растительного и животного мира, их генетического фонда, изучения естественных процессов в биосфере и контроля за изменением ее состояния, экологического воспитания населения регулирует Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ “Об особо охраняемых природных территориях”.

Законодательство Российской Федерации об особо охраняемых природных территориях основывается на соответствующих положениях Конституции Российской Федерации и состоит из указанного Федерального закона, принимаемых в соответствии с ним других законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

С учетом особенностей режима особо охраняемых природных территорий в ст. 2 названного Федерального закона различаются категории данных территорий. Законами субъектов Российской Федерации могут устанавливаться и иные категории особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения (п. 3 этой же статьи).

Из п. 5 ст. 2 Закона Республики Саха (Якутия) от 1 марта 2011 г. 910-3 № 713-IV “Об особо охраняемых природных территориях Республики Саха (Якутия)” следует, что в Республике Саха (Якутия) установлена такая категория особо охраняемых природных территорий, как ресурсные резерваты (Эркээйи Сирдэр).

Согласно п. 8 ст. 2 Федерального закона “Об особо охраняемых природных территориях” органы местного самоуправления создают особо охраняемые природные территории местного значения на земельных участках, находящихся в собственности соответствующего муниципального образования.

Между тем при рассмотрении и разрешении настоящего административного дела суд первой инстанции установил, что районный Совет депутатов муниципального района “Нюрбинский район” Республики Саха (Якутия) в нарушение п. 8 ст. 2 указанного Федерального закона создал особо охраняемую природную территорию местного значения ресурсный резерват (Эркээйи Сир) “Марха” на земельных участках, находящихся в том числе в федеральной собственности.

В соответствии с ч. 1 ст. 8 ЛК РФ лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности.

Как установил суд первой инстанции и следует из материалов административного дела, земли лесного фонда, на которых районным Советом

депутатов муниципального района “Нюрбинский район” Республики Саха (Якутия) организован ресурсный резерват (Эркээйи Сир) “Марха”, составляют более 94% территории данного ресурсного резервата, государственный кадастровый учет осуществлен в отношении 53 земельных участков, находящихся в границах ресурсного резервата, общей площадью 1197 гектаров, из которых в собственности муниципального образования находятся только два земельных участка общей площадью 53 гектара.

При изложенных обстоятельствах, руководствуясь приведенными нормами Федерального закона “Об особо охраняемых природных территориях” и Лесного кодекса РФ, суд первой инстанции пришел к правомерному выводу о признании оспариваемого решения районного Совета депутатов муниципального района “Нюрбинский район” Республики Саха (Якутия) недействующим полностью со дня вступления решения суда в законную силу.

Кроме этого, суд первой инстанции, удовлетворяя административный иск прокурора, правильно руководствовался ч. 3 ст. 16 Закона Республики Саха (Якутия) “Об особо охраняемых природных территориях Республики Саха (Якутия)” и п. 2.5.2 Порядка образования, преобразования и упразднения особо охраняемых природных территорий Республики Саха (Якутия) местного значения, утвержденного постановлением правительства Республики Саха (Якутия) от 29 декабря 2012 г. № 613.

Частью 3 ст. 16 названного Закона Республики Саха (Якутия) установлено, что конкретные особенности, зонирование и режим каждого ресурсного резервата определяются положением об этом ресурсном резервате, утверждаемым органом исполнительной власти Республики Саха (Якутия), уполномоченным в области охраны окружающей среды.

Пунктом 2.5.2 названного Порядка предусмотрено, что для принятия решения об образовании особо охраняемых природных территорий местного значения необходимо согласование земельного, а также лесного участка с землепользователями (охотпользователи, лесопользователи и так далее), заинтересованными министерствами и ведомствами, интересы которых могут быть затронуты, в том числе с государственным комитетом Республики Саха (Якутия) по геологии и недропользованию.

Вместе с тем в нарушение приведенных норм Положение о ресурсном резервате (Эркээйи Сир) местного значения “Марха” в Нюрбинском районе Республики Саха (Якутия) министерством охраны природы Республики Саха (Якутия) не было утверждено, а государственным комитетом Республики Саха (Якутия) по геологии и недропользованию не было согласовано.

Таким образом, административное исковое заявление было удовлетворено обоснованно.

Определение № 74-АПГ17-16

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

46. Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному им делу, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении судом другого админи-

стративного дела, в котором участвуют лица, в отношении которых установлены эти обстоятельства.

Решением Новороссийского гарнизонного военного суда от 20 февраля 2017 г. удовлетворено административное исковое заявление (далее — заявление) С., в котором он просил признать незаконными действия начальника территориального отделения федерального государственного казенного учреждения “Южное региональное управление жилищного обеспечения” Министерства обороны Российской Федерации (далее — ФГКУ “Югрегионжилье”), связанные с отказом в выделении ему и членам его семьи жилищной субсидии.

На начальника ФГКУ “Югрегионжилье” и начальника территориального отделения ФГКУ “Югрегионжилье” судом возложена обязанность по отмене принятого начальником отделения ФГКУ “Югрегионжилье” решения от 24 ноября 2016 г. об отказе в выделении административному истцу и членам его семьи жилищной субсидии и по принятию решения о выделении С. и членам его семьи жилищной субсидии.

Апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 7 июня 2017 г. решение отменено, по делу принято новое решение об отказе С. в удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе С., Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ пришла к выводу, что судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела допущено существенное нарушение норм процессуального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что сообщением начальника отделения ФГКУ “Югрегионжилье” от 24 ноября 2016 г. С. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил обеспечить его и членов семьи жилищной субсидией.

В обоснование принятого решения начальник территориального отделения жилищного органа сослался на отсутствие в протоколах заседания жилищной комиссии войсковой части 40491 за период с 25 марта 2003 г. по 20 октября 2010 г., т.е. во время прохождения административным истцом военной службы в указанной воинской части, записи о принятии его на учет нуждающихся в жилых помещениях для постоянного проживания.

Данное решение С. оспорил в судебном порядке.

Признавая решение жилищного органа законным, суд апелляционной инстанции посчитал, что в материалах дела отсутствуют документальные сведения о постановке административного истца в период военной службы на учет нуждающихся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

При этом, правильно определив, что при рассмотрении дела установлению подлежали обстоятельства, связанные с признанием административного истца в период военной службы нуждающимся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, суд апелляционной инстанции оставил без внимания, что вступившим в законную силу решением Новороссийского гарнизонного военного суда от 6 июля 2016 г. уже были установлены обстоятельства, в соответствии с которыми С. в период военной службы признан нуждающимся в таком жилом помещении и уволен с военной службы в запас в связи с организационно-штатными меро-

приятиями с оставлением его в списках лиц, признанных нуждающимися в жилых помещениях.

Из изложенного следует, что вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному административному делу установлены обстоятельства, которые являются предметом доказывания по настоящему административному делу.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно ч. 2 ст. 64 КАС РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному им гражданскому или административному делу либо по делу, рассмотренному ранее арбитражным судом, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении судом другого административного дела, в котором участвуют лица, в отношении которых установлены эти обстоятельства, или лица, относящиеся к категории лиц, в отношении которой установлены эти обстоятельства.

При таких данных установленные ранее судом обстоятельства, связанные с признанием С. в период военной службы нуждающимся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, не подлежали установлению при рассмотрении данного административного дела, что не было учтено судом апелляционной инстанции.

Иная оценка окружным военным судом приведенных выше доказательств не является основанием для неприменения решения Новороссийского гарнизонного военного суда от 6 июля 2017 г., которое вступило в законную силу и не отменено.

Таким образом, данное решение гарнизонного военного суда в силу ст. 84 КАС РФ подлежало оценке наряду с другими доказательствами по делу. Однако судом апелляционной инстанции этого сделано не было.

На основании изложенного Судебная коллегия в связи с существенным нарушением норм процессуального права отменила апелляционное определение Северо-Кавказского окружного военного суда от 7 июня 2017 г. и направила дело в тот же суд на новое рассмотрение в апелляционном порядке.

Определение № 205-КГ18-2

По гражданским делам

47. Военнослужащие могут быть привлечены к материальной ответственности в течение трех лет со дня обнаружения ущерба, установленного по приговору суда, вступившему в законную силу.

Решением Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 17 февраля 2017 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 19 апреля 2017 г., представителю командующего Восточным округом войск национальной гвардии отказано ввиду истечения трех лет со дня обнаружения ущерба в удовлетворении искового заявления, в котором он просил привлечь к полной материальной ответственности С. и взыскать с него 17 530 595 руб. в счет возмещения ущерба, образовавшегося в результате приема им и последующей оплаты фактически не выполненных подрядчиком работ.

Рассмотрев материалы гражданского дела по кассационной жалобе представителей командующего Восточным округом войск национальной

гвардии, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ судебные постановления отменила по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что в декабре 2013 г. проведена ревизия финансово-хозяйственной деятельности Восточного регионального командования внутренних войск МВД России, правопреемником которого является Восточный округ войск национальной гвардии Российской Федерации. Актом ревизии от 19 декабря 2013 г. выявлены факты приемки и оплаты работ по строительству ЛЭП-6 кВ от РУ-6 кВ ТП-749 и ремонту резервуаров для хранения мазута рвс-2000 на общую сумму 17 530 595 руб., которые подрядчиком фактически выполнены не были.

По приговору Хабаровского гарнизонного военного суда от 3 ноября 2016 г., вступившему в законную силу 15 ноября 2016 г., бывший начальник отделения капитального строительства тыла Восточного округа внутренних войск МВД России С. признан виновным в недобросовестном отношении к исполнению должностных обязанностей, выразившемся в приемке и оплате фактически не выполненных подрядчиком работ на указанную сумму, и осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ.

8 декабря 2016 г. представитель командующего Восточным округом войск национальной гвардии сдал в организацию почтовой связи исковое заявление в суд о привлечении С. к материальной ответственности. Исковое заявление поступило в суд 22 декабря 2016 г.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды исходили из того, что на день поступления искового заявления в суд прошло более трех лет со дня окончания 19 декабря 2013 г. ревизии финансово-хозяйственной деятельности Восточного регионального командования внутренних войск МВД России, в ходе которой был обнаружен ущерб, что указывает на истечение срока давности привлечения к материальной ответственности, установленного п. 4 ст. 3 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих».

Однако такой вывод судов основан на неправильном применении норм материального и процессуального права.

В суде установлено, что в ходе ревизии финансово-хозяйственной деятельности Восточного регионального командования внутренних войск МВД России от 19 декабря 2013 г. выявлен лишь факт оплаты фактически невыполненных подрядчиком работ, а не виновное в этом лицо.

Назначенное по результатам ревизии административное расследование также не установило лиц, виновных в причинении ущерба приемкой и оплатой фактически невыполненных работ, что усматривается из заключения, утвержденного главнокомандующим внутренними войсками МВД России 8 февраля 2014 г.

После этого с целью установления лиц, причинивших указанный материальный ущерб, органами предварительного следствия 2 апреля 2014 г. было возбуждено уголовное дело, в ходе которого проведена в том числе организационная судебная экспертиза по определению правомерности действий начальника отдела капитального строительства тыла управления регионального командования С., связанных с внесением в государственный контракт цены, не соответствующей утвержденной проектно-сметной документации, с увеличением цены на выполнение

строительно-монтажных работ и приемом невыполненных работ.

По результатам предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела в суде было установлено и отражено в приговоре Хабаровского гарнизонного военного суда от 3 ноября 2016 г., что причинение государству ущерба на сумму 17 530 595 руб. произошло вследствие недобросовестного отношения к исполнению должностных обязанностей С. Приговор вступил в законную силу 15 ноября 2016 г.

Следовательно, командованию стало известно о надлежащем ответчике по иску о возмещении ущерба 15 ноября 2016 г.

Это обстоятельство является юридически значимым для данного дела.

В силу п. 4 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» военнослужащие могут быть привлечены к материальной ответственности в соответствии с настоящим Федеральным законом в течение трех лет со дня обнаружения ущерба.

Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 3 и п. 1 ст. 7 Закона военнослужащие несут материальную ответственность только за причиненный по их вине реальный ущерб, а при обнаружении ущерба командир (начальник) воинской части обязан назначить административное расследование для установления причин ущерба, его размера и виновных лиц.

Содержание названных норм Закона в их взаимосвязи указывает на то, что фактическое время обнаружения ущерба — в отсутствие данных о лице, его причинившем, и его виновности в содеянном — может не совпадать с днем, когда командир (начальник) воинской части получит реальную возможность предъявить требование о возмещении ущерба, в том числе в судебном порядке, и, как следствие, не совпадать с днем обнаружения ущерба, с которого следует исчислять трехлетний срок привлечения военнослужащего к материальной ответственности.

О том, что днем обнаружения ущерба следует считать день, когда командиру воинской части, а в соответствующих случаях вышестоящим в порядке подчиненности органам военного управления и воинским должностным лицам стало известно о наличии материального ущерба, причиненного конкретным военнослужащим, разъяснено в п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих».

Таким образом, течение трехлетнего срока со дня обнаружения ущерба следует исчислять не только со дня, когда командир (начальник) воинской части узнал о факте причинения ущерба, но и со дня установления лица, причинившего такой ущерб.

В связи с изложенным командующий Восточным округом войск национальной гвардии правомерно посчитал, что днем обнаружения ущерба является 15 ноября 2016 г. — дата вступления в законную силу приговора, в соответствии с которым недобросовестное отношение С. к исполнению должностных обязанностей повлекло причинение государству ущерба на сумму 17 530 595 руб. Вывод судов об обратном на законе не основан.

Не основан на законе и вывод в судебных постановлениях об обращении командующего Восточным округом войск национальной гвардии в

суд в день поступления туда искового заявления, т.е. 22 декабря 2016 г.

В соответствии с ч. 1 ст. 108 ГПК РФ процессуальное действие, для совершения которого установлен процессуальный срок, может быть совершено до двадцати четырех часов последнего дня срока; в случае, если жалоба, документы или денежные суммы были сданы в организацию почтовой связи до двадцати четырех часов последнего дня срока, срок не считается пропущенным.

Согласно штемпелю на приложенном к исковому заявлению конверте исковое заявление о привлечении С. к материальной ответственности было сдано в организацию почтовой связи 8 декабря 2016 г.

Следовательно, подачу командующим Восточным округом войск национальной гвардии искового заявления в суд следует исчислять с указанной даты.

Поскольку командующий Восточным округом войск национальной гвардии обратился в суд 8 декабря 2016 г., т.е. менее чем через месяц после вступления приговора в законную силу, установленный п. 4 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» трехлетний срок привлечения военнослужащих к материальной ответственности пропущен не был.

Нарушение судом норм материального и процессуального права привело к тому, что остались невыясненными юридически значимые обстоятельства, связанные с наличием предусмотренных законом оснований для привлечения ответчика к материальной ответственности.

На основании изложенного Судебная коллегия судебные постановления по исковому заявлению командующего Восточным округом войск национальной гвардии Российской Федерации о привлечении к материальной ответственности С. в связи с существенным нарушением норм материального и процессуального права отменила, а дело направила на новое рассмотрение в Ростовский-на-Дону гарнизонный военный суд.

Определение № 205-В17-51

По уголовным делам

48. Судья, ранее высказавший в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела свою позицию относительно фактических обстоятельств и юридической оценки действий осужденных, не может в дальнейшем участвовать в рассмотрении этого дела по существу.

По приговору Московского окружного военного суда от 12 декабря 2017 г. граждане А. и К. за участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, осуждены по ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ к лишению свободы на десять лет в исправительной колонии строгого режима.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденных, приговор отменила, а дело передала на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 63 УПК РФ судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде второй инстанции, не может участвовать в рассмотрении этого уголовного дела в суде пер-

вой инстанции или в порядке надзора, а равно в новом рассмотрении того же дела в суде второй инстанции после отмены приговора, определения, постановления, вынесенного с его участием.

Конституционный Суд РФ в Постановлениях от 2 июля 1998 г. № 20-П, от 23 марта 1999 г. № 5-П и в ряде определений, в том числе от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О и 17 июня 2008 г. № 733-О-О, подчеркнул, что исходя из конституционного права каждого на рассмотрение его дела справедливым и беспристрастным судом сделанные судьей в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела выводы относительно наличия или отсутствия события преступления, виновности лица в его совершении, достаточности собранных доказательств, по иным вопросам, которые могут стать предметом дальнейшего судебного разбирательства, могли бы определенным образом связывать судью при принятии по этим вопросам соответствующих решений.

В связи с этим судья, ранее высказавший в ходе производства по уголовному делу свое мнение по предмету рассмотрения, не должен принимать участие в дальнейшем производстве по делу в составе суда иной инстанции, независимо от того, было ли отменено судебное решение, вынесенное с его участием, что в полной мере относится и к случаям участия судьи в разрешении вопросов о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Исходя из правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной, в частности, в Определениях от 14 июля 2011 г. № 1026-О-О, от 17 июля 2014 г. № 1611-О, участие судьи в дальнейшем производстве по уголовному делу после его возвращения прокурору по основаниям, предусмотренным ст. 237 УПК РФ, может иметь место, если такое решение принималось по тем или иным исключительно процессуальным вопросам, не касающимся существа рассматриваемого дела и не находящимся в прямой связи с подлежащими отражению в приговоре или ином итоговом решении выводами о фактических обстоятельствах дела, оценке достоверности и достаточности доказательств, квалификации деяния, назначении осужденного и т.д.

Данные положения при производстве по уголовному делу в отношении А. и К. соблюдены не были.

Как следует из материалов уголовного дела, первоначально органами предварительного расследования А. и К. обвинялись в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ (в ред. Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ).

В ходе судебного следствия по данному уголовному делу Московский окружной военный суд определением от 12 сентября 2017 г. возвратил его прокурору в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, сославшись в определении на то, что поскольку начавшиеся в 2014 году преступные действия подсудимых согласно предъявленному обвинению были пресечены в период действия ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ, предусматривающей более строгое основное наказание в виде лишения свободы, то квалификация органами следствия содеянного А. и К. по уголовному закону в ранее действовавшей редакции является препятствием для рассмотрения дела судом.

Судебная коллегия Московского окружного военного суда, в состав которой входил судья М.,

рассмотрев уголовное дело по апелляционным жалобам защитников подсудимых А. и К. на указанное определение, оставила его без изменения.

Выражая согласие с выводами суда первой инстанции, сделанными относительно юридической оценки действий А. и К. и времени совершения ими преступления, т.е. по вопросам, которые являются предметом дальнейшего судебного разбирательства, суд апелляционной инстанции в апелляционном определении от 10 октября 2017 г. указал, что “поскольку после внесения изменений 6 июля 2016 г. в санкцию ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ А. и К. продолжили противоправную деятельность до их задержания 28 и 29 марта 2017 г., соответственно, поэтому квалификация их действий должна быть в редакции ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ, действовавшей на момент их задержания”.

После повторного поступления в суд уголовного дела в отношении А. и К., по которому их действия органами следствия были квалифицированы по ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ (в ред. Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ), судья М. принял участие в его рассмотрении по существу в составе суда первой инстанции.

По приговору Московского окружного военного суда от 12 декабря 2017 г. А. и К. осуждены по ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ в указанной редакции. При этом суд установил, что преступные действия А. и К. были окончены 28 марта 2017 г., т.е. во время действия ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ, действовавшей на момент задержания осужденных.

Таким образом, в нарушение ч. 2 ст. 63 УПК РФ в ее конституционно-правовом смысле судья М., ранее высказавший в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела в отношении А. и К. свою позицию относительно фактических обстоятельств и юридической оценки действий осужденных, в дальнейшем участвовал в рассмотрении этого дела по существу, завершившемся постановлением обвинительного приговора.

При таких данных приговор в отношении А. и К. не мог быть признан законным, обоснованным, в связи с чем приговор Московского окружного военного суда в отношении А. и К. был отменен, уголовное дело передано на новое судебное разбирательство в тот же суд со стадии судебного разбирательства в ином составе суда.

Апелляционное определение № 201-АПУ18-5

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

49. Решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания не может быть принято по истечении шести месяцев со дня выявления дисциплинарного проступка, за исключением периода временной нетрудоспособности, нахождения его в отпуске и времени проведения служебной проверки, и по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка.

Председатель Верховного Суда Республики 3 октября 2017 г. обратился в квалификационную коллегию судей с представлением о привлечении к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи П. за существенные нарушения норм материального и процессуального права.

Отменяя решение квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации от 27 октября 2017 г. о досрочном прекращении полномочий судьи районного суда по жалобе П., Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ в своем решении указала следующее.

Конституцией Российской Федерации в ст. 118, ч. 1 ст. 120, ст.ст. 121 и 122 и положениями ст.ст. 1, 4, 5, 15 и 16 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ “О судебной системе Российской Федерации” определен особый правовой статус судьи, призванный обеспечить защиту публичных интересов, прежде всего интересов правосудия, целью которого является защита прав и свобод человека и гражданина.

В силу пп. 1—5 ст. 12¹ Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 “О статусе судей в Российской Федерации” (далее — Закон о статусе судей) за совершение дисциплинарного проступка, т.е. виновного действия (бездействия) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, в результате чего были нарушены положения названного Закона и (или) Кодекса судейской этики, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде замечания, предупреждения, досрочного прекращения полномочий судьи.

При наложении дисциплинарного взыскания учитываются характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форма вины, личность судьи, совершившего дисциплинарный проступок, и степень нарушения действиями (бездействием) судьи прав и свобод граждан, прав и законных интересов организаций.

Согласно п. 6 ст. 12¹ Закона о статусе судей решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания не может быть принято по истечении шести месяцев со дня выявления дисциплинарного проступка, за исключением периода временной нетрудоспособности, нахождения его в отпуске и времени проведения служебной проверки, и по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка.

Коллегия отметила, что в решении квалификационной коллегии судей отсутствуют достаточные данные, свидетельствующие о необходимости досрочного прекращения полномочий судьи П.

В судебном заседании представитель квалификационной коллегии судей пояснил, что при принятии решения квалификационная коллегия судей не исследовала и не обсуждала вопрос о сроках привлечения судьи к дисциплинарной ответственности.

Между тем из представленных в Дисциплинарную коллегия материалов усматривается, что сроки привлечения к дисциплинарной ответственности за допущенные судьей П. нарушения норм материального и процессуального закона по некоторым уголовным и гражданским делам истекли.

Так, по уголовному делу в отношении осужденного Т. истекли два года со дня совершения судьей дисциплинарного проступка.

По гражданским делам по иску К. к банку о признании договора об ипотеке недействительным, по иску Х. к Д. и К. о признании договора дарения земельного участка ничтожной сделкой, по иску банка к А. о взыскании задолженности по кредитному договору судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Республики вынесены частные определения в отношении судьи П., копии которых были направлены в том числе и председателю Верховного Суда Республики

3 июня 2016 г., 18 июля 2016 г. и 6 сентября 2016 г. соответственно для сведения и принятия мер.

По гражданскому делу по иску Х. к Л. о признании права собственности на земельный участок копия частного определения судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики 14 декабря 2016 г. была направлена председателю судебной коллегии по гражданским делам.

Таким образом, Дисциплинарной коллегией установлено, что автору представления было известно о допущенных нарушениях судьей П. в 2016 году, однако он обратился в квалификационную коллегию судей только 3 октября 2017 г., т.е. по истечении шести месяцев со дня выявления дисциплинарного проступка.

Дисциплинарная коллегия отметила также, что допущенное судьей нарушение тайны совещания судей по уголовному делу в отношении Г., несоблюдение судьей сроков назначения судебного заседания по уголовным делам в отношении К. и М., рассмотрение гражданского дела по иску В. к Д. о признании завещания недействительным в течение более чем полутора лет правильно расценены квалификационной коллегией судей как дисциплинарный проступок.

Однако с учетом значительного уменьшения объема фактических обстоятельств, признанных квалификационной коллегией судей дисциплинарным проступком, с учетом данных о личности П., которая ранее не привлекалась к дисциплинарной ответственности, положительно характеризуетс^я председателем районного суда, наложенное на нее дисциплинарное взыскание нельзя признать соразмерным допущенным ею нарушениям закона при рассмотрении уголовных и гражданских дел.

Решение № ДК17-80

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вопросы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Вопрос 1. Обязан ли судья суда общей юрисдикции, арбитражный суд при назначении административного наказания в виде конфискации в том случае, когда орудие совершения или предмет административного правонарушения в области таможенного дела является культурной ценностью, в резолютивной части постановления по делу об административном правонарушении, решения по делу о привлечении к административной ответственности указать на то, что обращение соответствующего имущества производится в собственность Российской Федерации или в собственность субъекта Российской Федерации?

Ответ. В случае нарушения российскими и иностранными лицами правил вывоза из Российской Федерации и ввоза на ее территорию культурных ценностей в отношении таких лиц возможно применение предусмотренного санкциями статей главы 16 КоАП РФ ("Административные правонарушения в области таможенного дела (Нарушения таможенных правил)") административного наказания в виде конфискации культурных ценностей как орудия совершения либо предмета административного правонарушения.

В силу ч. 1 ст. 3.7 КоАП РФ конфискацией орудия совершения или предмета административного правонарушения является принудительное безвозмездное обращение в федеральную собственность или в собст-

венность субъекта Российской Федерации не изъятых из оборота вещей. Конфискация назначается судьей.

Из указанной нормы Кодекса следует, что при назначении административного наказания в виде конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения судья в постановлении по делу об административном правонарушении, арбитражный суд по делу о привлечении к административной ответственности должны разрешить вопрос о том, в собственность Российской Федерации либо в собственность субъекта Российской Федерации будет обращена конфискуемая вещь.

Положение ч. 1 ст. 3.7 КоАП РФ распространяется и на орудия совершения или предметы административного правонарушения, являющиеся культурными ценностями, под которыми понимаются в том числе произведения культуры и искусства, результаты научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость предметы и уникальные в историко-культурном отношении объекты (ст. 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре, утвержденных Верховным Советом Российской Федерации 9 октября 1992 г. № 3612-1).

Правовое регулирование, в частности, порядка распоряжения национальным культурным достоянием Российской Федерации, а также вывоза и ввоза культурных ценностей относится к полномочиям федеральных органов государственной власти в области культуры (ст. 37 названных Основ).

Согласно п. 2 ст. 37 Закона РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 "О вывозе и ввозе культурных ценностей" (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2017 г. № 435-ФЗ) "Истребование культурных ценностей из незаконного владения и передача культурных ценностей, обращенных в собственность государства" культурные ценности, в том числе религиозного назначения, обращенные в судебном порядке в собственность государства, подлежат передаче уполномоченным органом в государственные или муниципальные организации, осуществляющие постоянное хранение культурных ценностей, или религиозные организации Российской Федерации в порядке, утвержденном уполномоченным органом.

В соответствии с ч. 1^а ст. 32.4 КоАП РФ постановление судьи о конфискации вещи, явившейся орудием совершения или предметом административного правонарушения в области таможенного дела, ответственность за которое предусмотрена главой 16 указанного Кодекса, исполняется таможенным органом, осуществившим изъятие указанной вещи, путем ее передачи органу (организации), уполномоченному (уполномоченной) Правительством РФ на распоряжение товарами, обращенными в федеральную собственность, в порядке, установленном Правительством РФ.

Исходя из указанных норм законов, при назначении административного наказания в виде конфискации в том случае, когда орудие совершения или предмет административного правонарушения в области таможенного дела является культурной ценностью, судья по делу об административном правонарушении, арбитражный суд по делу о привлечении к административной ответственности должны в резолютивной части постановления, решения указать на обращение соответствующего имущества в собственность Российской Федерации.

В случае отсутствия в постановлении судьи о назначении административного наказания, решении арбитражного суда о привлечении к административной ответственности такого указания орган, должностное лицо, приводящие указанное постановление в исполнение, а также лицо, в отношении которого оно было вынесено, вправе на основании ч. 3 ст. 31.4 КоАП РФ, ст. 179 АПК РФ обратиться к судье, в арбитражный

суд, вынесшие указанные постановление, решение с заявлением о разъяснении способа и порядка его исполнения, с заявлением о разъяснении решения.

Вопрос 2. Вправе ли председатель, его заместитель либо судья вышестоящего суда при рассмотрении жалобы (протеста) на постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное мировым судьей, отменить такое постановление, направив дело об административном правонарушении на новое рассмотрение мировому судье другого судебного участка?

Ответ. По общему правилу, предусмотренному ч. 1 ст. 29.5 КоАП РФ, дело об административном правонарушении рассматривается по месту его совершения.

В силу п. 6 ст. 4 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ “О мировых судьях в Российской Федерации” (в ред. Федерального закона от 5 апреля 2016 г. № 103-ФЗ) председатель районного суда в целях обеспечения равномерности нагрузки на мировых судей в случае, если нагрузка на мирового судью превышает среднюю нагрузку на мирового судью по судебному району, вправе мотивированным распоряжением передать в том числе часть дел об административных правонарушениях, поступивших к мировому судье одного судебного участка, мировому судье другого судебного участка того же судебного района.

Произвольное изменение предусмотренных ч. 1 ст. 29.5 КоАП РФ правил территориальной подведомственности свидетельствует о том, что дело об административном правонарушении рассмотрено неуполномоченным судьей.

Из взаимосвязанных положений п. 4 ч. 1 ст. 30.7 и п. 3 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ следует, что при рассмотрении жалобы (протеста) на постановление по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб (протестов) возвращение дела на новое рассмотрение возможно лишь тому субъекту административной юрисдикции, который является уполномоченным на рассмотрение конкретного дела об административном правонарушении.

При этом в ст. 29.2 КоАП РФ установлен перечень обстоятельств, исключающих возможность рассмотрения дела об административном правонарушении судьей, членом коллегиального органа, должностным лицом, к числу которых не отнесен факт предыдущего участия этих лиц в рассмотрении того же дела.

Таким образом, председатель, его заместитель или судья вышестоящего суда при рассмотрении жалобы (протеста) как на не вступившее, так и на вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное мировым судьей с соблюдением правил территориальной подведомственности, отменив такое постановление, не вправе направить дело об административном правонарушении на новое рассмотрение мировому судье другого судебного участка, поскольку иное свидетельствует о рассмотрении дела об административном правонарушении неуполномоченным судьей.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

До сведения судей доводится информация о том, что на портале Федеральной нотариальной палаты начал функционировать реестр открытых наследственных дел (далее — Реестр), позволяющий оперативно в автоматизированном режиме получить сведения о нотариусе, открывшем наследственное дело.

Реестр размещен в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” по адресу <https://notariat.ru/ru-ru/help/probate-cases/>.

Поиск осуществляется посредством введения фамилии, имени, отчества наследодателя, а также его даты рождения и даты смерти, если они известны. При

вводе указанных данных система выдаст ответ, содержащий фамилию, имя, отчество соответствующего нотариуса и адрес его нотариальной конторы.

Указанный информационный ресурс может быть использован в деятельности судов для поиска необходимых данных для осуществления правосудия.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” “толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; ст.ст. 3—33). Согласно п. “b” ч. 3 ст. 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования”.

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административно-правовых отношений

Право на жизнь

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека¹ по жалобе № 59705/12 “Сергеева и Пролетарская против России” (вынесено и вступило в силу 13 июня 2017 г.), которым установлено нарушение ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.² в связи с невыполнением российскими властями позитивных обязательств по обеспечению права на жизнь родственников заявителей, которые страдали от ВИЧ и содержались в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Заявители, которые обратились в Европейский Суд от имени их умерших родственников, жаловались на основании ст.ст. 2 и 3 Конвенции, что власти не предоставили их родственникам надлежащую медицинскую помощь в условиях содержания под стражей и, таким образом, несут ответственность за их смерть.

Европейский Суд отметил, что “...Власти не представили каких-либо медицинских заключений в отношении качества медицинской помощи, оказываемой [родственникам заявителей]... [Заявители] представили суду экспертное заключение... в котором были указаны некоторые нарушения в лечении [их] родственников... и несоответствие лечения медицинским потребностям пациентов” (п. 46 постановления).

После тщательного рассмотрения документов, представленных сторонами, Европейский Суд отметил три главных недостатка в медицинской помощи, ока-

¹Далее также — Европейский Суд, Суд.

²Далее также — Конвенция.

занной родственникам заявителей: “[в]о-первых, власти не удостоверились, что лица, содержащиеся под стражей, регулярно проходили осмотр у врача-инфекциониста... Во-вторых, власти не организовывали регулярное проведение иммунологического анализа крови заключенных... В-третьих, [родственники заявителей] не проходили ВААРТ¹, являющуюся основным элементом лечения ВИЧ-инфекции” (п. 50 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что “...национальные власти не соблюдали требования статьи 2 Конвенции, не обеспечив необходимый уровень охраны жизни родственников заявителей” (п. 51 постановления).

Вопросы выдворения

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека²

Сообщение: *Хибак Саид Хаши против Дании*. Сообщение № 2470/2014. Соображения Комитета по правам человека от 28 июля 2017 г.

Тема сообщения: депортация в Италию.

Вопрос существа: бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

Правовые позиции Комитета. Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 31³, в котором он упоминает обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения непоправимого вреда, такого как вред, предусмотренный в ст. 7 [Международного пакта о гражданских и политических правах]⁴, запрещающей жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения. Комитет... указал, что такая опасность должна быть личной и достаточно реальной для того, чтобы служить основанием для установления наличия опасности причинения непоправимого вреда⁵. Комитет... обращает внимание на свои ранее принятые решения, согласно которым необходимо придавать весомое значение оценке, произведенной государством-участником, и что, как правило, именно органы государств — участников Пакта должны рассматривать и оценивать факты и доказательства в целях определения наличия такой угрозы⁶, если только не будет установлено, что такая

оценка носила явно произвольный характер или была равнозначна отказу в правосудии⁷ (п. 9.3 Соображений).

Комитет напоминает о том, что государствам-участникам следует при рассмотрении возражений относительно решений о высылке лиц со своей территории уделять достаточное внимание реальному риску, которому эти лица могут лично подвергнуться в случае депортации⁸. В частности, оценка того, могут ли депортированные лица столкнуться с условиями, представляющими собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, в нарушение ст. 7 Пакта, должна основываться на оценке не только общих условий в принимающей стране, но и индивидуальных обстоятельств данных лиц. Эти обстоятельства могут включать факторы, которые повышают уязвимость таких лиц и в результате которых такое положение дел, которое является терпимым для большинства, может оказаться для них неприемлемым. В делах, рассматриваемых в соответствии с Дублинскими правилами, государствам-участникам следует также принимать во внимание прошлый опыт депортируемых лиц в первой стране убежища, который может помочь понять конкретные риски, с которыми они с большой долей вероятности могут столкнуться и которые могут сделать их возвращение в первую страну, предоставившую убежище, особенно травмирующим⁹ (п. 9.7 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что депортация ее и ее несовершеннолетнего сына в Италию в соответствии с зафиксированным в Дублинских правилах принципом страны первого убежища подвергнет их реальной опасности причинения непоправимого вреда в нарушение ст. 7 Пакта. В обоснование своих доводов автор ссылается, в частности: на то, как с ней реально обращались в Италии; на свою особую уязвимость как матери-одиночки с ребенком; на общие условия в центрах размещения просителей убежища в Италии; на неспособность итальянской системы интеграции удовлетворять потребности бенефициаров международной защиты, о чем говорится в различных докладах (п. 9.2 Соображений).

Комитет отмечает, что автор не оспаривает информацию, представленную итальянскими властями в Датскую иммиграционную службу, согласно которой ей в Италии была предоставлена дополнительная защита и вид на жительство, срок действия которого истекал 22 декабря 2014 г. Комитет... принимает к сведению утверждение автора о том, что, хотя во время проживания в Италии она была беременна и у нее возникли проблемы со здоровьем, ей не была предоставлена какая-либо специализированная помощь и она испытывала трудности с получением продовольствия и доступа к минимальным санитарно-техническим удобствам (п. 9.4 Соображений).

Комитет отмечает представленные автором различные доклады, в которых указывается на

¹Высокоактивная антиретровирусная терапия.

²Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства — продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

³См. Замечание общего порядка № 31 (2004 год) Комитета о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участники Пакта, п. 12.

⁴Далее — Пакт.

⁵См. сообщения № 2007/2010, *Х. против Дании*, Соображения, принятые 26 марта 2014 г., п. 9.2; № 692/1996, *А.Р.Дж. против Австралии*, Соображения, принятые 28 июля 1997 г., п. 6.6; № 1833/2008, *Х. против Швеции*, Соображения, принятые 1 ноября 2011 г., п. 5.18.

⁶См. сообщение № 1957/2010, *Линь против Австралии*, Соображения, принятые 21 марта 2013 г., п. 9.3.

⁷См. сообщения № 2681/2015, *Й.А.А. и Ф.Х.М. против Дании*, Соображения, принятые 10 марта 2017 г., п. 7.3; № 2512/2014, *Резайфар против Дании*, Соображения, принятые 10 марта 2017 г., п. 8.3.

⁸См., например, сообщения № 1763/2008, *Пиллаи и др. против Канады*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., пп. 11.2 и 11.4; № 2409/2014, *Али и Мохаммад против Дании*, Соображения, принятые 29 марта 2016 г., п. 7.8.

⁹См. *Й.А.А. и Ф.Х.М. против Дании*, п. 7.7.

нехватку мест в итальянских центрах приема просителей убежища и лиц, возвращаемых согласно Дублинским правилам. Комитет отмечает, в частности, утверждение автора о том, что такие как она возвращаемые лица, которым уже была предоставлена защита и которые воспользовались услугами приемных центров в Италии, более не имеют права на проживание в центрах для просителей убежища¹. Комитет также отмечает утверждение автора о том, что возвращаемые лица также сталкиваются в Италии с серьезными трудностями в поиске доступа к санитарно-гигиеническим услугам и питанию (п. 9.5 Соображений).

Комитет принимает к сведению вывод Комиссии [по рассмотрению апелляций беженцев] о том, что в рамках данного дела Италию следует рассматривать в качестве страны первого убежища, а также позицию государства-участника, согласно которой такая страна должна гарантировать просителям убежища основные права, хотя и не обязана обеспечивать им одинаковые с гражданами страны социальные стандарты и условия жизни. Комитет также принимает к сведению, что государство-участник сослалось, в частности, на постановление Европейского [С]уда по правам человека, в котором сказано, что, хотя положение в Италии омрачается определенными недостатками, доказательств того, что просителям убежища систематически не обеспечиваются поддержка и надлежащие условия, представлено не было (п. 9.6 Соображений).

Комитет принимает к сведению информацию, полученную государством-участником от итальянских властей, согласно которой иностранец, которому было предоставлено разрешение на проживание в Италии в качестве признанного беженца или лица, получившего защиту, может обратиться с просьбой о продлении его истекшего вида на жительство после повторного въезда в Италию (п. 9.8 Соображений).

В то же время Комитет считает, что государство-участник не в полной мере изучило информацию, которую автор представила, исходя из своих личных обстоятельств, и согласно которой, несмотря на то, что в Италии ей и был выдан вид на жительство, она столкнется там с невыносимыми условиями жизни (п. 9.9 Соображений).

Комитет напоминает о том, что государства-участники должны придавать достаточное значение реальной и личной угрозе, которой лицо может подвергнуться в случае депортации², и считает, что государство-участник было обязано провести более персонализированную оценку той угрозы, которой автор и ее сын могли лично подвергнуться в Италии, а не полагаться на доклады общего характера и на предположение о том, что, поскольку в прошлом автору уже была предоставлена дополнительная защита, она в принципе будет иметь право на тот же уровень дополнительной защиты и теперь. Комитет отмечает, что автор в прошлом имела возможность для проживания в пунктах приема. Вместе с тем согласно неоспоренным утверждениям автора она сталкивалась с плохими жилищными условиями даже во время беременности, поскольку она вынуждена была спать в баракке на матрасе без постельного белья, питаясь один раз в день; она не имеет никакого образования; хотя и

получила от итальянских властей множество документов, она не знала, что ей был выдан вид на жительство для проживания в Италии. Кроме того, Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что в связи с трудностями в получении доступа к достаточному питанию и медицинскому обслуживанию в Италии она страдала от недоедания, часто теряла сознание и у нее чуть было не произошел выкидыш. Информация, имеющаяся в распоряжении Комитета, свидетельствует о том, что лица, попавшие в аналогичную ситуацию, особенно малолетние дети, часто оказываются на улице или в тяжелых и опасных условиях. Вместе с тем, вынося решение, Комиссия недооценила личный опыт автора в Италии и предсказуемые последствия ее принудительного возвращения. Исходя из этого, Комитет считает, что государство-участник должным образом не учло особую уязвимость автора, матери-одиночки, не имеющей никакого образования, с пятилетним ребенком на руках, которая прежде никогда не жила в итальянском обществе. Несмотря на ее официальное право на дополнительную защиту в Италии, нет никаких доказательств того, что на практике автор сможет найти жилье и обеспечивать себя и своего ребенка в отсутствие помощи со стороны итальянских властей. Кроме того, государство не запросило у итальянских властей реальных гарантий того, что автор и ее сын будут приняты в условиях, совместимых с их статусом просителей убежища, и будут иметь право на временную защиту и гарантии, предусмотренные в ст. 7 Пакта. В частности, государство-участник не обратилось к Италии с просьбой взять на себя обязательство: а) продлить автору вид на жительство и выдать аналогичное разрешение ее ребенку; б) принять автора и ее сына в условиях, адаптированных к возрасту ребенка и уязвимому положению семьи, что позволило бы им остаться в Италии³ (п. 9.10 Соображений).

Выводы Комитета. Депортация автора и ее сына в Италию без надлежащих гарантий нарушила бы их права, предусмотренные ст. 7 Пакта (п. 10 Соображений).

Комитет против пыток⁴

Сообщение: *Е.А. против Швеции*. Сообщение № 690/2015. Решение Комитета против пыток от 11 августа 2017 г. по делу.

Тема сообщения: невыдворение; предупреждение пыток.

Вопрос существа: депортация в Ливан.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что такая оценка⁵ преследует цель установить, подвергается ли предсказуемому и реальному риску пыток в стране, куда он или она были бы возвращены, лично соответствующее лицо. А отсюда следует, что наличие в стране практики гру-

¹См. Asylum Information Database, “National country report: Italy”, pp. 54–55.

²См., например, *Пиллаи и др. против Канады*, пп. 11.2 и 11.4; *Али и Мохамед против Дании*, п. 7.8.

³См. *Йасин против Дании*, п. 8.9; *Али и Мохамед против Дании*, п. 7.8; *Ахмед против Дании*, п. 13.8.

⁴Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства — продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

⁵Комитет должен оценить, имеются ли существенные основания полагать, что по возвращении в Ливан заявитель лично оказался бы в опасности подвергнуться пыткам.

бых, вопиющих или массовых нарушений прав человека не является само по себе достаточным основанием для констатации, что по возвращении в такую страну конкретное лицо оказалось бы в опасности быть подвергнутым пыткам; тут надо привести и дополнительные основания, дабы показать, что такому риску был бы подвержен лично соответствующий индивид... При оценке риска [возвращение заявителя в Ливан] Комитет должен согласно п. 2 ст. 3 Конвенции [против пыток]¹ принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека (п. 9.4 Решения).

Комитет напоминает свое [З]амечание общего порядка № 1, согласно которому риск пыток надо оценивать исходя из оснований, выходящих за рамки одних лишь умозрительных построений или подозрений. Хотя риск не должен отвечать критерию высокой степени вероятности (п. 6), Комитет напоминает, что бремя доказывания обычно лежит на заявителе, который должен аргументированно показать, что предсказуемый и реальный риск угрожает лично ему или ей²... [Х]отя по положениям [З]амечания общего порядка № 1 он волен оценивать факты исходя из всего комплекса обстоятельств каждого дела, значительный вес придается выводам органов соответствующего государства-участника по фактической стороне дела³, но он в то же время не связан такими выводами, а имеет правомочие, как предусмотрено в п. 4 ст. 22 Конвенции, на свободную оценку фактов исходя из всего комплекса обстоятельств каждого дела (п. 9.5 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет ссылается на заключительные замечания по первоначальному докладу Ливана от 30 мая 2017 г., где он выразил озабоченность по поводу отдельных случаев жестокого обращения с мужчинами, подозреваемыми в гомосексуальности, которые содержались под стражей сотрудниками сил внутренней безопасности⁴. В то же время Комитет отмечает, что сообщенные инциденты не могут рассматриваться в качестве общей и широко распространенной практики по отношению к гомосексуалам. Он также отмечает, что в 2015 и 2016 годах по ст. 534 Уголовного кодекса было произведено 76 арестов в год⁵. Выражая свою озабоченность по поводу существования положения, позволяющего производить уголовное преследование гомосексуалов, Комитет, исходя из имеющейся у него информации, не может сделать вывод о том, что в Ливане каждый гомосексуальный мужчина является объектом преследований со стороны властей (п. 9.6 Решения).

Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что, поскольку его родственники ведают о его гомосексуальности, он окажется в опасности насилия по соображениям чести без всяких способов искать защиты со стороны властей. В этом от-

ношении Комитет замечает, что, хотя, как утверждает заявитель, его родственники знают о его сексуальной ориентации по меньшей мере с 2013 года, он не предоставил никакой информации о каких-то конкретных угрозах со стороны своей семьи и родственников. Комитет также отмечает утверждение заявителя о том, что власти знают от посольского персонала о его сексуальной ориентации и будут преследовать его по возвращении в Ливан. Таким образом, Комитет считает, что утверждения заявителя, будто он подвергался бы личному риску обращения вопреки ст. 3 Конвенции, носят гипотетический характер и не выходят за рамки одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Комитет заключает, что заявитель не справился со своим бременем аргументировать свое дело согласно [З]амечанию общего порядка № 1 Комитета (п. 9.7 Решения).

В свете вышеизложенных соображений и на основе всей информации, представленной заявителем, Комитет полагает, что заявитель не предоставил достаточных доказательств, чтобы позволить Комитету заключить, что его принудительная высылка в свою страну происхождения подвергла бы его предсказуемому, реальному и личному риску пыток по смыслу ст. 3 Конвенции (п. 10 Решения).

Вывод Комитета. Высылка заявителя государством-участником в Ливан не представляла бы собой нарушение ст. 3 Конвенции (п. 11 Решения).

Сообщение: Г.И. против Дании. Сообщение № 625/2014. Решение Комитета против пыток от 14 августа 2017 г.

Тема сообщения: депортация в Пакистан.

Вопрос существа: недопустимость принудительного возвращения; опасность применения пыток по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает о том, что, хотя на заявителе лежит обязанность представить убедительные свидетельства в обоснование своего ходатайства о предоставлении убежища, это не освобождает государство-участник от необходимости приложить значительные усилия к тому, чтобы определить, есть ли основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения⁶ (п. 8.8 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю будет угрожать личная опасность применения пыток по возвращении в Пакистан. При оценке такой опасности Комитет должен принимать во внимание все соответствующие обстоятельства согласно п. 2 ст. 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека (п. 8.3 Решения).

При оценке риска применения пыток в рассматриваемом случае Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что ему лично угрожает предсказуемая и реальная опасность подвергнуться в случае его возвращения в Пакистан преследованию и пыткам со стороны мусульманской общины или со стороны властей или полиции ввиду его христианской веры и деятельности, поскольку он уже подвергался преследованиям, угрозам и нападениям по этой причине... Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что он дважды получал письма с угрозами и что он не менее двух раз подвергался нападению и физическо-

¹Далее — Конвенция.

²См., например, сообщение № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, Решение, принятое 14 ноября 2003 г., п. 7.3.

³См., например, сообщение № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, Решение, принятое 6 мая 2010 г., п. 7.3.

⁴См. CAT/C/LBN/CO/1, п. 14.

⁵См. Helem shadow report submitted to the Human Rights Committee entitled “Human Rights Violations against Lesbian, Gay, Bisexual, Transgender and Queer (LGBTQ) individuals in Lebanon” (April 2017). Имеется на http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fICO%2fLBN%2f27152&Lang=en.

⁶См. *К.Х. против Дании*, п. 8.8; *Ф.К. против Дании*, п. 7.6.

му насилию ввиду его религиозной деятельности: в первый раз со стороны трех мужчин в августе 2011 г., когда он работал на своем такси, и во второй раз в неуказанную дату со стороны четырех полицейских, которые доставили его в полицейский участок, где избили его, подвесили ногами к потолку и накачивали воду через нос, после чего они ложно обвинили его в незаконном хранении алкогольных напитков. Комитет... принимает к сведению заявление государства-участника о том, что его национальные органы заключили, что заявления автора сообщения не вызывают доверия, поскольку, в частности, он сообщил в полицию лишь о случае угона его автомобиля, но не сообщил о получении письма с угрозами. Государство-участник... заявляет, что автор делал противоречивые заявления относительно письма с угрозами от 15 января 2010 г., поскольку сначала он говорил, что оно является анонимным, но позднее представил Совету письмо, подписанное одной религиозной группой, и делал противоречивые заявления относительно того, как он его получил: он сначала заявил, что не располагает этим письмом, но после того, как его ходатайство о предоставлении убежища было отклонено, он предъявил его в качестве доказательства, заявив, что он оставил его на хранение у его матери, которая переслала ему это письмо (п. 8.5 Решения).

Комитет... принимает к сведению утверждение заявителя на тот счет, что, несмотря на то, что он продемонстрировал Совету признаки предполагаемых пыток на его теле и просил провести специализированное медицинское освидетельствование на предмет проверки, действительно ли эти травмы являются результатом пыток, Совет отказал ему в предоставлении убежища без распоряжения о проведении такого освидетельствования. Он также принимает во внимание тот довод государства-участника, что в таком освидетельствовании не было необходимости, поскольку, каковы бы ни были его итоги, оно не могло служить доказательством того, что заявитель подвергался насилию по причине его деятельности в интересах христианской организации "Jesus Hope for Life" и что такое освидетельствование не продемонстрирует, что опасность будет грозить в Пакистане лично заявителю и будет в настоящее время реальной. Комитет... принимает во внимание довод государства-участника на тот счет, что медицинское свидетельство, представленное заявителем, не служит подтверждением того, что он является жертвой пыток, поскольку описанные в нем травмы могли быть результатом пытки или могли быть вызваны "многими другими причинами, такими как несчастный случай или война" (п. 8.6 Решения).

Комитет отмечает тот факт, что заявитель был задержан в Пакистане полицией, подвергся насилию и был обвинен в незаконном хранении алкогольных напитков, не оспаривается. Комитет... отмечает, что Совет заключил, что хотя заявления автора сообщения о событиях, служащих, по его утверждению, основанием для предоставления убежища, были последовательными, в ходе собеседований в Иммиграционной службе и в Совете он делал непоследовательные заявления относительно письма от 15 января 2010 г., в том числе о том, кем оно подписано и каким образом он его заполучил. Комитет... принимает во внимание утверждение заявителя о том, что он сообщил властям государства-участника, что он не мог ясно помнить всех деталей событий, поскольку его память пострадала в результате нанесения ему во

время пытки ударов по голове, поэтому в его случае должен был применяться другой стандарт доказывания (п. 8.7 Решения).

Комитет напоминает о том, что, хотя на заявителе лежит обязанность представить убедительные свидетельства в обоснование своего ходатайства о предоставлении убежища, это не освобождает государство-участник от необходимости приложить значительные усилия к тому, чтобы определить, есть ли основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения¹. В этих обстоятельствах Комитет считает, что заявитель представил органам государства-участника достаточные материалы, подтверждающие его утверждения о том, что он подвергался пыткам, в том числе медицинское свидетельство², с тем чтобы они продолжили расследование его заявлений, в частности путем проведения специализированного медицинского освидетельствования. Поэтому Комитет заключает, что, отклонив ходатайство заявителя о предоставлении убежища, не пытаясь осуществить дальнейшее расследование его заявлений и не распорядившись о проведении медицинского освидетельствования, государство-участник не смогло определить, есть ли серьезные основания полагать, что заявителю в случае возвращения будет угрожать опасность подвергнуться пыткам. Соответственно, Комитет приходит к тому выводу, что в данных обстоятельствах депортация заявителя в страну его происхождения будет представлять собой нарушение ст. 3 Конвенции (п. 8.8 Решения).

Вывод Комитета. Высылка государством-участником заявителя в Пакистан будет представлять собой нарушение ст. 3 Конвенции (п. 9 Решения).

Сообщение: *З.А.Х. против Канады.* Сообщение № 690/2015. Решение Комитета против пыток от 11 августа 2017 г.

Тема сообщения: депортация в Пакистан.

Вопрос существа: недопустимость принудительно-го возвращения; опасность применения пыток по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что для целей приемлемости подача ходатайства о выдаче вида на жительство по соображениям гуманности и сострадания ни в коем случае не является эффективным средством правовой защиты, учитывая его неюридический характер и тот факт, что оно не приостанавливает исполнение решения о высылке автора³ (п. 7.4 Решения).

Комитет напоминает, что в своей правовой практике и в своем [3]амечании общего порядка № 2 (2007) об имплементации ст. 2 [Конвенции] он уже рассматривал вопрос об опасности применения пыток негосударственными субъектами и не проявлении должного усердия со стороны государства-участника в форме вмешательства и пресечения недопустимых по Конвенции действий, за что оно может нести ответственность⁴. В своем [3]амечании общего порядка № 2 Комитет напомнил, что не проявление "государством надлежащего усердия в форме вмешательства для целей пресечения пы-

¹См. *К.Х. против Дании*, п. 8.8; *Ф.К. против Дании*, п. 7.6.

²См. п. 2.3 выше.

³См., в частности, сообщение № 343/2008, *Калонзо против Канады*, Решение, принятое 18 мая 2012 г., п. 8.3.

⁴См. п. 18 Замечания общего порядка № 2 (2007) Комитета об имплементации ст. 2. См. также сообщение № 322/2007, *Нджамба и Баликоса против Швеции*, Решение, принятое 14 мая 2010 г., п. 9.5.

ток, наказания виновных и восстановления прав жертв поощряет и допускает безнаказанное совершение негосударственными субъектами недопустимых по Конвенции действий” (п. 7.7 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает довод государства-участника о том, что настоящее сообщение не подпадает под действие ст. 3 Конвенции, поскольку содержащиеся в нем утверждения касаются угроз от “Сипах-и-сахаба” — негосударственного образования, которое было запрещено правительством Пакистана как террористическая организация. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что автор не предоставил достаточных доказательств в обоснование утверждения о том, что нападение группировки “Сипах-и-сахаба” было совершено “государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия”, и что в Пакистане ему будет угрожать реальная и личная опасность подвергнуться пыткам. В этой связи Комитет отмечает представление государства-участника о том, что автор не представил объективных и убедительных доказательств существования опасности причинения сильной боли или страданий ему лично государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия (п. 7.5 Решения).

Комитет отмечает... утверждения автора о том, что правительство Пакистана косвенно причастно к преследованию и что, когда он обратился в полицию за помощью и правосудием, ничего предпринято не было, его никак не защитили, поэтому он был вынужден покинуть Пакистан. Комитет отмечает... утверждения автора о том, что полиция и правительство страны неохотно принимают какие-либо меры в отношении суннитских террористических организаций, поскольку эти организации пользуются поддержкой правительства суннитского большинства через посредство его разведывательного органа, а именно Межведомственного разведывательного управления (п. 7.6 Решения).

[В] рассматриваемом случае Комитет считает, что автор не представил достаточных доказательств в обоснование своих утверждений о том, что правительство Пакистана причастно к предположительному преследованию со стороны группировки “Сипах-и-сахаба”. Комитет считает... что автор не обосновал предполагаемую опасность подвергнуться пыткам со стороны пакистанской полиции, служб безопасности и разведки или иммиграционных органов. С учетом вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что представленное автором сообщение является неприемлемым на основании ст. 22 Конвенции и правила подп. “b” п. 113 его правил процедуры в связи с недостаточной обоснованностью (п. 7.7 Решения).

Вывод Комитета. Считать сообщение неприемлемым на основании ст. 22 Конвенции (п. 8 Решения).

Условия содержания в местах лишения свободы

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 56220/15 “Амиров против России” (вынесено и вступило в силу 17 октября 2017 г.), которым отклонена жалоба заявителя, страдающего рядом заболеваний, на необеспечение ему надлежащей медицинской помощи во время содержания в исправительном учреждении.

Вместе с тем установлено нарушение ст. 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителю надлежащей, с учетом состояния его здоровья, медицинской помощи в следственном изоляторе, а также надлежащих условий содержания в исправительном учреждении.

Заявитель жаловался на основании ст. 3 Конвенции, что ему не предоставлялась надлежащая медицинская помощь в следственном изоляторе и что условия его содержания под стражей и лечения в медико-санитарной части колонии не соответствовали его нуждам.

Европейский Суд отметил, что “...после вынесения постановления по первой жалобе, поданной заявителем¹, ситуация изменилась. Администрация пенитенциарного учреждения улучшила условия его содержания под стражей в следственном изоляторе... и обеспечила возможность проведения его осмотра врачами различных специальностей” (п. 44 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что он “...не может опираться на выводы экспертов в отношении следственного изолятора ввиду значительных различий в типе учреждения, уровне предоставляемого лечения и времени, прошедшего с момента составления самого недавнего отчета. Учитывая сложность состояния здоровья заявителя с медицинской точки зрения и отсутствие каких-либо поясняющих медицинских свидетельств в поддержку доводов заявителя, Суд не находит, что в его компетенции определить недостатки в медицинской помощи, получаемой заявителем в колонии. Поэтому он не может установить вне разумных сомнений то, что лечение, получаемое заявителем в колонии, противоречило требованиям ст. 3 Конвенции. Следовательно, в этом отношении нарушения Конвенции не имеется” (п. 48 постановления).

В отношении условий содержания заявителя под стражей в исправительной колонии Суд установил, что “...администрация исправительного учреждения прилагала усилия к тому, чтобы удовлетворить потребности заявителя... Однако представляется, что эти усилия были в основном сведены к обустройству его камеры. В пенитенциарном учреждении не имелось пандусов для инвалидов колясок или лифтов, поэтому помещения не были полностью доступными для заявителя... Хотя это могло не представлять проблемы при краткосрочном лишении свободы, это причиняло значительные неудобства заявителю как заключенному, отбывающему пожизненный срок, увеличивая его зависимость от других заключенных, что является еще одним поводом для беспокойства Суда” (п. 51 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...наряду с помощью персонала медико-санитарной части заявителю ежедневно оказывали помощь другие содержащиеся вместе с ним заключенные. Суд полагает, что такая помощь, заменявшая собой помощь, предоставляемую государством, являлась явно недостаточной” (п. 52 постановления).

Суд также подчеркнул, что он неудовлетворен тем “...каким образом заявителя выводили в тюремный двор в течение первых двух недель его содержания в исправительной колонии. Прокуратурой было установлено, что тюремная охрана надевала на заявителя наручники и завязывала ему глаза всякий раз, когда его выводили во двор... Применение такой крайней меры безопасности было явно необоснованным в случае серьезно больного человека, каким являлся заявитель. Это могло унижать и оскорблять его и, возможно, отнимать его физические и моральные силы” (п. 53 постановления).

Европейский Суд установил “...нарушение статьи 3 Конвенции в связи с плохим качеством лечения в следственном изоляторе и ненадлежащими условиями его содержания в исправительной колонии” (п. 54 постановления).

¹“Амиров против России” от 27 ноября 2014 г., жалоба № 51857/13.

Постановление Европейского Суда по жалобе № 18496/16 и 2 другие жалобы “Эскерханов и другие против России” (вынесено 25 июля 2017 г., вступило в силу 25 октября 2017 г.), которым установлено нарушение ст. 3 Конвенции в связи с ненадлежащими условиями содержания Эскерханова Т.Д. в следственном изоляторе, в здании районного суда и при транспортировке заявителя из следственного изолятора в здание суда и обратно.

Заявитель жаловался на нарушение ст. 3 Конвенции в связи с условиями его содержания под стражей и перевозки.

Европейский Суд установил, что “...на заявителя приходи[лось] около 3 кв.м личного пространства. Фактор ограниченного пространства связан с другими аспектами несоответствующих физических условий содержания под стражей, относящимися, в частности, к доступу к упражнениям на свежем воздухе, естественному освещению и воздуху, достаточной температуры в камере, возможности пользоваться туалетом в уединении, доступом к постельным принадлежностям и соответствию санитарно-гигиеническим требованиям” (п. 35 постановления).

Суд пришел к заключению, что “...условия содержания заявителя под стражей в [следственном изоляторе] были ненадлежащими... Следовательно, в отношении этой жалобы имело место нарушение статьи 3 Конвенции” (пп. 36—37 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 3933/12 “Пискунов против России” (вынесено 4 октября 2016 г., вступило в силу 4 января 2017 г.), которым установлено нарушение ст.ст. 3 и 13 Конвенции в связи с необеспечением заявителю, страдающему серьезными заболеваниями, надлежащей, с учетом состояния его здоровья, медицинской помощи в период содержания под стражей и отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

Заявитель жаловался, ссылаясь на ст. 3 Конвенции, на то, что органы власти не предоставили ему надлежащую медицинскую помощь и что условия его содержания под стражей в следственном изоляторе являлись ненадлежащими. Он также утверждал, ссылаясь на ст. 13 Конвенции, что он не имел в распоряжении доступных эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в отношении его жалоб.

Европейский Суд установил, что “заявитель жаловался в различные органы власти на качество медицинской помощи при содержании под стражей... Следовательно, заявитель пытался привлечь внимание органов власти на состояние своего здоровья и качество медицинской помощи, которую он получал при содержании под стражей и которая, по его мнению, являлась ненадлежащей” (п. 44 постановления).

Суд отметил, что “...ни одно из правовых средств защиты, предложенных Властями, включая жалобу в органы власти пенитенциарного учреждения, прокуратуру или суд, не являлось эффективным средством правовой защиты для предотвращения предполагаемых нарушений или их остановки, или для предоставления заявителю надлежащего и достаточного возмещения в отношении его жалоб в соответствии со статьей 3 Конвенции” (п. 45 постановления).

Европейский Суд установил наличие нарушения ст. 13 Конвенции в связи с тем, что “...заявитель не располагал эффективными внутригосударственными средствами правовой защиты в отношении своих жалоб на качество медицинской помощи и условия содержания под стражей” (п. 46 постановления).

В отношении неокказания заявителю надлежащей медицинской помощи Суд отметил, что “...письменные показания заключенных, отбывавших наказание с заявителем, указывают на то, что в мае 2013 года он начал испытывать сильные боли, которые влияли на его

способность передвигаться. Инъекции болеутоляющих, предоставленных родственниками с очевидного разрешения администрации пенитенциарного учреждения и под их контролем, не улучшили его состояние. Просьбы заявителя о стационарном лечении были проигнорированы властями... В таких обстоятельствах, несмотря на отсутствие жалоб, зарегистрированных в медицинской карте заявителя, Суд убежден в том, что администрация пенитенциарного учреждения была осведомлена о его проблемах со здоровьем, имеющих место с мая 2013 года” (п. 49 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “...медицинское обследование заявителя в отношении его болей в ногах и спине было проведено только в январе 2014 года, приблизительно через восемь месяцев после появления упомянутых симптомов. Принимая во внимание тяжесть состояния заявителя и отсутствие препятствий для проведения медицинского обследования в отношении причины его жалоб, Суд считает неприемлемым отсутствие своевременного решения проблемы властями. Восемьмесячная задержка не только подвергала здоровье заявителя риску серьезного, невосполнимого вреда, обострения заболевания, но также продлевала его болезненные страдания. Не рассматривая вопрос о том, обеспечили ли бы своевременные меры по диагностике и лечению выздоровление заявителя, Суд считает, что продолжительное невнимательное отношение медицинских работников к состоянию заявителя, которое было связано со значительной болью, само по себе привело к нарушению статьи 3 Конвенции” (п. 50 постановления).

Суд пришел к выводу, что “...имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с неисполнением властями своей обязанности по обеспечению надлежащей медицинской помощи заявителю во время его содержания под стражей” (п. 51 постановления).

¹ В Верховный Суд РФ поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, также содержащих констатацию нарушения ст. 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителям надлежащих условий содержания в местах лишения свободы. Постановления Европейского Суда по жалобам № 71621/13 и 381/15 “Филимонов и Фазлутдинов против России” (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), № 53494/09 и 3 других “Оруджов и другие против России” (вынесено и вступило в силу 6 июля 2017 г.), № 3459/13 и 4 другие жалобы “Антонов и другие против России” (вынесено и вступило в силу 20 июля 2017 г.), № 38884/13 и 5 других жалоб “Вилков и другие против России” (вынесено и вступило в силу 20 июля 2017 г.), № 7369/09 и 7 других жалоб “Долгов и другие против России” (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 37783/16 и 9 других жалоб “Дубинин и другие против России” (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 32795/16 и 7 других жалоб “Егоров и другие против России” (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 8306/10 и 6 других жалоб “Зеленков и другие против России” (вынесено и вступило в силу 28 сентября 2017 г.), № 66757/14 и 6 других жалоб “Каргашин и другие против России” (вынесено 21 марта 2017 г., вступило в силу 18 сентября 2017 г.), № 29647/16 и 6 других жалоб “Кошелев и другие против России” (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 62980/10 и 6 других жалоб “Медведев и другие против России” (вынесено и вступило в силу 9 ноября 2017 г.), № 16401/12 и 9 других жалоб “Можаров и другие против России” (вынесено 21 марта 2017 г., вступило в силу 18 сентября 2017 г.), № 16342/11 и 6 других жалоб “Полунин и другие против России” (вынесено и вступило в силу 6 июля 2017 г.), № 40016/16 и 9 других жалоб “Потапов и другие против России” (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 34649/16 и 6 других жалоб “Смирнов и другие против России” (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 6496/14 и 9 других жалоб “Сучков и другие против России” (вынесено и вступило в силу 4 мая 2017 г.), № 12860/11 и 7 других жалоб “Юдина и другие против России” (вынесено и вступило в силу 6 июля 2017 г.), № 31044/08 и 9 других жалоб “Мулюков и другие против России” (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.).

Практика договорных органов ООН

См. также нижеприведенное Решение Комитета против пыток от 11 августа 2017 г. по делу *Рашид Джаидан против Туниса* (сообщение № 654/2015).

См. также нижеприведенное Решение Комитета против пыток от 31 июля 2017 г. по делу *Ашим Ракишев против Казахстана* (сообщение № 661/2015).

Чрезмерная длительность исполнения вступивших в законную силу судебных решений

Практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд РФ поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с неисполнением или чрезмерно длительным исполнением вступивших в законную силу судебных решений по обязательствам имущественного и неимущественного характера государства и муниципальных образований. Постановления Европейского Суда по жалобам № 33064/07, 13600/10, 40437/10, 78491/12, 20600/13, 49569/13, 63406/13, 68839/13, 76570/13 “*Казачкова и другие против России*”; № 19388/07, 46656/09, 47394/10, 59298/11, 64943/11, 44953/12, 72964/12, 40790/14 “*Курюшина и другие против России*”; № 36325/05, 2548/10, 72800/11, 18356/13, 6536/14, 38045/14 “*Бебутов и другие против России*”.

Вопросы осуществления государством юрисдикции

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Басем Ахмед Исса Яссин и др. против Канады*. Сообщение № 2285/2013. Решение Комитета по правам человека от 26 июля 2017 г.

Тема сообщения: ответственность государства за действия частных предприятий.

Вопрос существа: ограничения права на свободу; незаконное посягательство на неприкосновенность жилища; лишение права на пользование своей собственной культурой.

Правовые позиции Комитета. В соответствии со ст. 1 Факультативного протокола только граждане пользуются правом на представление сообщений (п. 6.3 Решения).

Комитет напоминает, что в соответствии со ст. 1 Факультативного протокола он может получать и рассматривать сообщения от лиц, находящихся под юрисдикцией государств-участников. Он... напоминает, что в п. 10 [3] замечания общего порядка № 31 (2004 год) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники [Международного пакта о гражданских и политических правах], сказано, что от государств-участников требуется уважать и обеспечивать признаваемые в Пакте права всех лиц, находящихся в пределах их территории, и всех лиц, находящихся под их юрисдикцией. Это означает, что государство-участник обязано уважать и обеспечивать любому лицу, находящемуся в пределах компетенции или эффективного контроля этого государства-участника, права, признаваемые в Пакте, даже если лицо не находится на территории государства-участника. Как указывается в [3] замечании общего порядка № 15 [о положении иностранцев в соответствии с Пактом], принятом на двадцать седьмой сессии (1986 год), возможность пользоваться предусмотренными в Пакте правами имеют не только граждане государств-участников, но и все лица неза-

висимо от их гражданства или отсутствия такового, которые могут оказаться на территории или под юрисдикцией государства-участника, т.е. такие лица, как просители убежища, беженцы, трудящиеся-мигранты или иные категории лиц. Этот принцип применим также к лицам, находящимся в рамках компетенции или под эффективным контролем сил государства-участника, действующих за пределами его территории, независимо от обстоятельств, при которых была установлена такая компетенция или эффективный контроль, как, например, в случае сил, представляющих собой национальный контингент государства-участника, выделенный для участия в международной операции по поддержанию или укреплению мира (п. 6.4 Решения).

Несмотря на то, что обязательства государства в области прав человека на его собственной территории не могут быть во всех отношениях приравнены к его обязательствам за пределами его территории, Комитет считает, что существуют ситуации, в которых государство-участник обязано обеспечить, чтобы права, предусмотренные Пактом, не нарушались в результате экстерриториальной деятельности предприятий, находящихся под его юрисдикцией¹. Это особенно актуально в тех случаях, когда нарушения прав человека настолько серьезны по своему характеру, как те, о которых идет речь в настоящем сообщении (п. 6.5 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Авторы утверждают, что являются жертвами нарушений их прав по ст.ст. 2, 7, 12, 17 и 27 [Пакта] в результате их выселения с их земель, а также строительства на них израильского поселения. Они утверждают, что государство-участник несет ответственность за эти нарушения в той мере, в какой оно нарушило свое экстерриториальное обязательство гарантировать права авторов в соответствии с вышеупомянутыми положениями тем, что: а) не предоставило им эффективные средства правовой защиты, отказав в привлечении двух корпораций к ответственности за нарушения; б) неадекватно регулировало деятельность двух корпораций для обеспечения того, чтобы они не нарушали положения Пакта. Государство-участник оспаривает приемлемость претензий авторов на том основании, что авторы не обладают процессуальной правосубъектностью в Комитете, что статьи, на которые они ссылаются, не имеют экстерриториального действия и что эти утверждения являются явно необоснованными (п. 6.2 Решения).

Государство-участник заявляет, что двое из авторов (имущество покойного Ахмеда Иссы Абдаллы Яссина и совет деревни Билин, представленный заместителем председателя) являются юридическими лицами и, таким образом, не могут рассматриваться в качестве жертв в соответствии с Пактом и Факультативным протоколом... Поскольку имущество и совет деревни не являются физическими лицами, Комитет считает, что они не соответствуют критерию *ratione personae*², который позволил бы им представить сообщение. Таким образом, данное сообщение является неприемлемым в этом отношении в соответствии

¹См. сообщения № 1539/2006, *Мунаф против Румынии*, Сообщения, принятые 30 июля 2009 г., п. 14.2; и № 2005/2010, *Хикс против Австралии*, Сообщения, принятые 5 ноября 2015 г., пп. 4.4–4.6. См. также CCPR/C/CAN/CO/6, п. 6; CCPR/C/DEU/CO/6, п. 6; и замечание общего порядка № 31, п. 8.

²Критерий лица (лат.).

со ст. 1 Факультативного протокола по причине отсутствия личного статуса¹ (п. 6.3 Решения).

Комитет... принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что данное сообщение несовместимо с процедурой рассмотрения сообщений, поскольку авторы сообщения не подпадают под юрисдикцию государства-участника (п. 6.4 Решения).

Комитет отмечает, что с 2004 года компании “Грин парк интернэшнл” и “Грин маунт интернэшнл” были зарегистрированы и домицированы в Канаде, где они платят налоги. Поэтому сами компании находятся в пределах территории и юрисдикции государства-участника (п. 6.5 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что официальным местом жительства председателя и секретаря обеих корпораций является город Герцлия в Израиле и что единственное, что связывает Канаду и составляющие предмет сообщения факты, это предположительная причастность к делу двух юридических лиц, зарегистрированных в Квебеке, но не имеющих при этом какой-либо иной значимой связи с этой провинцией или государством-участником. Кроме того, Комитет отмечает, что Высший суд Квебека отказался осуществлять юрисдикцию на дискреционных основаниях *forum non conveniens*², поскольку, в частности: а) связь между Квебеком и лицами, имеющими отношение к данному иску, является крайне незначительной, поскольку все истцы и свидетели живут в Израиле или на Западном берегу; б) корпорации зарегистрированы в Канаде только лишь по причинам, связанным с налогообложением в Израиле, и действовали в качестве *альтер эго*³ от имени и в интересах корпорации, которая не является резидентом Канады и не располагает какими-либо активами в Канаде; в) “Грин парк интернэшнл” и “Грин маунт интернэшнл” не имеют активов в Канаде. Их активы, если таковые имеются, находятся на Западном берегу, где расположены здания, составляющие предмет спора; д) заявители обратились в канадские суды только после того, как некоторые из их исков были рассмотрены и отклонены судебными органами в Израиле (п. 6.6 Решения).

Принимая во внимание элементы связи с государством-участником, Комитет также считает, что в данном случае авторы не представили достаточную информацию о том, в какой степени Канада может считаться ответственной за то, что не проявила разумную должную добросовестность в отношении экстерриториальной деятельности двух компаний. Это включает, например, отсутствие информации в отношении действующих в государстве-участнике правил, регулирующих деятельность корпораций, и возможностей государства-участника обеспечить эффективное регулирование соответствующей деятельности; особого характера роли корпораций в строительстве поселений и последствий их действий для прав авторов; и информации, имеющейся в распоряжении государства-участника, об этой деятельности, включая предсказуемость ее последствий. На основе информации, представленной

сторонами, Комитет считает, что связь между обязательствами государства-участника в соответствии с Пактом, действиями компаний “Грин парк интернэшнл” и “Грин маунт интернэшнл” и предполагаемым нарушением прав авторов не является достаточно обоснованной для того, чтобы признать сообщение приемлемым (п. 6.7 Решения).

Выводы Комитета. Признать сообщение неприемлемым согласно ст. 2 Факультативного протокола (п. 7 Решения).

Право на свободу выражения мнений

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: Андрей Свиридов против Казахстана. Сообщение № 2158/2012. Соображения Комитета по правам человека от 13 июля 2017 г.

Правовые позиции Комитета. Комитет отмечает, что право отдельного лица выражать свое мнение, в том числе, разумеется, мнение по вопросам прав человека, таких как право на справедливое судебное разбирательство, является частью права на свободное выражение мнений, гарантированного ст. 19 Пакта⁴ (п. 10.2 Соображений).

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 34 (2011) о свободе мнений и свободе их выражения, в соответствии с которым свобода мнений и свобода их выражения являются неотъемлемыми условиями всестороннего развития личности. Они имеют ключевое значение для любого общества и являются основополагающими элементами любого свободного и демократического общества (п. 2). Комитет напоминает о том, что п. 3 ст. 19 Пакта допускает некоторые ограничения, но только предусмотренные законом и являющиеся необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Любое ограничение осуществления таких свобод должно строго отвечать требованию необходимости и соразмерности. Ограничения должны устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой они преследуют (п. 22)⁵. Комитет... напоминает⁶, что именно государству-участнику надлежит продемонстрировать, что ограничения прав автора, предусмотренные ст. 19 Пакта, являются необходимыми и соразмерными⁷. И наконец, Комитет напоминает, что любое ограничение свободы выражения мнений не должно быть слишком широким по характеру, т.е. оно должно являться наименее ограничительной мерой, с помощью которой мо-

⁴См. *Кивенмаа против Финляндии*, п. 9.3.

⁵См. также, в частности, сообщения № 1948/2010, *Турченок и др. против Беларуси*, Соображения, принятые 24 июля 2013 г., п. 7.7; № 2089/2011, *Король против Беларуси*, Соображения, принятые 14 июля 2016 г., п. 7.3; и *Поплавный против Беларуси*, п. 8.3.

⁶См., например, сообщения № 1830/2008, *Пивонос против Беларуси*, Соображения, принятые 29 октября 2012 г., п. 9.3; и № 1785/2008, *Олешкевич против Беларуси*, Соображения, принятые 18 марта 2013 г., п. 8.5.

⁷См., например, сообщения № 2092/2011, *Андросенко против Беларуси*, Соображения, принятые 30 марта 2016 г., п. 7.3; и *Поплавный против Беларуси*, п. 8.3.

¹См. сообщения № 163/1984, *К. и др. против Италии*, Решение, принятое 10 апреля 1984 г., п. 5; № 104/1981, *Д.Р.Т. и Партия У.Г. против Канады*, Решение, принятое 6 апреля 1983 г., п. 8.

²Неудобное место рассмотрения дела (лат.).

³Другой я (лат.).

жет быть обеспечена соответствующая защитная функция, и быть соразмерным защищаемому интересу (п. 34) (п. 10.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает утверждение автора о том, что его право на свободу выражения мнений, закрепленное в п. 2 ст. 19 Пакта, было ограничено без требующегося на то основания, базирующегося на какой-либо из законных целей, предусмотренных в п. 3 ст. 19 [Пакта]... Комитет отмечает, что автор был признан виновным и оштрафован за организацию “демонстрации”, в которой он являлся единственным участником, не запросив в официальном порядке разрешения от местных органов исполнительной власти. По мнению Комитета, государство-участник вмешалось в осуществление автором его права на свободное выражение мнений и распространение всякого рода информации и идей, которое защищено п. 2 ст. 19 Пакта (п. 10.2 Соображений).

Комитет отмечает утверждение автора о том, что введенные в его отношении ограничения не предусмотрены законом, поскольку выражение мнения отдельным лицом не является “демонстрацией”. Комитет... отмечает позицию государства-участника о том, что, хотя понятия “демонстрация” и “общественный протест” не определены в законе, поведение автора представляет собой “демонстрацию” для целей Закона о порядке организации и проведения мирных собраний, митингов, шествий, пикетов и демонстраций. Независимо от того, запрещено ли поведение автора в соответствии с внутренним правом, Комитет отмечает, что на мирное выражение отдельным лицом в общественном месте своего мнения о предположительно несправедливом судебном разбирательстве не должны распространяться те же ограничения, которые применяются к собраниям лиц. Комитет... отмечает, что ни государство-участник, ни национальные суды не указали никаких конкретных оснований, как это требуется в соответствии с п. 3 ст. 19 Пакта, в обоснование необходимости ограничений, введенных в отношении автора¹. В частности, государство-участник не обосновало причин, по которым получение предварительного официального разрешения от местных органов до проведения одиночной акции протеста необходимо для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения либо для уважения прав или репутации других лиц. Кроме того, государство-участник не продемонстрировало, что избранные меры, т.е. признание автора виновным и наложение штрафа в размере половины максимальной суммы согласно ч. 1 ст. 373 Кодекса об административных правонарушениях, представляли собой наименее ограничительные меры или являлись соразмерными защищаемому интересу². Комитет полагает, что в данных обстоятельствах не было доказано, что наложенные на автора ограничения были оправданы законным интересом и являлись необходимыми или соразмерными такой цели в соответствии с условиями, изложенными в п. 3 ст. 19 Пакта. Поэтому он приходит к заключению, что права автора, предусмотренные п. 2 ст. 19 Пакта, были нарушены (п. 10.4 Соображений).

¹См. сообщение № 1604/2007, *Залеская против Беларуси*, Соображения, принятые 28 марта 2011 г., п. 10.5.

²См. сообщение № 2137/2012, *Торегожина против Казахстана*, Соображения, принятые 21 октября 2014 г., п. 7.5.

Выводы Комитета. Представленные факты свидетельствуют о нарушении Казахстаном ст. 19 Пакта (п. 11 Соображений).

Право избирать и быть избранным

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Кристофер Алджер против Австралии*. Сообщение № 2237/2013. Соображения Комитета по правам человека от 13 июля 2017 г.

Тема сообщения: обязательное голосование на федеральных выборах.

Вопросы существа: право на вмешательство в личную жизнь; свобода мысли, совести и религии; свобода выражений мнений; право иметь свое мнение; право принимать участие в ведении государственных дел и право голоса; право на равенство перед законом и на равную защиту закона без всякой дискриминации; право на эффективные средства правовой защиты.

Правовые позиции Комитета. Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 25, в котором сказано, что, хотя Пакт и не содержит требования о наличии какой-либо определенной избирательной системы, любая система, действующая в государстве-участнике, должна соответствовать правам, закрепленным в ст. 25 [Пакта], а также гарантировать и обеспечивать свободное волеизъявление избирателей³. Она должна гарантировать, в частности, чтобы лицам, имеющим право голоса, была предоставлена возможность свободно голосовать за любого выдвинутого кандидата, а также свободно голосовать в поддержку правительства страны или против него и чтобы голосование было тайным. Поэтому Комитет считает, что система голосования должна позволять избирателям голосовать за любого выдвинутого кандидата или не голосовать ни за кого, в том числе подавая незаполненные или не соответствующие установленной форме бюллетени, а также обеспечивать, чтобы подача голосов проводилась путем тайного голосования. Комитет считает... что любая санкция за неучастие в голосовании должна устанавливаться законом, быть разумной и пропорциональной и не должна сказываться на использовании или осуществлении прав, предусмотренных Пактом (п. 7.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что система обязательного голосования и штраф, наложенный на него в связи с его неучастием в голосовании, искажают и подвергают принуждению свободное выражение им своей воли избирателя, представляют собой неправленную против него меру принуждения, побуждения или вмешательства, в частности в том, что касается будущих выборов, и, следовательно, противоречат положениям ст. 25 Пакта. Кроме того, автор утверждает, что обязательное голосование не ведет к осуществлению прав отдельных лиц принимать участие в ведении государственных дел. Комитет... принимает к сведению аргументы государства-участника о том, что, в частности, его избирательная система имеет в основе демократический принцип всеобщего участия взрослого населения в голосовании и согласуется с его обязательствами по Пакту, что Пакт не содержит требований о наличии какой-либо опре-

³См. Замечание общего порядка № 25, п. 21.

деленной избирательной системы и что избиратели могут свободно голосовать за любого кандидата или не голосовать ни за кого без неправомерного влияния или какого-либо принуждения (п. 7.2 Соображений).

Комитет отмечает, что утверждения автора по ст. 25 [Пакта], в частности в отношении принудительного характера наложенного на него штрафа, в конечном счете ставят вопрос о совместимости системы обязательного голосования в государстве-участнике в том виде, в котором она была применена к автору в ходе федеральных выборов 2010 года, с положениями Пакта (п. 7.3 Соображений).

Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что в рамках системы обязательного голосования избиратели могут свободно голосовать за любого выдвинутого кандидата или не голосовать ни за кого, в том числе подавая незаполненные или испорченные бюллетени, без неправомерного влияния или какого-либо принуждения, что подача голосов проводится путем тайного голосования и что избиратели несут ответственность лишь в виде штрафа размером в 20 австралийских долларов, если они не подадут избирательный бюллетень одним из установленных способов и не укажут вескую и достаточную причину неучастия в голосовании (п. 7.4 Соображений).

В данном деле Комитет отмечает, что для выполнения своих обязанностей в качестве избирателя на федеральных выборах 2010 года автор был обязан прийти на избирательный участок и опустить свой бюллетень в избирательную урну согласно принципу проведения тайного голосования. По утверждению автора, если избиратель пожелает не голосовать ни за одного из кандидатов, как в его случае, избиратель должен подать голос не в установленной форме, что будет иметь сомнительный с правовой точки зрения статус. Комитет отмечает, однако, что подача незаполненных бюллетеней предусмотрена в разделе 268 Закона Содружества о выборах. Он отмечает, что автор не объяснил, почему незаполненный бюллетень реально не отражал бы его волю избирателя не поддерживать ни одного из кандидатов на федеральных выборах 2010 года. Кроме того, автор не представил Комитету убедительных аргументов в доказательство того, что наложенный на него штраф является неразумным или несоразмерным (п. 7.5 Соображений).

Выводы Комитета. Представленные факты не свидетельствуют о нарушении прав автора, предусмотренных в Пакте (п. 8 Соображений).

В сфере гражданско-правовых отношений

Практика договорных органов ООН

См. нижеприведенные Соображения Комитета по правам человека от 18 июля 2017 г. по делу *Н.К. против Нидерландов* (сообщение № 2326/2013).

См. нижеприведенные Соображения Комитета по правам человека от 13 июля 2017 г. по делу *Петр Гатиллов против Российской Федерации* (сообщение № 2171/2012).

См. нижеприведенное Решение Комитета против пыток от 11 августа 2017 г. по делу *Рашид Джаидан против Туниса* (сообщение № 654/2015).

См. нижеприведенное Решение Комитета ООН против пыток от 31 июля 2017 г. по делу *Ашим Ракишев против Казахстана* (сообщение № 661/2015).

В сфере гражданско-процессуальных отношений

Право на справедливое судебное разбирательство

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Петр Гатиллов против Российской Федерации*. Сообщение № 2171/2012. Соображения Комитета по правам человека от 13 июля 2017 г.

Тема сообщения: принудительное выселение из дома и утрата имущества автором сообщения.

Вопросы существа: неприкосновенность частной жизни; защита закона.

Правовые позиции Комитета. Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, в котором он отмечает, что ст. 14 [Пакта] “охватывает право доступа в суды” при “определении прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе... Доступ к отправлению правосудия должен действенным образом гарантироваться во всех таких случаях в целях обеспечения того, чтобы никакое лицо не было с процессуальной точки зрения лишено своего права требовать правосудия”¹ (п. 9.2 Соображений).

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 16 (1988) о праве на личную жизнь, в котором он поясняет, что “незаконное” вмешательство означает, что “вмешательство вообще не может иметь места, за исключением случаев, предусмотренных законом”. Таким образом, сам закон “должен соответствовать положениям, целям и задачам Пакта”, а его применение должно в любом случае быть “обоснованным в конкретных обстоятельствах”² (п. 9.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что он не был вызван на слушания по вопросу о его выселении и, следовательно, не присутствовал на этих слушаниях. В своих замечаниях государство-участник не опровергает того факта, что автор не присутствовал на слушаниях, но и не сообщает ничего, что свидетельствовало бы о том, что автор был должным образом уведомлен о необходимости явиться в суд, но не явился... В данном случае автору был фактически закрыт доступ к суду в результате того, что ему не было сообщено о слушаниях по вопросу о выселении и он на них не присутствовал. Комитет полагает, что в силу этих обстоятельств и в отсутствие разъяснения со стороны государства-участника относительно того, почему автор не был уведомлен о дате и времени проведения слушаний о его выселении, государство-участник нарушило права автора, предусмотренные п. 1 ст. 14 Пакта (п. 9.2 Соображений).

Комитет... принимает к сведению утверждение автора о том, что он был незаконно выселен из квартиры, в которой проживал со своей семьей, и что во время выселения его личные вещи были переданы частному лицу, а затем отправлены на хранение и в итоге утеряны. Государство-участник утверждает, что выселение было проведено в соответствии с постановлением суда, и снимает с себя ответственность за утрату имущества автора. Таким образом, Комитет должен определить, было ли воспрепятствование осуществлению права автора на неприкосновенность

¹См. Замечание общего порядка № 32, п. 9.

²См. Замечание общего порядка № 16, п. 3.

жилища со стороны государства произвольным или незаконным (п. 9.3 Соображений).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что национальное законодательство запрещает выселение без предоставления альтернативного жилья. Комитет отмечает, что решение Якутского городского суда от 27 июля 2007 г. содержит аналогичное толкование в отношении запрещения выселения без предоставления альтернативного жилья. Кроме того, Комитет отмечает, что автор не был вызван на судебные слушания по вопросу о его выселении, что он даже не находился дома во время самого выселения и что его ходатайства о предоставлении компенсации за утерю имущества были отклонены. Кроме того, так и не было представлено опровержения относительно утверждений автора о том, что его имущество было передано частному лицу и в конечном итоге утеряно и что ему так и не была выплачена компенсация, хотя он и получил от властей денежную компенсацию взамен предоставления жилья. Принимая во внимание также тот факт, что выселение автора было произведено без предоставления ему другого жилья и в нарушение национального законодательства и решения Суда от 27 июля 2007 г., Комитет считает, что в данных конкретных обстоятельствах вмешательство государства-участника в осуществление права автора на неприкосновенность жилища носило произвольный и незаконный характер и представляло собой нарушение п. 1 ст. 17 Пакта (п. 9.4 Соображений).

Выводы Комитета. Представленные... факты свидетельствуют о нарушении прав автора, предусмотренных п. 1 ст. 14 и п. 1 ст. 17 Пакта (п. 10 Соображений).

В соответствии с подп. “а” п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты. Это предполагает предоставление государством-участником полного возмещения лицам, чьи права, предусмотренные Пактом, были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано, в частности, принять надлежащие меры для того, чтобы выплатить автору достаточную компенсацию, в том числе за утерянное имущество, возместить судебные и иные связанные с данным делом издержки, а также любой другой нанесенный ущерб. Кроме того, государство-участник обязано принять меры для обеспечения того, чтобы аналогичные нарушения не повторялись в будущем (п. 11 Соображений).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 20489/07 “Уруков против России” (вынесено и вступило в силу 6 июня 2017 г.), которым установлено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с необеспечением участия заявителя, содержащегося под стражей, на слушании по гражданскому делу об установлении отцовства в районном суде.

Заявитель жаловался, ссылаясь на п. 1 ст. 6 Конвенции, на то, что его право на справедливое судебное разбирательство в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции было нарушено в связи с отказом суда удовлетворить его ходатайство о личном присутствии.

Европейский Суд напомнил, что “[н]а внутригосударственные суды возлагается обязанность, как только им станет известно о том факте, что одна из сторон находится в заключении и не может присутствовать на заседаниях независимо от его или ее желания, проверить до начала рассмотрения дела по существу, являет-

ся ли характер дела таким, чтобы требовать личных показаний стороны, находящейся в заключении, и выражал ли он или она желание присутствовать. Если суды решат обойтись без присутствия стороны, они должны привести конкретные мотивы, по которым они полагают, что отсутствие стороны не нанесет ущерба справедливости разбирательства в целом. Они обязаны рассмотреть все доводы за и против проведения слушаний в отсутствие одной из сторон, принимая во внимание, в частности, прецедентную практику Европейского Суда по аналогичным делам и характер спорных вопросов, и своевременно известить сторону дела, лишённую свободы, о своем решении по данному вопросу и его мотивах.

Европейский Суд будет решать вопрос о том, был ли нарушен принцип справедливого разбирательства в результате отстранения заявителя, преимущественно на основании мотивов, содержащихся в решениях внутригосударственных судов. Отсутствие или недостаточность мотивов в решениях судов государства-ответчика не могут быть восполнены с обратной силой в разбирательствах перед Европейским Судом, потому что Европейский Суд не может занимать место судов страны, рассмотревших вопрос о присутствии стороны в судебном заседании.

Анализ, который Европейский Суд рассчитывает выявить в решениях внутригосударственных судов, должен выходить за рамки ссылки на недостатки правовой основы, делающие невозможным присутствие стороны дела, находящейся в заключении. Анализ должен строиться на конкретных мотивах за и против присутствия стороны дела, истолкованных в свете требований Конвенции и всех относимых факторов, таких как характер спора и затронутые гражданские права”¹ (п. 34 постановления).

Суд установил, что “[в] настоящем деле заявитель был стороной разбирательства, в котором должно было быть установлено его отцовство. Он отсутствовал на слушаниях в [судах], поскольку в это время он содержался под стражей в период предварительного следствия. В решениях национальных судов не рассматривается вопрос о том, был ли характер спора об отцовстве таким, чтобы требовалось присутствие заявителя, и могло ли его присутствие иметь важное значение для обеспечения общей справедливости судопроизводства” (п. 35 постановления).

Европейский Суд отметил, что “[р]айонный суд отказал заявителю в присутствии на слушаниях только по причине отсутствия в Гражданском процессуальном кодексе особых правил, предусматривающих осуществление права на личное участие стороной дела, находящейся в заключении... Суд последовательно всякий раз отклонял такой подход со стороны российских судов как излишне формалистический, отмечая, что отсутствие законоположений о присутствии заключенных на слушаниях не может толковаться как достаточные основания для лишения их права присутствовать. Ссылка на техническую причину без рассмотрения вопроса по существу о том, является ли характер спора таковым, чтобы требовалось личное присутствие стороны дела, несовместима с подлинным уважением принципа справедливого судебного разбирательства, поскольку нельзя ожидать от заявителя принятие на себя удара из-за неспособности законодателя предусмотреть особую ситуацию находящейся в заключении стороны гражданского судопроизводства” (п. 36 постановления).

Суд подчеркнул, что “...районный суд попытался ввести определенные меры, способные уменьшить

¹См. также постановление Европейского Суда от 16 февраля 2016 г. по делу “Евдокимов и другие против России”, жалобы № 27236/05 и 10 других жалоб.

препятствия, которые возникли бы из-за отсутствия заявителя в зале суда. [Допрос] заключенного под стражу за пределами зала суда согласуется с понятием справедливого судебного разбирательства, при условии, что заключенный под стражу всегда осведомлен о доводах противоположной стороны и может в полной мере и надлежащим образом ответить на них... Заявитель был опрошен всего один раз, более чем за неделю до слушания, которое завершилось вынесением судебного решения против него. Ему не была предоставлена возможность ответить на доводы другой стороны или оспорить их доказательства. Неспособность обеспечить его эффективное участие в разбирательстве приобретает большее значение в свете того факта, что предыдущее решение районного суда было отменено, поскольку отсутствие заявителя, когда он был на свободе, лишило его возможности задать вопросы эксперти-генику" (п. 37 постановления).

Суд пришел к выводу, что "...заявитель не принимал участия в производстве по обжалованию, и что [суд] не оценил влияние его отсутствия на справедливость разбирательства... Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции" (пп. 38—39 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобам № 37923/12 и 7 других "Атакишиева и другие против России" (вынесено и вступило в силу 30 ноября 2017 г.), которым установлено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с несоблюдением национальными судами принципа состязательности сторон ввиду необеспечения личного участия заявителей в судебных заседаниях.

Заявители жаловались, ссылаясь на п. 1 ст. 6 Конвенции, на то, что их право на справедливое судебное разбирательство было нарушено в связи с тем, что внутригосударственные суды не уведомили их своевременно и должным образом о заседаниях по гражданским делам, сторонами которых они являлись.

Европейский Суд подчеркнул, что "...внутригосударственные суды должны прилагать разумные усилия для вызова сторон, участвующих в деле, на судебное слушание... Кроме того, стороны должны предпринять все необходимые меры для обеспечения эффективного получения корреспонденции, которая может быть направлена им внутригосударственными судами... [О]тсутствие или недостаточность оснований в решениях внутригосударственных судов касательно доказательств получения повесток заявителями, а также не проведение внутригосударственными судами оценки необходимости отложить слушание, пока заявители не будут должным образом уведомлены, или тщательно проанализировать характер их законных претензий, что устранило бы необходимость их присутствия, не может быть совершено *ex post facto*¹ в рамках разбирательств в Суде, поскольку он не может подменять собой национальные суды, которым были представлены доказательства (п. 8 постановления).

Суд пришел к выводу, что "...продолжая рассмотрение дел заявителей по существу и не предпринимая попыток убедиться в том, что заявители были или должны были быть уведомлены о времени и месте проведения слушаний, и в случае отсутствия уведомления отложить слушания, внутригосударственные суды лишили заявителей возможности эффективно участвовать в процессе рассмотрения своих дел и не выполнили свои обязательства по соблюдению принципа справедливого судебного разбирательства, предусмотренного статьей 6 Конвенции... Соответственно, данные жалобы являются приемлемыми и свидетельствуют о

нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции" (пп. 10—11 постановления)².

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Вопросы выдачи

Практика договорных органов ООН

Комитет против пыток

Сообщение: *Х.И. против Швейцарии*. Сообщение № 747/2016. Решение Комитета против пыток от 9 августа 2017 г.

Тема сообщения: экстрадиция в Турцию.

Вопросы существа: пытки; недопустимость принудительного возвращения.

Правовые позиции Комитета. Целью такой оценки³ является определение того, будет ли лично данному лицу угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, возвращению в которую оно подлежит⁴. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в какой-либо стране само по себе не является достаточной причиной полагать, что тому или иному конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну; в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу, должны быть приведены дополнительные основания. Верно и обратное: отсутствие вопиющих и систематических нарушений прав человека не означает, что тому или иному лицу в его конкретной ситуации не угрожает применение пыток... При оценке этой опасности [опасность применения пыток при возвращении в Турцию] Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно п. 2 ст. 3 Конвенции [против пыток], включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека (п. 10.2 Решения).

Комитет напоминает свое [3]амечание общего порядка № 1, согласно которому опасность применения пыток должна оцениваться на основаниях, выходящих за рамки умозрительных построений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности, риск должен быть личным и реальным. Комитет отмечает, что бремя доказывания, как правило, лежит на заявителе, который должен представить убедительные аргу-

²В Верховный Суд РФ поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, также содержащих констатацию нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с несоблюдением национальными судами принципа состязательности сторон ввиду необеспечения личного участия заявителей в судебных заседаниях. Постановления Европейского Суда по жалобам № 6511/08, 5048/09, 9571/09, 16662/09, 21338/09, 34119/09, 1121/10, 11481/10 "Горбуновы и другие против России"; № 636/10, 32116/12, 17581/13, 28826/13, 32029/13, 37126/13, 45064/13, 54123/13 "Ладюк и другие против России"; № 1850/10, 7300/12, 18261/13, 50086/13, 16778/14, 58166/14, 39327/16, 62111/16, 5751/17 "Литвинова и другие против России" и № 11930/11, 21081/11, 43178/11, 73971/11, 9159/12, 21641/12, 23796/12, 24614/12 "Микрюков и другие против России".

³Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность применения пыток в случае его возвращения в Турцию.

⁴См., в частности, сообщение № 470/2011, *Х. против Швейцарии*, Решение, принятое 24 ноября 2014 г., п. 7.2.

¹После совершившегося факта (лат.).

менты, доказывающие, что ему либо ей грозит предсказуемая, реальная и личная опасность¹. Комитет... напоминает, что в соответствии с положениями [3] замечания общего порядка № 1 он будет в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника², но при этом не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с п. 4 ст. 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу (п. 10.3 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что имеется предсказуемая, реальная и личная опасность того, что он будет подвергнут пыткам в случае его экстрадиции в Турцию, так как он в прошлом уже подвергался пыткам во время содержания под стражей по обвинению в убийстве, и что его осуждение в 1989 году основывалось на показаниях, полученных по принуждению; что запрос об экстрадиции политически мотивирован вследствие его курдского происхождения и активной поддержки РПК его семьей; что его политическая принадлежность известна турецким властям; что турецкие власти обратились с запросом о его экстрадиции лишь более чем через 20 лет после его осуждения, хотя им было известно о его местонахождении в 1992 году; что трое его родственников в Турции привлечены к уголовной ответственности за поддержку РПК; что членов его семьи расспрашивали о его местонахождении при посещениях ими Турции. Комитет... отмечает утверждение заявителя о том, что риск применения пыток увеличится, поскольку он совершил побег из тюрьмы в Турции и имеет татуировки в виде христианского креста и надписи [с ненормативной лексикой]. Комитет далее отмечает, что заявителю был поставлен диагноз посттравматического стрессового расстройства и что он пытался покончить жизнь самоубийством, находясь под стражей в ожидании экстрадиции. Он отмечает, что согласно психиатрическому обследованию, проведенному в 2015 году, его экстрадиция почти наверняка приведет к повторному психологическому травмированию (п. 10.4 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что его органы по вопросам экстрадиции пришли к выводу, что заявления автора сообщения не вызывают доверия. В этой связи государство-участник утверждает, что в медицинских заключениях с момента его осуждения не упоминаются следы пыток; что заключения психиатра, устанавливающие причинно-следственную связь между его пытками и посттравматическим стрессовым расстройством, основываются главным образом на собственных заявлениях автора; что заявитель не утверждал, что подвергался пыткам после вынесения приговора; что представляется маловероятным, что его брат С. согласился бы оставаться в тюрьме вместо него, если бы он подвергался пыткам, как утверждает заявитель; что имеются противоречия в утверждениях заявителя, касающихся его полити-

ческой деятельности в Турции и Швейцарии (п. 10.5 Решения).

Комитет ссылается на рассмотрение им четвертого периодического доклада, представленного Турцией, в ходе которого он выразил серьезную обеспокоенность в связи с многочисленными сообщениями о том, что сотрудники правоохранительных органов применяют пытки и жестокое обращение в отношении задержанных лиц на фоне борьбы с предполагаемыми угрозами безопасности в контексте повстанческой деятельности, осуществляемой РПК с 2015 года, и в связи с сообщениями о безнаказанности, которой пользуются исполнители таких актов³, особенно в условиях отсутствия независимого государственного органа для расследования жалоб на применение пыток и жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов⁴. С учетом обстоятельств данного дела Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что Турция предоставила дипломатические заверения в поддержку запроса об экстрадиции, что представители швейцарских властей в Турции смогут следить за их соблюдением и что Турция как одна из стран — участников Европейской конвенции о выдаче никогда не нарушала своих дипломатических заверений. Комитет также принимает к сведению утверждения заявителя о том, что дипломатические заверения не являются достаточными и надежными для устранения опасности применения пыток в его случае из-за политической мотивированности запроса об экстрадиции; что применение пыток в местах лишения свободы по-прежнему широко распространено в Турции; что трудно проконтролировать соблюдение дипломатических заверений, поскольку заявитель, согласно утверждениям, не имел права на помощь адвоката до вынесения ему обвинительного приговора; что швейцарские власти не отрицают, что заявителю грозит преследование после его освобождения; и что существует повышенная опасность того, что он будет задержан и подвергнут пыткам со стороны сотрудников секретных служб, прежде чем он будет передан тюремным властям, из-за его связи с высокопоставленными членами РПК в Швейцарии. Комитет принимает к сведению заявление, не оспоренное государством-участником, о том, что заверения были предоставлены Турцией только после трех безрезультатных попыток, что свидетельствует о нежелании Турции соблюдать их; и что положение в области прав человека в Турции значительно ухудшилось с тех пор, как эти заверения были предоставлены в 2012 году, особенно в свете выборов 2015 года и повстанческой деятельности, осуществляемой РПК, попытки государственного переворота и введения чрезвычайного положения в 2016 году, последующих крупномасштабных арестов, задержаний и увольнений лиц, подозреваемых в подрывной деятельности, и внесенных в 2017 году поправок к Конституции (п. 10.6 Решения).

Комитет отмечает отсутствие возражений против того, что органами государства-участника по вопросам предоставления убежища был сделан вывод о том, что принудительное возвращение заявителя подвергнет его опасности применения пыток. Однако государство-участник ут-

¹См., в частности, сообщения № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, Решение, принятое 14 ноября 2003 г.; и № 258/2004, *Дадар против Канады*, Решение, принятое 23 ноября 2005 г.

²См., в частности, сообщение № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, Решение, принятое 6 мая 2010 г., п. 7.3.

³См. CAT/C/TUR/CO/4, п. 11.

⁴Там же, п. 9. Комитет также выразил обеспокоенность по поводу неудовлетворительного медицинского обслуживания в пенитенциарных учреждениях (п. 31).

верждает, что дипломатические заверения, данные Турцией, исключают любую такую опасность. Комитет... отмечает, что медицинские заключения свидетельствуют о том, что заявитель страдает посттравматическим стрессовым расстройством в результате пыток, которым он подвергался, и что он пытался покончить жизнь самоубийством после того, как государство-участник согласилось на его экстрадицию. На основе имеющейся в его распоряжении информации Комитет приходит к выводу о том, что с учетом обстоятельств данного дела дипломатические заверения не могут устранить существующие серьезные основания полагать, что экстрадиция заявителя в Турцию поставит его под угрозу подвергнуться пыткам в нарушение ст. 3 Конвенции (п. 10.7 Решения).

Выводы Комитета. Государство-участник обязано в соответствии со ст. 3 Конвенции воздержаться от экстрадиции заявителя в Турцию или любую другую страну, где ему угрожает реальная опасность быть возвращенным в Турцию (п. 11 Решения).

Запрет пыток

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: Антон Батанов против Российской Федерации. Сообщение № 2532/2015. Соображения Комитета по правам человека от 28 июля 2017 г.

Тема сообщения: пытка; несоблюдение гарантий справедливого судебного разбирательства.

Вопросы существа: пытки и жестокое обращение; справедливое судебное разбирательство.

Правовые позиции Комитета. Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой непринятие государством-участником мер по расследованию утверждений об имевших место нарушениях может как таковое повлечь за собой отдельное нарушение [Международного пакта о гражданских и политических правах]¹ (п. 11.2 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению подробные утверждения автора о применении пыток сотрудниками полиции и следователями после задержания и во время предварительного содержания под стражей с целью получения признательных показаний. Комитет отмечает... что 4 июня 2009 г. автор был осмотрен медицинскими экспертами, которые обнаружили и задокументировали его телесные повреждения. Комитет отмечает, что в связи с этим автор представил медицинское заключение от 5 июня 2009 г., в котором содержится подробная информация о полученных им травмах, в частности на его плечах и на левом колене. Комитет принимает к сведению заключение медицинской экспертизы о том, что некоторые повреждения были нанесены твердым тупым предметом и не могли быть получены в результате однократного падения (автор заявил, что за неделю до того упал на улице и повредил правое плечо и колени). С другой стороны, Комитет...

отмечает, что государство-участник отвергает заявления автора и утверждает, что повреждения были нанесены ранее и что плохое состояние здоровья автора было принято во внимание судом первой инстанции в качестве смягчающего обстоятельства. Комитет... принимает к сведению два медицинских заключения, выданных в ноябре 2010 г., где указано, что состояние здоровья автора нарушено и он страдает несколькими хроническими заболеваниями, в том числе гипертонией... Комитет отмечает, что материалы дела не позволяют ему сделать вывод о том, что расследование утверждений о пытках было проведено оперативно и эффективно. В свете вышеизложенного Комитет считает, что в результате отсутствия эффективного расследования утверждений автора о пытках имело место нарушение его прав по ст. 7 [Пакта], рассматриваемой в совокупности с п. 3 ст. 2 Пакта (п. 11.2 Соображений).

Комитет... принимает к сведению утверждения автора о том, что суд использовал против автора показания главного обвиняемого и свидетеля Т., которые, как утверждается, были добыты под пытками и от которых свидетель впоследствии отказался во время судебного разбирательства. Кроме того, он отмечает, что государство-участник не оспаривает довода о том, что в ходе судебного разбирательства дела автора решающий вес имели показания этого свидетеля, несмотря на утверждения о том, что они были добыты под пытками. На основании имеющейся в его распоряжении информации Комитет отмечает, что суд первой инстанции не принял во внимание ни отказ этого свидетеля от своего обвинительного заявления в отношении автора, ни подробное описание пытки, которой он подвергался во время предварительного допроса, а вместо этого целиком полагался на показания, которые свидетель дал на этапе досудебного производства. Согласно протоколам заседания суда суд также отклонил без рассмотрения по существу утверждения автора о «существенных нарушениях на предварительном следствии» и его просьбу вынести частное определение в отношении следователя Ш. В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что имело место нарушение прав автора по п. 1 ст. 14 Пакта (п. 11.3 Соображений).

Выводы Комитета. Представленная информация свидетельствует о нарушении государством-участником прав автора по ст. 7, рассматриваемой в совокупности с п. 3 ст. 2 и п. 1 ст. 14 Пакта (п. 12 Соображений).

В соответствии с подп. «а» п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты. Для этого необходимо предоставить полное возмещение лицам, чьи права, признаваемые в Пакте, были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано в числе прочего: а) провести тщательное и эффективное расследование в связи с утверждениями автора о пытках и в случае подтверждения подвергнуть преследованию, суду и наказанию виновных в пытках автора; б) предоставить автору компенсацию за допущенные правонарушения. На государство-участник также возложена обязанность предпринять все необходимые шаги для предотвращения аналогичных нарушений в будущем (п. 13 Соображений).

Сообщение: Фахридин Аширов против Кыргызстана. Сообщение № 2435/2014. Соображения Комитета по правам человека от 28 июля 2017 г.

¹См. Замечание общего порядка № 20 (1992) Комитета о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, п. 14; и его Замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участники Пакта, п. 15. См. также сообщение № 2231/2012, Аскарлов против Кыргызстана, Соображения, принятые 11 мая 2016 г., п. 8.3.

Тема сообщения: произвольное задержание и пытки автора после этнических волнений.

Вопросы существа: пытки; справедливое судебное разбирательство; справедливое судебное разбирательство — правовая помощь; произвольный арест — содержание под стражей; дискриминация по признаку этнической принадлежности.

Правовые позиции Комитета. Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой уголовное расследование и последующее привлечение к ответственности представляют собой необходимые средства восстановления нарушенных прав человека, таких как права, защищаемые ст. 7 Пакта¹ (п. 7.2 Соображений).

Комитет ссылается на свое [3]замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, в котором отмечено, что “все судебные разбирательства по уголовным делам или же в каком-либо гражданском процессе в принципе должны проводиться устно и быть открытыми для публики”². В п. 1 ст. 14 Пакта подтверждается, что в демократическом обществе суды имеют право не допускать на разбирательство всю публику или ее часть по соображениям морали, общественного порядка (*ordre public*) или государственной безопасности или когда того требуют интересы частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо, — при особых обстоятельствах, когда публичность нарушала бы интересы правосудия (п. 7.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что в ряде случаев он подвергался пыткам со стороны сотрудников правоохранительных органов. Автор представил подробное описание того, как его пытали, когда именно это происходило, и даже привел имена некоторых лиц, виновных в совершении этого преступления. Кроме того, автор представил показания свидетелей, включая показания его отца и его адвоката, а также медицинское заключение, подтверждающее упомянутые им повреждения. Кроме того, Комитет отмечает, что автор и его адвокат направили многочисленные жалобы на пытки в прокуратуру, а также подавал соответствующие жалобы в ходе судебных слушаний. Комитет отмечает, что хотя государство-участник сообщает, что оно провело расследование по некоторым из многочисленных жалоб автора, не было доказано, что эти расследования были начаты в срочном порядке или что они проводились эффективно. Комитет хотел бы подчеркнуть, что первые заявления о применении пыток были сделаны автором 6 августа 2010 г., сразу же после того, как он получил доступ к своему нанятому в частном порядке адвокату. Комитет считает, что в обстоятельствах данного дела, и в частности в свете того, что государство-участник не дало объяснений по поводу заметных следов жестокого обращения, которые неоднократно видели свидетели, утверждениям автора следует придавать соответствующий вес (п. 7.2 Соображений).

¹См. Замечания общего порядка Комитета № 20 (1992 год) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, п. 14; № 31 (2004 год) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участники Пакта, п. 18.

²См. п. 28.

По поводу обязательства государства-участника надлежащим образом расследовать утверждения автора о пытках Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой уголовное расследование и последующее привлечение к ответственности представляют собой необходимые средства восстановления нарушенных прав человека, таких как права, защищаемые ст. 7 Пакта³. Хотя государство-участник утверждает, что оно провело расследование, Комитет отмечает, что, как явствует из материалов дела, власти государства-участника не представили информации о том, что они допросили каких-либо свидетелей (включая самого автора и его отца), и не представили результатов медицинского обследования. В этих обстоятельствах Комитет считает, что, несмотря на свидетельские показания отца автора и медицинское заключение о повреждении на теле автора, эффективного расследования в связи с утверждениями о применении пыток проведено не было. С учетом обстоятельств данного дела и принимая во внимание, что государство-участник не представило дополнительной медицинской документации, Комитет заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по ст. 7 Пакта, рассматриваемой в совокупности с п. 3 ст. 2 (п. 7.2 Соображений).

Что касается утверждений автора по п. 1 ст. 14 Пакта, то Комитет принимает к сведению те неоспариваемые факты, что судебные заседания проводились не в обычных залах судебных заседаний, а на военном объекте и что родственники подсудимых, в том числе автора, не были допущены на эти заседания. В своих замечаниях государство-участник утверждает, что причиной проведения судебных слушаний в воинской части является как раз необходимость обеспечить безопасность подсудимых и их родственников... Государство-участник утверждает, что причиной проведения судебных слушаний в воинской части является лишь необходимость “обеспечения безопасности обвиняемых и их родственников”. Вместе с тем государство-участник не объяснило, почему было необходимо не допускать родственников автора к слушаниям по одному из оснований, содержащихся в п. 1 ст. 14 [Пакта]. В отсутствие предметных объяснений государства-участника Комитет должен сделать вывод о том, что государство-участник применило несоразмерные ограничения права автора на справедливое и публичное разбирательство, и поэтому права автора, предусмотренные в п. 1 ст. 14 [Пакта], были нарушены (п. 7.4 Соображений).

Вывод Комитета. Представленные... факты свидетельствуют о нарушении прав автора, закрепленных в ст. 7, рассматриваемой в совокупности с п. 3 ст. 2, и в п. 1 ст. 14 Пакта (п. 8 Соображений).

Комитет против пыток

Сообщение: *Рашед Джаидан против Туниса.* Сообщение № 654/2015. Решение Комитета против пыток от 11 августа 2017 г.

Тема сообщения: пытки и жестокое обращение со стороны государственных органов.

³См. Замечания общего порядка Комитета № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, п. 14; № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участники Пакта, п. 18.

Вопрос существа: пытки; жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; меры по предупреждению актов пыток; систематический надзор за условиями содержания под стражей и методами обращения с заключенными; обязательство государства-участника обеспечивать незамедлительное проведение беспристрастного расследования компетентными органами; право на подачу жалобы; право на компенсацию; запрет использования в ходе любого судебного разбирательства заявлений, полученных под пыткой.

Правовые позиции Комитета. Статья 4 [Конвенции против пыток] требует от государств-участников введения уголовной ответственности в отношении актов пыток и установления в отношении лиц, виновных в совершении актов пыток, наказания, соразмерного степени тяжести совершенных действий (п. 7.7 Решения).

Комитет напоминает государству-участнику о его обязательстве по ст. 12 Конвенции, согласно которому при наличии достаточных оснований полагать, что имело место применение пытки, должно проводиться *ex officio*¹ быстрое и беспристрастное расследование². Такое расследование должно быть оперативным, беспристрастным и эффективным³. Кроме того, уголовное расследование должно иметь своей целью как определение характера и обстоятельств предполагаемых деяний, так и установление личности любого лица, которое могло быть причастно к ним⁴ (п. 7.10 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. В отношении жалобы по ст. 1 [Конвенции] Комитет принимает к сведению утверждения заявителя, согласно которым он подвергался пыткам со стороны должностных лиц государства-участника, которое не приняло никаких эффективных мер, чтобы предотвратить совершение этих актов. Комитет отмечает, во-первых, что заявитель был арестован в ночь с 29 на 30 июля 1993 г., а затем доставлен в Министерство внутренних дел, где его допрашивали и незаконно держали 20 дней. Комитет отмечает, что заявитель представил подробное описание ужасных пыток, которым он подвергался в Министерстве внутренних дел, когда находился под контролем сотрудников службы национальной безопасности, которых он опознал и назвал. Комитет также отмечает, что в тюрьме... заявителя пытали несколько раз, содержали в одиночной камере и ему было отказано в медицинской помощи в течение длительного периода времени, несмотря на очевидную потребность в уходе (п. 7.3 Решения).

Комитет также принимает к сведению утверждения заявителя о многочисленных физических и психологических последствиях пыток, которые подтверждаются представленными медицинскими заключениями. Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривало этих утверждений. В данных обстоятельствах и исходя из сведений, предоставленных в его распоряжение, Ко-

митет констатирует, что утверждения заявителя надлежит принять во внимание; что физическое насилие, которому он подвергся, было совершенно должностными лицами государства-участника, которые выступали в официальном качестве; и эти действия представляют собой акты пыток по смыслу ст. 1 Конвенции (п. 7.4 Решения).

Автор... ссылается на п. 1 ст. 2 Конвенции, в соответствии с которым государство-участник должно было принять эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией. Комитет отмечает в данном случае, что заявитель был арестован без соответствующего ордера; он содержался под стражей без связи с внешним миром в Министерстве внутренних дел с 30 июля по 4 сентября 1993 г., в течение 37 дней, что существенно превышает максимально разрешенный срок до четырех суток; проверка законности его содержания под стражей не была проведена в установленные законом сроки; и в ходе предварительного содержания под стражей ему было отказано в возможности связаться с семьей и получить медицинскую помощь, необходимую в его состоянии. Хотя он стал жертвой крайне жестокого обращения, о чем он несколько раз сообщал, эти акты остаются безнаказанными. Соответственно, Комитет констатирует нарушение п. 1 ст. 2 в совокупности со ст. 1 Конвенции⁵ (п. 7.6 Решения).

В отношении предполагаемого нарушения ст. 4 Конвенции Комитет ссылается на одну из целей Конвенции: препятствовать безнаказанности лиц, совершивших акты пыток⁶... Комитет напоминает, что в данном случае прошло более 21 года после событий, но дело так и не было рассмотрено в целях привлечения к ответственности и наказания виновных в применении пыток в отношении заявителя. Кроме того, Комитет отмечает, что с учетом принципа отсутствия обратной силы ст. 101-бис о введении уголовной ответственности за пытки обвиняемые были привлечены к уголовной ответственности за правонарушение, предусматривающее максимальное наказание в виде пяти лет лишения свободы, хотя тяжесть выдвинутых против них обвинений предполагает возбуждение уголовного дела и соответствующих мер наказания... Комитет ссылается на свои заключительные замечания, в которых он выразил обеспокоенность по поводу применения принципа отсутствия обратной силы уголовного законодательства в отношении деяний, совершенных до включения в пересмотренный Уголовный кодекс 1999 года преступления в виде пытки (ст. 101-бис), а также, как следствие, рекомендацию в адрес государства-участника "принять все необходимые меры к тому, чтобы акты пыток, совершенные до 1999 года, преследовались в судебном порядке как правонарушения, за которые предусмотрены меры наказания, соответствующие тяжести содеянного" (см. CAT/C/TUN/CO/3, пп. 35 и 36). Комитет делает вывод о том, что имело место нарушение п. 2 ст. 4 Конвенции (п. 7.7 Решения).

Комитет также отмечает довод заявителя о том, что, по-видимому, была нарушена ст. 11 [Конвенции], поскольку государство-участник

¹По обязанности (лат.).

²См. сообщения *Нийонзима против Бурунди*, п. 8.4; и № 500/2012, *Рамирес Мартинес и др. против Мексики*, Решение, принятое 4 августа 2015 г., п. 17.7.

³См. сообщение № 495/2012, *Н.З. против Казахстана*, Решение, принятое 28 ноября 2014 г., п. 13.2.

⁴См. сообщения № 580/2014, *Ф.К. против Дании*, Решение, принятое 23 ноября 2015 г., п. 7.7; и № 161/2000, *Дземиль и др. против Югославии*, Решение, принятое 21 ноября 2002 г., п. 9.4.

⁵См., в частности, сообщения *Нийонзима против Бурунди*, п. 8.3; № 522/2012, *Гахунгу против Бурунди*, Решение, принятое 10 августа 2015 г., п. 7.6.

⁶См. сообщение № 212/2002, *Урра Гуриди против Испании*, Решение, принятое 17 мая 2015 г., п. 6.7.

не осуществляло необходимого надзора за методами обращения, которому подвергся автор в ходе ареста и содержания под стражей. Он утверждал, в частности, что его арест и содержание под стражей не сопровождались надлежащими процессуальными гарантиями и за ними не осуществлялся надзор; что ему было отказано в медицинской помощи, несмотря на критическое состояние, в котором он находился; неоднократно было отказано в возможности связаться с семьей; ему было отказано в правовой помощи во время предварительного заключения; и его содержали в ужасных условиях. В отсутствие убедительной информации от государства-участника, которая могла бы продемонстрировать, что содержание заявителя под стражей происходило под надзором государства-участника, Комитет констатирует нарушение государством-участником ст. 11 Конвенции¹ (п. 7.8 Решения).

В отношении ст.ст. 12 и 13 Конвенции Комитет выражает обеспокоенность в связи с тем, что, несмотря на регистрацию жалобы заявителя о пытках в 2011 году в суде первой инстанции Туниса, следствие было прекращено 16 февраля 2012 г. без проведения реального расследования, несмотря на то, что около 21 года прошло с тех пор, как пострадавший первый раз сообщил о фактах в ходе встречи со следователем, состоявшейся в конце срока его содержания под стражей в Министерстве 4 сентября 1993 г. (п. 7.9 Решения).

Несмотря на то, что государство-участник утверждает, что расследование было начато, оно не представило никакой подробной информации о статусе судебного разбирательства или о преследовании предполагаемых виновных в совершении актов пыток и жестоком обращении (п. 7.10 Решения).

Заявитель считает, что государство-участник не выполнило свое обязательство, предусмотренное ст. 12 Конвенции. Не выполнив это обязательство, государство-участник не выполнило и обязательство по ст. 13 Конвенции, в соответствии с которой оно обязано было обеспечить заявителю право на предъявление жалобы компетентным властям, которые должны надлежащим образом отреагировать на нее и провести быстрое и беспристрастное расследование² (п. 7.11 Решения).

В отношении ст. 14 [Конвенции] заявитель утверждает, что, отказав ему в уголовном судопроизводстве, о чем говорилось выше, Тунис также лишил его права на получение компенсации в установленном законом порядке за материальный и моральный ущерб, причиненный в результате тяжких преступлений, таких как пытка. Комитет также отмечает, что пострадавший не воспользовался никакими мерами реабилитации в связи с тяжелыми физическими и психологическими последствиями, от которых он страдает до сих пор и которые были четко зафиксированы в медицинском заключении... Комитет считает, что заявитель был лишен права на получение компенсации и возмещения в соответствии со ст. 14 Конвенции (п. 7.12 Решения).

В отношении ст. 15 [Конвенции] Комитет принял к сведению утверждение заявителя о том, что судебное разбирательство, возбужденное в отношении него, и приговор в виде 21 года лишения свободы были установлены на основе прото-

кола, который он подписал под пыткой. Несмотря на то, что он сообщал о пытках, его утверждения никогда не проверялись властями и заявления не были признаны действительными. Государство-участник не привело доводов, способных опровергнуть это утверждение. Комитет напоминает, что общий смысл положений ст. 15 [Конвенции] вытекает из абсолютного характера запрещения пыток и, следовательно, предполагает обязательство любого государства-участника проверять, не были ли сделаны под пыткой заявления, которые служат элементами процедуры, находящейся в его компетенции³. Не предприняв никаких необходимых проверок и используя такие заявления в ходе судебного разбирательства в отношении заявителя, государство-участник явно нарушило свои обязательства по ст. 15 Конвенции (п. 7.13 Решения).

Вывод Комитета. Представленные... факты свидетельствуют о нарушении п. 1 ст. 2 в сочетании со ст. 1 и ст.ст. 4, 11, 12, 13, 14 и 15 Конвенции (п. 8 Решения).

Сообщение: *Ашим Ракишев против Казахстана.* Сообщение № 661/2015. Решение Комитета против пыток от 31 июля 2017 г.

Тема сообщения: пытки и смерть сына заявителя после ареста и заключения под стражу.

Вопрос существа: пытки — оперативное и беспристрастное расследование.

Правовые позиции Комитета. Статья 12 Конвенции также требует, чтобы расследование было быстрым и беспристрастным, при этом быстрота имеет большое значение, поскольку это позволяет прекратить применение к жертве пыток, а также потому что за исключением случаев причинения долговременных или тяжких повреждений вследствие применения вышеупомянутых методов физические следы пыток, и прежде всего жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, как правило, исчезают через короткое время⁴... Комитет напоминает, что само по себе расследование не является достаточным для того, чтобы продемонстрировать соблюдение государством-участником своих обязательств по ст. 12 Конвенции, если может быть показано, что оно не было беспристрастным⁵ (п. 8.7 Решения).

Комитет напоминает... что ст. 14 Конвенции признает не только право на справедливую и адекватную компенсацию, но и налагает на государство-участника обязательство обеспечить жертве пыток соответствующее возмещение. Возмещение должно покрывать всю совокупность причиненного жертве ущерба и включать, среди прочих мер, реституцию, компенсацию и реабилитацию жертвы, а также меры, гарантирующие невозможность повторения нарушений, с обязательным учетом обстоятельств каждого дела. Гражданское разбирательство должно быть доступным независимо от уголовного разбирательства, и для такого гражданского судопроизводства следует предусмотреть необходимое законодательство и институты⁶ (п. 8.9 Решения).

³См. сообщения № 419/2010, *Ктити против Марокко*, Решение, принятое 26 мая 2011 г., п. 8.8; *П.Э. против Франции*, п. 6.3; *Нийонзима против Бурунди*, п. 8.7.

⁴См. сообщение № 59/1996, *Бланко Абад против Испании*, Решение, принятое 14 мая 1998 г., п. 8.2.

⁵См. сообщение № 257/2004, *Керемедчиев против Болгарии*, Решение, принятое 11 ноября 2008 г., п. 9.4.

⁶См. сообщение № 441/2010, *Евлоев против Казахстана*, Решение, принятое 5 ноября 2013 г., п. 9.7.

¹См., например, *Гахунгу против Бурунди*, п. 7.7.

²См. *Нийонзима против Бурунди*, п. 8.5.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает, что заявитель указывает на нарушение ст. 1 и п. 1 ст. 2 Конвенции на том основании, что государство-участник не выполнило свое обязательство предупреждать акты пыток и наказывать виновных. Эти положения применимы в той мере, в которой действия, совершенные в отношении сына заявителя, могут быть определены как акты пыток по смыслу положений ст. 1 Конвенции¹... Комитет отмечает результаты судебно-медицинских экспертиз, в которых сделан вывод о том, что на теле умершего имелось несколько гематом. Кроме того, Комитету также ясно, что Дмитрий Ракишев страдал от сильной физической боли и что администрация изолятора временного содержания была вынуждена вызывать скорую помощь. Несмотря на рекомендации врачей о том, что он должен быть госпитализирован, начальник изолятора временного содержания отказался давать на это разрешение. Комитет ссылается на положения Стамбульского протокола, согласно которым методы пыток могут быть как физическими, так и психологическими, а также могут включать, помимо прочего, неудовлетворение таких основных потребностей, как питание, вода и медицинское обслуживание². Комитет считает, что отсутствие медицинской помощи и отказ госпитализировать Дмитрия Ракишева, находившегося в критическом состоянии, можно квалифицировать как причинение умышленно должностным лицом сильной боли и страданий, с целью получения признательных показаний (п. 8.2 Решения).

Учитывая данные обстоятельства, следует полагать, что государство-участник несет ответственность за причиненный Дмитрию Ракишеву ущерб, если оно не представит убедительное альтернативное объяснение. В данном случае государство-участник провело расследование в отношении допущенной А. халатности. А. был признан виновным и осужден, но так и не отбыл срок тюремного заключения. Кроме этих обвинений, никакие другие обвинения в пытках не были предъявлены ни одному из исполнителей. В отсутствие таких обвинений в применении пыток и расследования, а также с учетом обстоятельств настоящего сообщения Комитет считает, что к подобным утверждениям автора следует относиться со всей серьезностью. На основании подробного описания состояния здоровья Дмитрия Ракишева, отказа А. госпитализировать его, показаний по крайней мере двух свидетелей и подтверждений его заявлений судебно-медицинской документацией Комитет приходит к выводу, что представленные факты свидетельствуют о совершении деяний, представляющих собой пытку по смыслу ст. 1 Конвенции, и что государство-участник нарушило свои обязательства, касающиеся предотвращения актов пыток и наказания лиц, виновных в их совершении, в нарушение п. 1 ст. 2 Конвенции (п. 8.3 Решения).

Комитет отмечает утверждения заявителя, подпадающие под действие ст. 11 Конвенции, а также представленное государством-участником описание мер, принятых для борьбы против пыток. Комитет, однако, считает, что представлен-

ная государством-участником информация о его усилиях по предупреждению пыток и борьбе с ними носит общий характер и не свидетельствует о том, что оно приняло конкретные меры для предотвращения пыток в этом месте содержания под стражей. Кроме того, государство-участник не приняло мер для того, чтобы “предоставлять заключенным и задержанным надлежащий и эффективный медицинский уход, в том числе необходимые медикаменты, и обеспечивать их осмотр независимыми врачами”³. Несмотря на рекомендацию Комитета о том, чтобы передать полномочия по управлению медицинским обслуживанием Министерству здравоохранения, врачи в изоляторах временного содержания по-прежнему подотчетны администрации этих учреждений и поэтому не могут считаться независимыми. Таким образом, с учетом обстоятельств настоящего дела Комитет считает, что государство-участник несет ответственность за нарушение ст. 11 Конвенции (п. 8.4 Решения).

Заявитель также утверждает, что в нарушение ст.ст. 12 и 13 Конвенции не было проведено оперативное, беспристрастное и эффективное расследование его утверждений о применении пыток и что виновные не были привлечены к ответственности. Комитет принимает к сведению неопровержимые доказательства того, что Ашим Ракишев неоднократно утверждал о применении пыток в отношении его сына (п. 8.5 Решения).

Комитет отмечает, что государство-участник все же провело два различных расследования. Расследование, проведенное в отношении начальника изолятора временного содержания А., привело к вынесению обвинительного приговора в связи с допущенной им халатностью в соответствии с ч. 2 ст. 316 Уголовного кодекса. Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что следовало предъявить А. обвинение по ст. 146 [Уголовного кодекса], прямо запрещающей пытки. Комитет также отмечает, что А. был осужден и приговорен к трем годам лишения свободы с испытательным сроком на два года и впоследствии был освобожден по амнистии, не пробыв в тюрьме и одного дня. Второе расследование касалось медицинских работников... центральной городской больницы⁴. Это расследование, как явствует из представления государства-участника, не привело к привлечению к ответственности ни одного лица и было фактически приостановлено 27 октября 2011 г. — в тот же день, когда оно было возбуждено. В конечном итоге оно было возобновлено в 2015 году после подачи жалобы в Комитет, но на сегодняшний день государство-участник не предоставило Комитету никаких результатов (п. 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что в данном случае государство-участник инициировало два уголовных расследования, провело несколько судебно-медицинских экспертиз и допросило многочисленных свидетелей. Вместе с тем Комитет отмечает, что в результате этих расследований никто не был обвинен в совершении преступления в виде применения пыток. Единственный человек, осужденный за халатное исполнение своих служебных обязанностей, установленное в результате расследования, не провел в тюрьме и одного дня и даже не был арестован. Расследование халатности со стороны медицинских работников было прекращено без рассмотрения подробных дока-

¹Сообщение № 269/2005, *Али Бен Салем против Туниса*, Решение, принятое 7 ноября 2007 г., п. 16.4.

²Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, п. 145п.

³См. CAT/C/KAZ/CO/3, подп. “b” п. 17.

⁴Республика Казахстан.

зательств, представленных заявителем, и возобновлено только в 2015 году, также не приведя ни к каким очевидным результатам (п. 8.7 Решения).

В свете вышеуказанных выводов и на основании рассмотренных им материалов Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник в нарушение ст. 12 Конвенции не выполнило свое обязательство провести быстрое и беспристрастное расследование утверждений Ашима Ракишева о применении пыток к его сыну. Комитет считает, что государство-участник также не выполнило свое обязательство по ст. 13 [Конвенции] и не обеспечило право заявителя на предъявление жалобы и на быстрое и беспристрастное рассмотрение его дела компетентными органами¹ (п. 8.8 Решения).

Что касается предполагаемого нарушения ст. 14 Конвенции, то Комитет отмечает, что заявитель, бесспорно, не мог потребовать возмещения вреда, причиненного в результате применения к его сыну пыток, ввиду того, что лица, виновные в применении пыток, не были выявлены. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что, поскольку никто не был обвинен и осужден за применение пыток, суды не могут рассматривать вопрос о компенсации. В связи с отсутствием гражданского разбирательства, проводимого независимо от уголовного разбирательства, и на основе имеющейся в его распоряжении информации Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник также нарушило свои обязательства по ст. 14 Конвенции (п. 8.9 Решения).

Вывод Комитета. Представленные ему факты свидетельствуют о нарушении п. 1 ст. 2 в сочетании со ст. 1 и ст.ст. 11—14 Конвенции (п. 9 Решения).

Комитет по правам инвалидов²

Сообщение: *Х против Объединенной Республики Танзания.* Сообщение № 22/2014. Соображения Комитета по правам инвалидов от 18 августа 2017 г.

Тема сообщения: пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение; дискриминация в отношении лица, страдающего альбинизмом.

Вопрос существа: альбинизм; дискриминация по признаку инвалидности; пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение; нарушение права на уважение интеллектуальной и психической неприкосновенности.

Правовые позиции Комитета. В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 5 Конвенции [о правах инвалидов]³ государства-участники обязаны обеспечить, чтобы все лица были равны перед законом и имели право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации, а также предпринимать все надлежащие шаги к обеспечению разумного приспособления для поощрения равенства и устранения дискриминации. Комитет считает, что дискриминация может быть

результатом дискриминационного эффекта нормы или меры, которые не рассчитаны на дискриминацию, но несоразмерно затрагивают инвалидов⁴ (п. 8.3 Соображений).

Комитет... напоминает, что, согласно ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, под “пыткой” понимается любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. Комитет далее напоминает, что насильственные действия, от которых пострадал автор, были совершены частными лицами; как таковые они не являются актами пыток (п. 8.5 Соображений).

Тем не менее Комитет напоминает, что обязательство государств-участников предотвращать пытки и бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и наказывать за них распространяется на действия, совершенные как государственными, так и негосударственными субъектами⁵. При рассмотрении таких дел особенно важны оперативность и эффективность (п. 8.6 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает во внимание... довод [автора] о том, что он подвергся дискриминации по признаку инвалидности, поскольку тип насилия, жертвой которого он стал, является широко распространенным в государстве-участнике и затрагивает только лиц, страдающих альбинизмом. Комитет... принимает во внимание утверждение автора о том, что он стал жертвой дискриминации по признаку инвалидности в результате того, что лица, подвергшие его насилию, по сей день не понесли наказания. В этой связи автор утверждает, что безнаказанность характерна для большинства случаев насилия в отношении лиц, страдающих альбинизмом, поскольку власти государства-участника считают, что эти случаи связаны с колдовством, которое является общепризнанной культурной практикой, в отношении которой в обществе сохраняются многочисленные суеверия... Комитет отмечает, что власти государства-участника не приняли необходимые меры для проведения эффективного, полноценного и беспристрастного расследования и для привлечения преступников к ответственности, а также то, что не были приняты никакие профилактические или защитные меры в отношении насилия над лицами с альбинизмом (п. 8.2 Соображений).

Комитет отмечает, что автор стал жертвой насильственного преступления, имеющего все признаки практики, затрагивающей исключительно лиц, страдающих альбинизмом: 10 апреля 2010 г. он подвергся нападению со стороны двух муж-

¹В п. 9 своих заключительных замечаний по третьему периодическому докладу Казахстана (CAT/C/KAZ/CO/3) Комитет призвал также государство-участник “обеспечить, чтобы признанным виновными лицам назначались надлежащие меры наказания, соизмеримые с тяжестью такого преступления, как пытки”.

²Комитет ООН по правам инвалидов (далее — Комитет) действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора.

³Далее — Конвенция.

⁴См. *С.К. против Бразилии*, п. 6.4.

⁵См. Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, п. 13.

чин, когда собирал хворост; они ударили его по голове дубинками; отрубили левую руку ниже локтя; и забрали ее с собой. С тех пор доступ автора к правосудию был существенно ограничен в том смысле, что после прекращения первого разбирательства компетентные органы, по всей видимости, не проводили никаких следственных действий, и спустя восемь с лишним лет с момента совершения преступного нападения на автора виновные по данному делу так и не понесли наказание (п. 8.3 Соображений).

Комитет считает, что государство-участник не может уклоняться от исполнения своих обязательств по Конвенции в силу лишь того факта, что некоторые из его судебных органов, например окружной суд Морогоро и Конституционный суд, уже рассмотрели или находятся в процессе рассмотрения данного дела, в то время как очевидно, что процедуры правовой защиты государства-участника являются неоправданно длительными и, как представляется, окажутся неэффективными. Кроме того, Комитет отмечает, что власти государства-участника не оказывали автору никакой помощи, с тем чтобы он мог вернуться к самостоятельной жизни после потери руки, и что в целом государство-участник не приняло никаких мер для предотвращения подобных проявлений насилия в отношении лиц, страдающих альбинизмом, и для их защиты. При отсутствии каких-либо объяснений со стороны государства-участника по данным вопросам Комитет считает, что автор стал жертвой насилия, направленного исключительно на лиц, страдающих альбинизмом. Он далее считает, что в результате того, что государство-участник не предотвращает подобные действия и не наказывает за них, автор и другие лица, страдающие альбинизмом, оказались в особо уязвимом положении, не имея возможности жить в обществе наравне с другими... Комитет заключает, что автор стал жертвой прямой дискриминации по признаку инвалидности в нарушение положений ст. 5 Конвенции (п. 8.4 Соображений).

Что касается утверждений автора, касающихся ст. 15 Конвенции, Комитет принимает во внимание его довод о том, что действия, которым он подвергся, равносильны пыткам и нарушению его физической целостности. Комитет напоминает, что в соответствии с пп. 1 и 2 ст. 15 Конвенции никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство видам обращения и наказания, и государства-участники принимают все эффективные законодательные, административные, судебные или иные меры к тому, чтобы инвалиды наравне с другими не подвергались пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство видам обращения и наказания (п. 8.5 Соображений).

Комитет считает, что пережитые автором страдания, ставшие результатом бездействия со стороны государства-участника, которое не позволило эффективно привлечь к ответственности подозреваемых в совершении данного преступления, стали причиной повторной виктимизации и равносильны психологическим пыткам и/или неправомерному обращению¹. В силу этих причин Комитет полагает, что с учетом обстоятельств настоящего дела государство-участник

нарушило положения ст. 15 Конвенции (п. 8.6 Соображений).

Что касается жалобы автора по ст. 17 Конвенции, Комитет напоминает, что каждый инвалид имеет право на уважение его физической и психической целостности наравне с другими. Право на личную целостность основывается на самом понятии личности; оно связано с идеей человеческого достоинства и с необходимостью защиты физического и психического пространства каждого человека; речь идет о запрете физических и психологических пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, а также широкого круга менее тяжких посягательств на тело и разум человека. Акты насилия, которым подвергся автор, безусловно, подпадают под категорию действий, ведущих к нарушению физической и психической целостности затрагиваемого лица. Комитет также напоминает, что в соответствии со ст. 4 Конвенции на государствах-участниках лежит общее обязательство принимать все необходимые меры для обеспечения и поощрения полного осуществления всех прав человека, включая право на личную целостность. В рассматриваемом случае государство-участник не приняло никаких мер для предотвращения деяний, которые пришлось пережить автору, и наказания виновных, а также для оказания ему помощи в возвращении к самостоятельной жизни после потери руки. Кроме того, на сегодняшний день виновные остаются абсолютно безнаказанными. Соответственно Комитет считает, что тот факт, что государство-участник не приняло все необходимые меры для предотвращения актов насилия, подобных тем, которым подвергся автор, а также для эффективного расследования этих актов и наказания виновных в деле автора, представляет собой нарушение его прав, закрепленных в ст. 17, рассматриваемой в совокупности со ст. 4 Конвенции (п. 8.7 Соображений).

Выводы Комитета. Государство-участник не выполнило своих обязательств по ст.ст. 5, 15 и 17, рассматриваемым в совокупности со ст. 4 Конвенции (п. 9 Соображений).

Право на свободу и личную неприкосновенность

Практика договорных органов ООН

Комитет против пыток

См. вышеприведенное Решение Комитета по правам человека от 31 июля 2017 г. по делу *Рашед Джаидан против Туниса* (сообщение № 654/2015).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 18496/16 и 2 другие жалобы “*Эскерханов и другие против России*” (вынесено 25 июля 2017 г., вступило в силу 25 октября 2017 г.), которым установлено нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции в связи с ненадлежащим рассмотрением судом жалоб заявителя на постановления о продлении срока содержания под стражей.

Заявитель жаловался, ссылаясь на п. 4 ст. 5 Конвенции, что его апелляционные жалобы на постановления о продлении срока содержания под стражей рассматривались с задержками.

Европейский Суд установил, что “[в] данном деле внутригосударственный суд рассматривал апелляционную жалобу заявителя на постановление о продлении срока содержания под стражей... в течение ста одиннадцати дней и апелляционную жалобу на постановление о продлении срока содержания под стражей... в течение семидесяти трех дней” (п. 46 постановления).

¹См., например, Комитет по правам человека, сообщение № 1956/2010, *Дурич и Дурич против Боснии и Герцеговины*, Соображения, принятые 16 июля 2014 г., пп. 9.6—9.7; *Ируста и дель Валье Ируста против Аргентины*, п. 10.8.

Суд отметил, что "...в данном деле ничто не указывает на то, что заявитель каким-либо образом вызывал отсрочку в апелляционном производстве... [3]начительные задержки при рассмотрении апелляционных жалоб заявителя не могут считаться соответствующими требованию пункта 4 статьи 5 Конвенции о "безотлагательности" (пп. 47—48 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что имело место нарушение п. 4 ст. 5 (п. 49 постановления)¹.

Право на справедливое судебное разбирательство

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: Арсен Амбарян против Кыргызстана. Сообщение № 2162/2012. Соображения Комитета по правам человека от 28 июля 2017 г.

Тема сообщения: задержание; судебное разбирательство по уголовному делу.

Вопросы существа: пытки и неправомерное обращение; произвольный арест — содержание под стражей; справедливое судебное разбирательство.

Правовые позиции Комитета. Право всех лиц, обвиняемых в уголовном преступлении, быть в срочном порядке и подробно уведомленными на языке, который они понимают, о характере и основании предъявляемых им обвинений, предусмотренное в подп. "а" п. 3 [Международного пакта о гражданских и политических правах], является первой из предусмотренных в ст. 14 [Пакта] минимальных гарантий в уголовном процессе. Содержащиеся в подп. "а" п. 3 [Пакта] конкретные требования могут быть удовлетворены посредством предъявления обвинения устно — если впоследствии оно подтверждается в письменной форме — или в письменной форме при условии, что в информации указаны соответствующий закон и предполагаемые общие факты, на которых строится обвинение². С учетом того, что обвинительный акт является ключевым документом в уголовном судопроизводстве, Комитет считает крайне важным, чтобы обвиняемый понимал его содержание полностью и чтобы государство прилагало все необходимые усилия для предоставления ему копии этого документа на доступном ему языке и на безвозмездной основе (п. 9.2 Соображений).

Комитет напоминает... о том, что право пользоваться бесплатной помощью переводчика, если обвиняемые не понимают языка, используемого в суде, или не говорят на этом языке, в том виде, как оно предусмотрено в подп. "f" п. 3 ст. 14 [Пакта], воплощает еще один аспект принципа справедливости и равенства состязательных возможностей в судопроизводстве по уголовным делам³; это право действует на всех этапах устного судебного разбирательства и принадлежит как иностранцам, так и гражданам государства⁴ (п. 9.3 Соображений).

¹В Верховный Суд РФ поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, также содержащих констатацию нарушения п. 4 ст. 5 Конвенции в связи с ненадлежащим рассмотрением национальными судами жалоб заявителей на постановления о продлении срока содержания под стражей. Постановления Европейского Суда по жалобам № 25102/07 и 7 других жалоб "Соколова и другие против России" (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.) и № 31044/08 и 9 других жалоб "Мулюков и другие против России" (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.).

²См. Замечание общего порядка № 32, п. 31.

³См. сообщение № 219/1986, *Гедон против Франции*, Соображения, принятые 25 июля 1990 г., п. 10.2.

⁴См. Замечание общего порядка № 32.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждения автора по подп. "а" и "f" п. 3 ст. 14 [Пакта] о том, что его брат, родным языком которого является русский, не был в срочном порядке проинформирован о причинах и характере предъявленных ему обвинений на доступном ему языке, не мог понять содержание обвинительного акта, доступного только на киргизском языке, и не получил копию приговора на русском языке. Государство-участник опровергает эти утверждения, заявляя, что для рассмотрения дела был назначен переводчик, а брат автора, его адвокат и переводчик имели доступ к материалам дела. Комитет напоминает, что в соответствии с его практикой причины ареста должны сообщаться на одном из языков, который арестованный понимает⁵... При отсутствии дополнительной информации по этому делу утверждения автора о том, что его брат не мог ознакомиться с обвинительным актом, доступным только на киргизском языке, следует считать достаточно вескими. Таким образом, Комитет приходит к выводу, что представленные факты свидетельствуют о нарушении прав брата автора по подп. "а" п. 3 ст. 14 Пакта (п. 9.2 Соображений).

Комитет отмечает, что услуги переводчика предоставлялись брату автора на протяжении всего судебного разбирательства, о чем свидетельствуют протоколы слушаний. Таким образом, Комитет приходит к выводу, что представленные факты не свидетельствуют о нарушении прав брата автора по подп. "f" п. 3 ст. 14 Пакта (п. 9.3 Соображений).

Вывод Комитета. Имеющиеся... в распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником прав брата автора сообщения, предусмотренных подп. "а" п. 3 ст. 14 Пакта (п. 10 Соображений).

См. также вышеприведенные Соображения Комитета по правам человека от 28 июля 2017 г. по делу *Антон Батанов против Российской Федерации* (сообщение № 2532/2015).

См. также вышеприведенные Соображения Комитета по правам человека от 28 июля 2017 г. по делу *Факридин Аширов против Кыргызстана* (сообщение № 2435/2014).

См. также вышеприведенное Решение Комитета против пыток от 31 июля 2017 г. по делу *Рашид Джаидан против Туниса* (сообщение № 654/2015).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобам № 37037/03, 39053/03 и 2469/04 "*Чаушев и другие против России*" (вынесено 25 октября 2016 г., вступило в силу 25 января 2017 г.), которым установлено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с несоблюдением принципа публичности судебного разбирательства.

Заявители жаловались, ссылаясь на нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции, на необоснованность рассмотрения их дела в закрытом судебном заседании.

Власти отметили, что "...[з]акрытый характер судебного разбирательства никак не повредил заявителям, поскольку их приговор был законным, даже если он был скрыт от общественности. Заявители не обжаловали постановление о проведении закрытого судебного разбирательства и не высказали возражений про-

⁵См. Замечание общего порядка № 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, п. 26; сообщение № 868/1999, *Уилсон против Филиппин*, Соображения, принятые 30 октября 2003 г., пп. 3.3 и 7.5.

тив самого судебного процесса. Федеральный закон “О борьбе с терроризмом” действительно допускает проведение закрытых судебных разбирательств в случае предъявления обвинений в террористической деятельности во избежание нарушения закона обвиняемыми или их сообщниками, находящимися на свободе” (п. 18 постановления).

Европейский Суд напомнил, что “...проведение открытых судебных слушаний является основополагающим принципом, закрепленным в пункте 1 статьи 6 Конвенции. Публичный характер судопроизводства защищает стороны по делу от осуществления правосудия втайне, без контроля со стороны общественности; при этом он также является одним из средств поддержания доверия к судам. При осуществлении правосудия, включая судебные разбирательства, легитимность обеспечивается за счет его публичного характера. Обеспечивая прозрачность осуществления правосудия, гласность способствует реализации цели пункта 1 статьи 6, а именно справедливости судебного разбирательства, гарантия которой является одним из основополагающих принципов любого демократического общества по смыслу Конвенции... Гласность имеет большое значение в обычном уголовном судебном разбирательстве, которое зачастую может затрагивать и опасных лиц, несмотря на сопутствующие проблемы безопасности” (п. 22 постановления).

Суд отметил, что “[т]ребование о публичном характере судебного разбирательства может иметь исключения. Это явствует из текста пункта 1 статьи 6 Конвенции, который устанавливает, что “пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям ...национальной безопасности в демократическом обществе... или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия”. Таким образом, иногда может быть необходимо в соответствии со статьей 6 Конвенции ограничить открытый и публичный характер судебных разбирательств, например, в целях защиты безопасности или частной жизни свидетелей или обеспечения свободного обмена информацией и мнениями при осуществлении правосудия” (п. 23 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что он “...согласен с Властями в том, что гласности судебного разбирательства иногда приходится подчиняться необходимости обеспечения безопасности в зале суда, однако случаи, когда соображения безопасности оправдывают лишение общественности допуска на судебное разбирательство, редки... В настоящем деле ни суд первой инстанции, ни суд кассационной инстанции не привели оснований для закрытия судебного разбирательства для общественности, хотя ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР обязывает судью делать это. В связи с этим Властям не разрешается изобретать эти основания в Суде” (п. 24 постановления).

Суд пришел к выводу, что “...по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с непроведением публичного слушания” (п. 25 постановления)¹.

¹В Верховный Суд РФ поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, также содержащих констатацию нарушения ст. 6 Конвенции в связи с нарушением прав заявителей на справедливое судебное разбирательство по уголовным делам. Постановления Европейского Суда по жалобам № 12584/05, 45074/05, 45690/05, 11343/06, 51264/07, 59378/08 “Ичетовкина и другие против России” и № 22625/07, 14218/08, 12509/09, 3154/11, 21968/12, 16340/13, 30203/13, 69862/13, 28992/14 “Климов и другие против России” (вынесено и вступило в силу 30 ноября 2017 г.).

Право на уважение личной и семейной жизни

Комитет по правам человека

Сообщение: *Н.К. против Нидерландов*. Сообщение № 2326/2013. Соображения Комитета по правам человека от 18 июля 2017 г.

Тема сообщения: обязательная экспертиза ДНК ребенка, находящегося в конфликте с законом.

Вопрос существа: произвольное или незаконное вмешательство в личную жизнь; надлежащие процессуальные гарантии для детей, находящихся в конфликте с законом.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что... предусмотренное законодательством вмешательство должно соответствовать положениям, задачам и целям Международного пакта о гражданских и политических правах и быть разумным в конкретных обстоятельствах². Понятие “произвольности” включает в себя элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и надлежащей правовой процедуры³ наряду с элементами разумности, необходимости и соразмерности⁴. Даже несмотря на то, что в обществе защита личной жизни не может быть абсолютной, компетентные государственные органы должны иметь возможность запрашивать только ту информацию, касающуюся личной жизни индивида, получение которой необходимо в интересах общества, как они понимаются в Пакте⁵. Даже в отношении вмешательства, которое соответствует Пакту, в соответствующем законодательстве должны подробно определяться конкретные обстоятельства, в которых такое вмешательство может допускаться. Решение о санкционировании такого вмешательства должно приниматься только конкретным органом, предусмотренным законом, и строго индивидуально⁶ (п. 9.5 Соображений).

Комитет считает, что дети отличаются от взрослых по своему физическому и психологическому развитию и по своим эмоциональным и образовательным потребностям⁷. Как это предусмотрено, среди прочего, в ст. 24 и п. 4 ст. 14 Пакта, государства-участники обязаны принимать специальные меры защиты⁸. В частности, во всех решениях, принимаемых в контексте отправле-

²См. Замечание общего порядка № 16 Комитета, п. 4. См. также постановление по делу *С. и Марпер*, п. 107, в котором Суд заявил, что “...основные принципы защиты данных требуют, чтобы сохранение данных было соразмерно цели их сбора и чтобы срок их хранения был ограничен”.

³См., в частности, Замечание общего порядка № 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, п. 12, сообщения № 2009/2010, *Ильясов против Казахстана*, Соображения, принятые 23 июля 2014 г., п. 7.4, № 2081/2011, *Д.Т. и А.А. против Канады*, Соображения, принятые 15 июля 2016 г., п. 7.6.

⁴См. Замечание общего порядка № 35 Комитета, п. 12.

⁵См. Замечание общего порядка № 16 Комитета, п. 7.

⁶Там же, п. 8.

⁷См. Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка № 10 (2007) о правах детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, п. 10; документ CRC/C/NLD/CO/4, пп. 58–59, в котором Комитет выразил обеспокоенность практикой ДНК-тестирования детей, находящихся в конфликте с законом, и рекомендовал государству-участнику запретить практику ДНК-тестирования детей, находящихся в конфликте с законом, и удалять записи о судимости детей, которые были оправданы или отбыли срок наказания.

⁸См. принятое Комитетом Замечание общего порядка № 17 (1989) о правах ребенка и сообщение № 2107/2011, *Бережной против Российской Федерации*, Соображения, принятые 28 октября 2016 г., п. 9.7.

ния правосудия по делам несовершеннолетних, главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка¹. Особое внимание следует уделять необходимости защиты частной жизни детей в уголовном судопроизводстве² (п. 9.10 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что прохождение ею процедуры анализа ДНК представляет собой произвольное вмешательство в ее личную жизнь в нарушение ст. 17 Пакта. В частности, она утверждает, что ни ее возраст, ни характер преступления, за которое она была осуждена, не были приняты во внимание при вынесении генеральным прокурором постановления об анализе ДНК; что постановления о проведении анализа ДНК издаются автоматически без проведения оценки особых обстоятельств конкретного дела и что предмет опротестования не включает само взятие пробы (п. 9.2 Соображений).

Комитет считает, что сбор ДНК-материала для целей анализа и хранения собранного материала в базе данных, которая может быть использована в будущем в целях уголовного расследования, является достаточно интрузивной мерой и, следовательно, представляет собой “вмешательство” в личную жизнь автора в соответствии со ст. 17 Пакта³. Даже если, как указывает государство-участник, профиль ДНК автора был позднее уничтожен в результате нового приговора суда в рамках апелляции, Комитет считает, что вмешательство в личную жизнь автора уже произошло. Вопрос заключается в том, является ли такое вмешательство произвольным или незаконным в соответствии со ст. 17 Пакта (п. 9.3 Соображений).

Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что анализ ДНК, регулируемый Законом об анализе ДНК Нидерландов, преследует законную цель, а именно расследование, уголовное преследование и судебное рассмотрение серьезных уголовных преступлений и защиту прав других лиц, в том числе потенциальных жертв насилия или преступлений на сексуальной почве. Он является соразмерным с учетом того, что обеспечивает минимальное вмешательство, поскольку образец отбирается наименее инвазивным методом; образец хранится анонимно в течение ограниченного периода времени; эта процедура распространяется только на лиц, осужденных за преступления определенной степени тяжести; и она является необходимой в демократическом обществе, учитывая отсутствие других столь же эффективных средств предупреждения и расследования таких преступлений (п. 9.4 Соображений).

¹См. Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка № 10 (2007) о правах детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, п. 10.

²См. *S. and Marper v. United Kingdom*, п. 124.

³Комитет согласен со следующими выводами Европейского Суда по правам человека, содержащимися в его постановлении *С. и Марпер против Соединенного Королевства*, постановление от 4 декабря 2008 г., пп. 72–73: “...Помимо сугубо личного характера образцов клеток, Суд отмечает, что они содержат весьма чувствительную информацию о физическом лице, включая информацию о его или ее здоровье. Кроме того, образцы содержат уникальный генетический код, имеющий огромное значение как для самого этого лица, так и для его родственников”. “С учетом характера и объема персональных данных, содержащихся в образцах клеток, их сохранение само по себе должно рассматриваться как посягательство на право на уважение частной жизни соответствующих лиц”.

В данном случае Комитет отмечает, что 18 марта 2009 г. автор была приговорена к 36 час. общественных работ за словесные оскорбления и кражу. В тот же день окружной прокурор постановил провести анализ ее ДНК, и образец ткани был взят 8 апреля 2009 г. Хотя государство-участник предоставило разъяснения в отношении содержания и общего применения Закона об анализе ДНК, оно не привело в свете заявленной государством-участником законной цели причину необходимости проведения обязательного анализа ДНК автора с учетом ее участия в уголовных деяниях и характера этих деяний (п. 9.6 Соображений).

Комитет отмечает заявление автора о том, что в соответствии с Законом об анализе ДНК постановления об анализе ДНК издаются автоматически в отношении лиц, которые получили наказание в виде лишения свободы, заключения под стражу в исправительное учреждение для несовершеннолетних или альтернативной меры наказания за совершение правонарушений такой тяжести, за которую может быть назначено досудебное содержание под стражей. Государство-участник признало, что Закон предусматривает только ограниченное взвешивание интересов государственным прокурором перед изданием постановления об отборе образца ткани. Комитет... отмечает, что, хотя в соответствии с подп. “b” п. 1 ст. 2 Закона существуют исключения в отношении анализа ДНК, они сформулированы очень узко и не включают, например, учет возраста правонарушителя, как это было признано государством-участником. Согласно государству-участнику, подп. “b” п. 1 ст. 2 Закона применяется только в исключительных случаях, например когда соответствующее лицо на практике не может совершить рецидив (например, из-за телесных повреждений) (п. 9.7 Соображений).

Комитет... отмечает, что этот Закон предусматривает средства правовой защиты не в отношении самого отбора образцов ткани, а лишь в отношении определения и обработки данных профиля ДНК того или иного лица. Государство-участник утверждает, что соответствующее лицо может подать ходатайство о вынесении гражданско-правового судебного запрета, оспорив отбор образца ткани на основании того, что, беря образец для целей анализа ДНК, государство совершает противоправное деяние. Вместе с тем государство-участник не доказало, что такое средство правовой защиты было бы эффективным, учитывая, в частности, что отбор образца ткани является “законным” в соответствии с внутренним законодательством. Кроме того, Комитет отмечает, что в случае принятия судом решения об отклонении протеста в отношении обработки данных профиля ДНК того или иного лица, апелляция невозможна (п. 9.8 Соображений).

Комитет принимает к сведению позицию государства-участника, согласно которой отбор образца ткани связан с весьма незначительным вмешательством в личную жизнь, поскольку образец ткани и профиль ДНК шифруются и хранятся анонимно. Вместе с тем Комитет... отмечает, что образец ткани и профиль ДНК хранятся в случае серьезных преступлений в течение 30 лет и в течение 20 лет в случае менее серьезных правонарушений (п. 9.9 Соображений).

Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что в [Законо об анализе ДНК] не делается различие между детьми и взрослыми, поскольку не существует оснований для того, чтобы проводить юридическое различие

между ними в целях предупреждения, расследования и уголовного преследования уголовных преступлений, и что этот Закон не противоречит наилучшим интересам ребенка... Как поясняет автор, ее возраст так и не был принят во внимание, в том числе во время всего процесса отбора образца ткани, когда она не была проинформирована о возможности опротестовать отбор образца сотрудником полиции и о том, что она могла сопровождаться ее законным представителем (п. 9.10 Соображений).

Комитет считает, что, хотя вмешательство в личную жизнь автора не являлось нарушением внутреннего законодательства, оно не было соразмерно законной цели предупреждения и расследования серьезных преступлений. Поэтому Комитет приходит к выводу, что это вмешательство было произвольным и явилось нарушением ст. 17 Пакта (п. 9.11 Соображений).

Вывод Комитета. Представленные факты свидетельствуют о нарушении ст. 17 Пакта (п. 10 Соображений).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 20489/07 “Уруков против России” (вынесено и вступило в силу 6 июня 2017 г.), которым установлено нарушение ст. 8 Конвенции в связи с проникновением сотрудников полиции в квартиру заявителя на основании постановления о его заключении под стражу.

Заявитель жаловался на нарушение его права на уважение жилища из-за проникновения сотрудников полиции в его квартиру.

Европейский Суд отметил, что “...осмотр места жительства заявителя, независимо от его классификации по национальному законодательству и его фактической продолжительности, представляет собой вмешательство в право заявителя на уважение его жилища, гарантированное статьей 8 Конвенции... Не имеет значения для вопроса о вмешательстве то, что эта мера была применена в отсутствие заявителя” (п. 44 постановления).

Суд установил, что “...в отношении визита сотрудников полиции, касательно которого была подана жалоба, не было вынесено предварительного судебного разрешения такой формы, какой требует Закон об оперативно розыскной деятельности... Вопреки заявлению Властей, постановление о заключении под стражу не разрешало полиции вторгаться в жилое помещение или производить там обыск. Сотрудники полиции взяли на себя ответственность за проникновение в жилище заявителя, чтобы проверить информацию, которую они якобы получили, о нахождении заявителя в помещении” (п. 45 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “...положения Закона о полиции, упомянутые в качестве правовой основы для обыска дома заявителя, были сформулированы в неопределенных и общих терминах и не могут служить в качестве достаточно предсказуемой правовой основы для вмешательства в настоящее дело... В любом случае, ни одно из исключений, предусмотрен-

ных в Законе о полиции, не было применимо: очевидно, что при проникновении в жилище заявителя сотрудники полиции не преследовали подозреваемого или не пытались предотвратить чрезвычайную ситуацию, и не располагали информацией о каком-либо преступлении, которое было совершено в квартире” (п. 46 постановления).

Суд пришел к выводу, что в настоящем деле было допущено нарушение требований ст. 8 Конвенции (п. 48 постановления).

Право на свободу передвижения

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 55382/07 “Забелин и Забелина против России” (вынесено и вступило в силу 4 октября 2016 г.), которым установлено нарушение ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции в связи с нарушением прав заявителей на свободу передвижения ввиду незаконного изъятия следователем заграничных паспортов заявителей при проведении обыска в связи с привлечением их сына к уголовной ответственности.

Заявители жаловались на то, что изъятие их заграничных паспортов в ходе обыска являлось незаконным вмешательством в их право покидать Российскую Федерацию, гарантированное ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции.

Европейский Суд напомнил, что “...пункт 2 статьи 2 Протокола № 4 гарантирует любому лицу право на выезд из любой страны в любую страну по выбору лица, куда ему или ей разрешен выезд. Мера, посредством которой лицо лишено удостоверения личности, к примеру, такого как паспорт, несомненно является вмешательством в осуществление свободы передвижения” (п. 18 постановления).

Суд отметил, что “[и]зъятие заграничных паспортов заявителей привело к лишению их документов, которые позволили бы им покинуть страну по их желанию и, таким образом, привело к вмешательству в их права, предусмотренные пунктом 2 статьи 2 Протокола № 4” (п. 19 постановления).

Европейский Суд установил, что “[с]тороны согласились, что для упомянутого вмешательства не имелось оснований в российском законодательстве. Этого достаточно для того, чтобы Суд заключил, что вмешательство не было обосновано, и пришел к выводу об отсутствии в необходимости рассмотрения остальных вопросов” (п. 20 постановления).

Суд пришел к выводу, что имело место нарушение ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции (п. 21 постановления).

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
4 июля 2018 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е., Горшков В.В., Давыдов В.А.,
Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нечаев В.И., Петрова Т.А., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В.,
Свириденко О.М., Хаменков В.Б., Хомчик В.В., Шилов О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 28.03.2019.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 9,87. Тираж 8663 экз. Заказ 58-2019.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
109316, г. Москва, Волгоградский просп., д. 43, корп. 3, эт. 11, пом. XXVI, комн. 13К.
Телефон: 495-636-27-08.
E-mail: e.moiseeva@sinteria.ru
